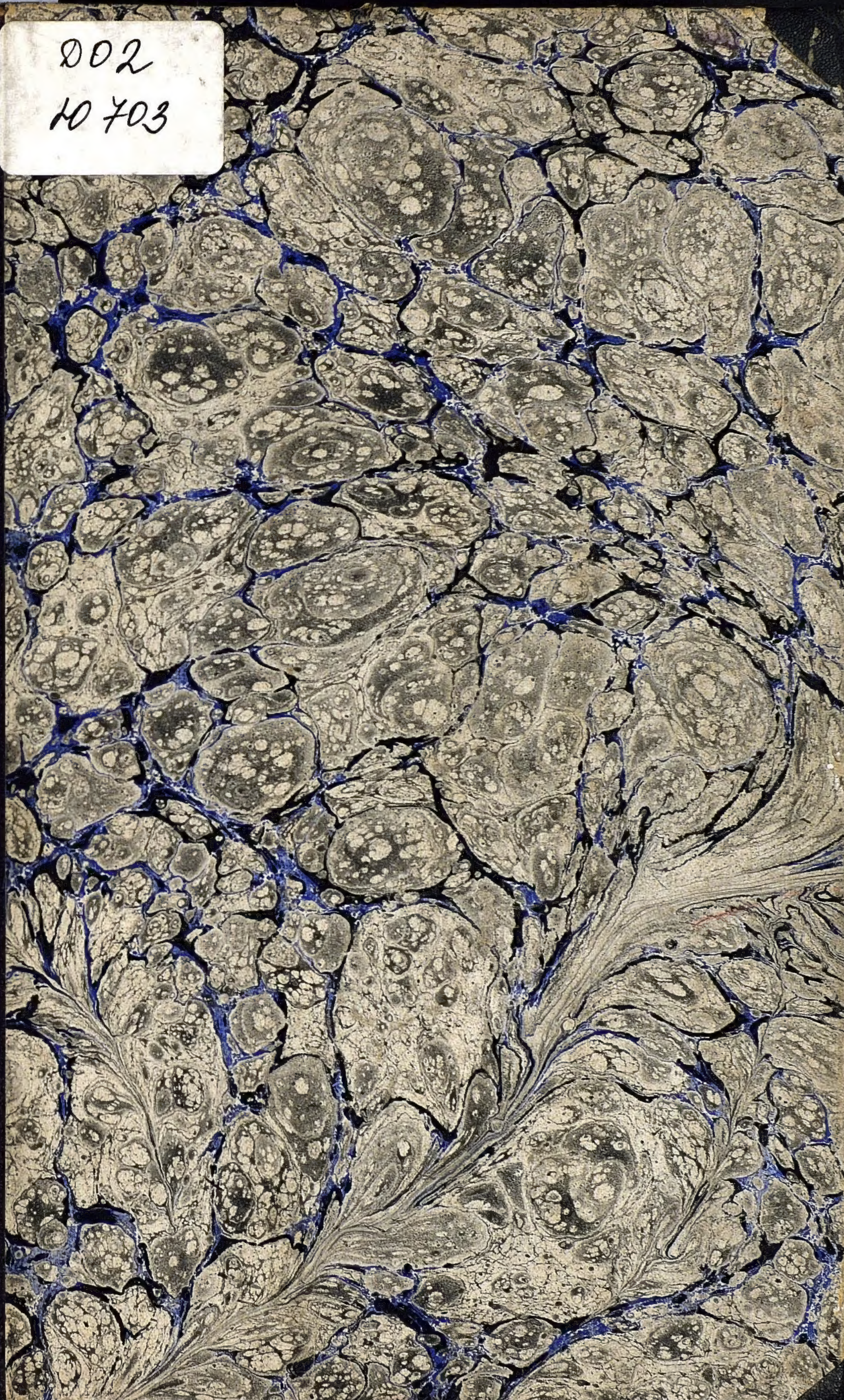

D02
10 703

Проверено 1964 г.

-- МАЙ 2008

1528

ЮРИДИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

1889

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

ТОМЪ III

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

(Декабрь)

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1889

Науч. абонемент

О ДОПУЩЕНІИ И ИЗГНАНІИ ИНОСТРАНЦЕВЪ *).

Чѣмъ шире развиваются, въ наши дни, сношенія между государствами и ихъ подданными, тѣмъ бóльшій получаетъ интересъ вопросъ объ *иностранцахъ*. Но изученіе его затрудняется не только разнообразіемъ и даже противорѣчіями положительныхъ законодательствъ, но и далеко не однообразною въ этомъ отношеніи практикою. Даже въ одной и той же странѣ отношенія къ иностранцамъ колеблются, переходятъ нерѣдко отъ одной крайности къ другой, смотря по проявляющимся въ ней политическимъ и экономическимъ потребностямъ или просто воззрѣніямъ.

Въ наше время почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ замѣтно усиливается недовѣріе, враждебность къ иностранцамъ. Думаютъ о затрудненіи имъ доступа на нашу территорію и принятія нашего подданства, рекомендуютъ обложеніе ихъ спеціальными налогами и особенно возстаютъ противъ прибытія иностранныхъ рабочихъ, дѣлающихъ, какъ говорятъ, туземнымъ вредную конкурренцію и вызывающихъ пониженіе заработной платы. Отношенія къ иностранцамъ значительно еще обостряются вслѣдствіе усиливающейся борьбы соціалистовъ противъ правительствъ, что заставляетъ одни правительства не достаточно зорко слѣдить за дѣйствіями на своей территоріи иностранныхъ руководитдлей этой партіи, а другія — заводить секретныхъ шпіоновъ на территоріи сосѣдей и возлагать на нихъ неблаговидную роль агентовъ-возмутителей [1]).

*) Читано въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 23 октября 1889 г. Нѣкоторыя фактическія данныя по положенію иностранцевъ въ наши дни мы сообщаемъ въ статьѣ, печатаемой въ декабрьской книжкѣ «Русской Мысли».

Чтобы найти изъ этого лабиринта исходъ, наиболѣе справедливый и удобопріемлемый, надо по возможности весь вопросъ объ иностранцахъ изъ области административныхъ распоряженій перенести на почву права и тутъ, во свѣтѣ твердыхъ юридическихъ началъ, стремиться къ согласованію борющихся между собою политическихъ интересовъ. Международное право, какъ общая и высшая сфера права по отношенію къ отдѣльнымъ государствамъ, болѣе всего призвано пролить свѣтъ на эти принципы и выяснить существующую между ними взаимную связь.

Принциповъ этихъ, сообразно съ числомъ лицъ, дѣйствующихъ въ занимающемъ насъ теперь вопросѣ, три: во первыхъ, *свобода передвиженія*, составляющая право каждой человѣческой личности; во вторыхъ, *суверенитетъ*, или территоріальное верховенство государствъ, въ силу котораго они призваны заботиться о порядкѣ и безопасности въ предѣлахъ своихъ владѣній; наконецъ, принципъ *общенія* между народами, составляющими въ свою очередь обширный международный союзъ, пока весьма недостаточно организованный и ограниченный Европою и Америкою, но долженствующій со временемъ связать въ одно юридическое цѣлое все человѣчество.

Послѣдній изъ названныхъ принциповъ, не поглощая двухъ предъидущихъ, является, однако, съ международной точки, высшимъ и ихъ примиряющимъ.

Высказывая это положеніе, мы становимся въ противорѣчіе съ большинствомъ интернаціоналистовъ нашего времени [2]): они все еще утверждаютъ, будто суверенитетъ государства въ предѣлахъ его территоріи неограниченъ. Мы рѣшительно отвергаемъ эту устарѣвшую теорію, какъ во имя международнаго права, такъ и въ силу самой внутренней природы современнаго государства: суверенитетъ его, какъ юридическая идея, ограниченъ и именно: въ международной области—фактомъ сосуществованія множества государствъ, всѣхъ по идеѣ независимыхъ и между собою равныхъ, а во внутренней его жизни—неотъемлемыми правами человѣка, а равно особенностями и правами той духовной личности (народа), которая живетъ и дѣйствуетъ въ конкретномъ государствѣ.

Съ точки зрѣнія критикуемой нами теперь теоріи, — права иностранцевъ представляются не болѣе какъ *уступки*, которыя имъ дѣлаетъ территоріальное правительство и которыя могутъ быть, по усмотрѣнію послѣдняго, измѣняемы, а то пожалуй и вовсе отмѣняемы. Этому произволу служитъ нѣкоторою преградою развѣ принципъ *взаимности*, играющій столь большую роль во взаимныхъ сноше-

ніяхъ народовъ. Но все совершенно измѣняется, если стать на почву международнаго права, въ данномъ случаѣ наиболѣе для всѣхъ справедливую и широкую: суверенитетъ не отвергается, но во имя общаго блага каждое государство должно считать себя обязаннымъ признавать, даже на своей территоріи, извѣстныя права за дѣйствіями и подданными другаго государства. Это ведетъ къ важнымъ послѣдствіямъ: изолированность между государствами осуждается въ принципѣ, за лицемъ признается повсюду свобода движенія, иностранцы уравниваются въ гражданскихъ правахъ съ природными жителями и на государства падаетъ обязанность взаимной судебной помощи во всѣхъ областяхъ права.

Эти элементарныя истины наука должна поддерживать тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ склоннѣе практика къ ихъ нарушенію.

Собственно вопросъ объ иностранцахъ представляетъ три стороны: ихъ *допущеніе* на извѣстную территорію, въ качествѣ путешественниковъ или для краткаго на ней пребыванія, ихъ прочное *поселеніе* съ пріобрѣтеніемъ недвижимаго имущества, занятіемъ торговлею и т. п., наконецъ ихъ *изгнаніе*.

Мы предполагаемъ теперь разсмотрѣть первый и послѣдній изъ этихъ вопросовъ.

Осуждая изолированность между государствами и высказываясь за свободу движенія лицъ, мы, съ другой стороны, хорошо понимаемъ необходимость для каждаго правительства охранять безопасность страны и ея гражданъ. Но далѣе мы полагаемъ, что отношенія государства къ иностранцамъ не должны составлять предметъ *исключительно административныхъ мѣръ*, или высшей такъ называемой политической полиціи, какъ это дѣлается въ большинствѣ европейскихъ государствъ, а должны быть предусматриваемы и регулируемы *законами*, примѣненіе и истолкованіе которыхъ падало бы на обыкновенные *суды*. Вполнѣ вѣрно на этотъ счетъ выражается Баръ: «каждое лицо имѣетъ настоящее *право* пребывать на территоріи чужаго государства, лишь бы оно подчинялось требованіямъ закона этого государства относительно его допущенія» [3]). Эти условія о допущеніи иностранцевъ, повторяемъ, должны быть опредѣлены закономъ. Каждое государство вольно при этомъ сообразоваться съ собственными политическими или экономическими потребностями, но, однако, при слѣдующихъ условіяхъ: чтобы эти его законы не стояли въ противорѣчіи съ началами международнаго права, чтобы они не установляли неодинаковаго обращенія съ лицами различной національности и чтобы они вообще не слишкомъ стѣсняли передвиженіе. На-

рушеніе этихъ условій можетъ повести, со стороны обиженнаго государства, къ мѣрамъ репрессивнымъ.

Съ точки зрѣнія указанныхъ нами началъ должно относиться къ *паспортамъ* и къ другимъ документамъ, удостовѣряющимъ личность. Одно время правительства, казалось, отмѣнили паспортную систему, какъ довольно безполезную, но за послѣднее время они стали вновь ее вводить. Во всякомъ случаѣ установленіе ея нѣмецкимъ правительствомъ въ Эльзасъ-Лотарингіи (въ 1888 г.) должно быть признано стѣснительнымъ для жителей этой области и оскорбительнымъ для французовъ.

За то нельзя не рекомендовать государствамъ слѣдить съ большимъ вниманіемъ за эмигрантами изъ ихъ предѣловъ и за лицами, къ нимъ переселяющимися. Они заинтересованы въ томъ, чтобы располагать всегда точными свѣдѣніями объ этихъ категоріяхъ лицъ, ибо только такія свѣдѣніи дадутъ имъ возможность принять во время цѣлесообразныя и справедливыя для всѣхъ мѣры. Нельзя не указать на способъ контроля за иностранцами, практикуемый въ Бельгіи. Тамъ они поставлены въ завѣдываніе министра юстиціи, которому сообщается, чрезъ полицію, изо дня въ день всѣ свѣдѣнія, до нихъ относящіяся. Для этого общинныя власти сообщаютъ полиціи имена всѣхъ пріѣзжающихъ, выразившихъ намѣреніе остаться въ какой либо мѣстности королевства, а равно имена отъѣзжающихъ и свѣдѣнія о какихъ бы то ни было происшествіяхъ въ ихъ жизни, имѣющихъ нѣкоторый интересъ (о рожденіяхъ, бракахъ, смертныхъ случаяхъ, о совершеніи ими преступленій и т. д.) [4]).

Свобода въѣзда, пребыванія и выѣзда, которая должна принадлежать иностранцамъ, подлежитъ, однако, нѣкоторымъ ограниченіямъ. Послѣднія представляются намъ въ трехъ направленіяхъ, смотря по тому, касаются ли они *лицъ*, *мѣстности*, или опредѣленнаго *времени*.

Въ отношеніи *лицъ*, государства въ правѣ не допускать къ себѣ:

1) *Преступниковъ*. Но тутъ требуется, чтобы эти лица были уже осуждены судомъ и, не отбывъ своего наказанія, обратились въ бѣгство. Простое покушеніе не можетъ быть поставлено на одну линію съ преступленіемъ, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть тяжкое и дѣйствительное нарушеніе закона. Преступники политическіе должны бы и тутъ пользоваться изъятіемъ подобнымъ тому, который освобождаетъ ихъ отъ выдачи [5]). Но никакихъ агентовъ-возмутителей, шпіоновъ, или дѣятелей тайной полиціи чужаго государства не слѣдовало бы никогда у себя терпѣть.

2) *Нищихъ и бродягъ*. Лица, живущія заработной платой, не при-

числяются къ этому разряду. Бродягою, какъ хорошо говоритъ французскій законъ, слѣдуетъ считать того, кто безъ опредѣленнаго мѣста жительства не имѣетъ ни средства къ существованію, ни занятія какимъ либо ремесломъ [6]).

3) Лицъ, которыя проявили *враждебность* къ государству, на территорію котораго они хотятъ вступить.

Переходя къ *мѣстностямъ*, должно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ государства не дозволяютъ иностранцамъ поселеніе въ *пограничныхъ* своихъ областяхъ. Если эта мѣра направлена противъ лицъ извѣстной національности, она, даже въ случаѣ допустимости ея по jus strictum, всетаки будетъ отзываться, по отношенію къ этой національности, нѣкоторою враждебностію. Поэтому принятіе ея всегда требуетъ существованія дѣйствительной потребности и надо желать, чтобы она была временною.

Наконецъ государства могутъ не дозволить доступъ на свою территоріи въ *тревожныя времена*: по случаю войны, междуусобій, переворотовъ, заразныхъ болѣзній и т. п.

Вступая на территорію опредѣленнаго государства, сообразно съ постановленіями его законовъ, иностранцы пользуются охраною этихъ законовъ и въ гражданскомъ отношеніи уравниваются съ туземцами. Ихъ личныя и имущественныя права защищаются какъ и права послѣднихъ. Они пользуются свободою передвиженія, могутъ совершать всякаго рода сдѣлки, заниматься торговлею, владѣть недвижимымъ имуществомъ и защищать свои права въ судѣ безъ какихъ бы то ни было особыхъ стѣсненій. Обыкновенно все это признается въ новѣйшихъ торговыхъ трактатахъ, а встрѣчающіяся иногда отъ этого правила уклоненія носятъ мѣстный или временной характеръ и должны быть всегда предварительно обнародуемы въ формѣ законовъ [7]).

За эти послѣдніе годы приходится много слышать о различныхъ попыткахъ, дѣлаемыхъ въ нѣкоторыхъ странахъ (во Франціи, въ Англіи), обложить особымъ налогомъ (taxe de sejour) иностранцевъ. Нѣкоторые предлагаютъ подвергать ему самихъ иностранцевъ, другіе—тѣхъ предпринимателей, которые будутъ нанимать ихъ. Въ основаніи этихъ проектовъ лежатъ тѣ же идеи протекціонизма, столь вошедшія опять въ моду и въ силу которыхъ государства стараются будто бы оградить высокими пошлинами отъ иностранной конкурренціи національную промышленность. Французскій экономистъ Леруа-Больё указалъ на несостоятельность разсматриваемаго нами теперь налога даже съ экономической точки зрѣнія, ибо, говоритъ онъ нѣтъ страны, которая не нуждалась бы въ трудѣ иностранцевъ [8]).

Значитъ ли это, что туземные рабочіе не должны быть, въ извѣстныхъ случаяхъ, ограждаемы отъ иностранныхъ? Конечно нѣтъ. Только относящіяся сюда мѣры требуютъ отъ правительства большой осмотрительности и основательнаго знакомства со всѣми экономическими нуждами страны. Если эмиграція въ какое либо государство приметъ угрожающіе размѣры и окажетъ серьезное вліяніе на паденіе заработной платы, правительство этого государства, конечно, вольно ограничить ее или дать ей иное направленіе. Оно можетъ опредѣлить число переселенцевъ, которыхъ оно готово допускать къ себѣ ежегодно, даже совершенно прекратить иммиграцію, т. е., переселенія къ себѣ цѣлыхъ *массъ* иностранцевъ, но оно обязано не касаться свободы въѣзда (и краткаго пребыванія) *отдѣльныхъ лицъ* съ ученою цѣлью, для поправленія здоровья или для полученія заработка. Кромѣ того, оно должно уважать существующіе трактаты и никогда не законодательствовать въ исключительныхъ интересахъ какого либо отдѣльнаго сословія, будь то классъ капиталистовъ, или рабочихъ.

Право допущенія иностранцевъ требуетъ себѣ дополненія въ коренномъ преобразованіи такъ называемаго права ихъ *изгнанія*. Доселѣ писатели продолжаютъ думать, что изгнаніе не есть *наказаніе*, а *мѣра предупредительная*, относящаяся къ области администраціи или полиціи и которую можно примѣнять по рѣшенію единоличному министра (большею частію внутреннихъ дѣлъ). Вслѣдствіе этого открывается широкій просторъ для чисто политическихъ соображеній всякаго рода, нерѣдко лишь прикрывающихъ личный произволъ правителей. Полагаютъ далѣе, что законы будто бы не въ состояніи перечислить мотивы для изгнанія: всѣ подобныя опредѣленія были бы неизбѣжно неполны или не достаточно точны. Всѣ законные сами по себѣ мотивы къ изгнанію сводятся къ тому, что оно оправдываемо когда требуется общественнымъ или *публичнымъ интересомъ* государства, которое его совершаетъ [9]). Причины, побуждающія министра къ изгнанію иностранца, не подлежатъ обсужденію суда. Ни адвокаты, ни судьи не компетентны для разсмотрѣнія этого акта высшей полиціи или администраціи, ибо у нихъ нѣтъ достаточнаго знакомства со всѣми обстоятельствами, которыя могли вызвать такой актъ. Самая медлительность судебной процедуры только помѣшала бы достиженію цѣли, которую могли имѣть въ виду при изгнаніи, и тѣмъ сдѣлала бы послѣднее излишнимъ. Суды могли бы разсматривать не *мотивы* къ изгнанію, а развѣ лишь *законность* или *незаконность* состоявшагося о немъ распоряженія [10]).

Признаемся, мы не согласны съ этою аргументаціею. Если уже го-

ворить о *правѣ* изгнанія, то, очевидно, надо поставить весь вопросъ на почву строго-юридическую и не смотрѣть постоянно въ сторону публичныхъ интересовъ или административной цѣлесообразности, какъ дѣлаютъ писатели. Право, по нашему мнѣнію, призвано болѣе всего оградить эти интересы *цѣлаго общества* и въ то же время согласовать ихъ съ независимостью и свободою *отдѣльнаго лица.*

Прежде всего *законъ* долженъ съ возможною точностію опредѣлить случаи изгнанія и способы ихъ выполненія на практикѣ. Случаевъ этихъ должно быть какъ можно менѣе, причемъ въ соображеніе принимаются интересы изгоняющаго государства, самого изгоняемаго и его отечества. *Примѣненіе закона объ изгнаніи, по общему правилу предоставляется судамъ* (обыкновеннымъ). Удаленіе съ мѣста есть, что бы ни говорили, наказаніе, лишеніе человѣка права, принадлежащаго каждому, мирнаго, безпрепятственнаго въѣзда и отъѣзда. А если такъ, то лишеніе этого права можетъ исходить только отъ суда, въ силу постановленій закона. Тѣмъ, которые утверждаютъ, будто перечисленіе закономъ мотивовъ къ изгнанію будетъ всегда и неточно и неполно, мы отвѣчаемъ, что въ этомъ отношеніи дѣйствительно большинство европейскихъ законодательствъ требуетъ пересмотра, а съ другой стороны, и весьма несовершенный законъ предпочтительнѣе административнаго произвола. Не задаваясь идеаломъ совершенства, надо и тутъ, какъ и во всемъ остальномъ, съ любовію и энергіею приступить къ реформамъ достижимымъ, предоставивъ времени и опыту довершить недоконченное людьми.

Словомъ, въ этомъ пунктѣ нельзя не одобрить точку зрѣнія англійскаго права, по которому иностранцы пользуются, наравнѣ съ англичанами, свободою въѣзда и выѣзда изъ Великобританіи. Если они, на ея территоріи, совершатъ преступленіе или проступокъ—они, какъ ея природные подданные, привлекаются къ судебной отвѣтственности, но не изгоняются. Покушенія противъ безопасности чужаго государства не караются закономъ, если они не выражаются въ приготовленіяхъ къ убійству или въ подстрекательствѣ къ таковому [11]).

Одобряя это воззрѣніе въ принципѣ, мы однако полагаемъ, что его слѣдуетъ измѣнить въ подробностяхъ: изгнанію иностранцы подлежатъ по рѣшенію суда, какъ мы уже сказали, или и безъ таковаго рѣшенія, въ случаѣ констатированія, что они вступили на данную территорію *вопреки запрещенію закона*: въ такомъ положеніи будутъ находиться: преступники, бродяги, лица, враждебныя къ конкретному государству [12]). Въ первомъ случаѣ заключеніе въ тюрьму могло бы быть превращено для иностранцевъ въ изгнаніе.

Наконецъ, государства должны бы проявлять въ своихъ законахъ бо́льшую заботливость о взаимной безопасности и не терпѣть, чтобы ихъ территорія обращалась въ сборный пунктъ враговъ общественнаго порядка, откуда послѣдніе могли бы совершить свои нападенія противъ какой либо отдѣльной сосѣдней державы. Но борьба съ этими лицами должна происходить открыто и всегда на почвѣ закона. До привлеченія ихъ къ суду, территоріальное правительство всегда можетъ потребовать отъ нихъ удаленія отъ границы, или чтобы они перемѣнили свое мѣсто жительства на другое, которое имъ укажется, и менѣе опасное въ политическомъ отношеніи. Если бы эти предварительныя мѣры остались безуспѣшными, тогда уже виновныхъ слѣдовало бы судить и на основаніи судебнаго приговора изгнать, если того требуетъ законъ. Говорятъ, что это ведетъ къ затягиванію дѣла и къ бо́льшему обостренію отношенія между заинтересованными правительствами. Но развѣ эти недостатки (отчасти устранимые) не выкупаются уменьшеніемъ административныхъ ошибокъ и произвола и бо́льшимъ огражденіемъ правъ человѣческой личности? Наконецъ, сами отношенія между правительствами будутъ не ухудшаться, а, напротивъ, крѣпнуть и улучшаться въ той мѣрѣ, въ какой они будутъ поставлены подъ мощную охрану права. Это приводитъ насъ само собою къ необходимости для правительствъ важный вопросъ объ иностранцахъ разработать не только въ своихъ внутреннихъ *законахъ*, гораздо тщательнѣе, чѣмъ это дѣлалось до нынѣ, но и постараться объ его *международномъ регулированіи* посредствомъ сперва частныхъ *отдѣльныхъ соглашеній*, а потомъ, сообразно съ потребностями жизни, путемъ *единообразной, общей декларацiи*, въ родѣ конвенцій, опредѣляющихъ почтовое и телеграфное дѣло, авторское право, промышленную собственность и т. д. Лишь такое рѣшеніе дѣла дозволитъ въ будущемъ дѣйствительно согласовать, на почвѣ права, какъ бы борющіеся между собою интересы лица, отдѣльныхъ государствъ и всего международнаго союза.

Но если бы подобное рѣшеніе показалось многимъ радикальнымъ и преждевременнымъ, мы стоимъ, по крайней мѣрѣ, за нѣкоторыя существенныя измѣненія въ современной практикѣ изгнанія: общій надзоръ за иностранцами должно поручить не министру внутреннихъ дѣлъ, а министру юстиціи (какъ это практикуется, напр., въ Бельгіи и въ Даніи); приказы объ ихъ изгнаніи не должны исходить отъ министра единолично, но предварительно обсуждаться въ комитетѣ министровъ [13]). Даже при отсутствіи на этотъ счетъ трактатовъ,

изгнаніе, говоритъ Роленъ-Жекменъ, должно совершаться при соблюденіи всего, чего требуютъ человѣколюбіе и уваженіе къ существующимъ правамъ. Отечество изгоняемаго вправѣ потребовать сообщенія ему мотивовъ изгнанія и въ такомъ сообщеніи ему не можетъ быть отказано [14]). Но мы полагаемъ, что, по общему правилу, сообщать объ этотъ слѣдовало бы также самому изгоняемому [15]). Надо ему предоставить срокъ, достаточный для приведенія въ порядокъ его дѣлъ [16]). Наконецъ, онъ воленъ избрать границу, чрезъ которую выѣдетъ изъ страны. Лишать его этого послѣдняго права можно развѣ въ случаѣ состоявшагося противъ него судебнаго приговора, или если онъ проникнетъ въ страну вопреки закону. При этихъ обстоятельствахъ территоріальное правительство предписываетъ ему обязательный маршрутъ или иногда выпроваживаетъ его за-границу силою. Но подобное изгнаніе не должно, однако, быть прикрытою выдачею [17]).

Во многихъ трактатахъ государства обязываются не задерживать, ни изгонять, ни даже переводить съ одного пункта территоріи на другой обоюдныхъ подданныхъ безъ существованія серьезныхъ къ тому поводовъ, соблюденія законныхъ формальностей и своевременнаго сообщенія обо всемъ, съ нужными документами, дипломатическимъ или консульскимъ властямъ изгоняемаго. Во всякомъ случаѣ послѣднему дается нужное время, чтобы представить свою защиту, или, вмѣстѣ съ этими властями, распорядиться какъ слѣдуетъ на счетъ своего имущества или имущества третьихъ лицъ, довѣрившихъ ему свои интересы [18]).

Вопреки современной практикѣ надо признать, что государства не имѣютъ права посылать въ ссылку за-границу собственныхъ гражданъ. Для этого они могутъ выбирать либо колоніи, либо отдаленныя провинціи, но ни одно правительство не обязано терпѣть на своей территоріи преступниковъ или ссыльныхъ другаго государства [19]). Претендовать на убѣжище могутъ только лица, не опозоренныя въ нравственномъ или юридическомъ отношеніи, и если какое либо правительство захочетъ понимать право убѣжища въ болѣе широкомъ смыслѣ—это его добрая воля, но и тутъ, помимо случаевъ съ политическими преступниками, надо желать, въ интересахъ всѣхъ, чтобы хотя принципъ этого права убѣжища былъ опредѣленъ международными соглашеніями.

Высказываясь въ принципѣ за право каждаго человѣка посѣщать чужія земли и пребывать тамъ безпрепятственно нѣкоторое время для мирныхъ цѣлей [20]), мы чрезъ это уже напередъ осудили всякое

изгнаніе иностранцевъ *коллективное*, или *массами*, какъ оно практиковалось иногда во время войны, послѣ заключенія мира въ присоединенныхъ областяхъ (противъ лицъ, оставшихся вѣрными своей прежней національности). По поводу *войны* нельзя не замѣтить, говоритъ Безъ-дё-Беркъ, что вслѣдствіе повсемѣстнаго введенія обязательной для всѣхъ воинской повинности, иностранцы дѣйствительно опасные будутъ призваны къ оружію своимъ правительствомъ. Можно поэтому предположить, что на гостепріимной территоріи чужаго государства останутся почти одни женщины, дѣти, старики, т. е. лица, менѣе всего способныя причинить серьезный вредъ. Но, съ другой стороны, въ этихъ обстоятельствахъ государство не въ правѣ удерживать на своей территоріи иностранцевъ, которые послѣдуютъ призыву отечества: это было бы вопіющимъ нарушеніемъ международнаго права и личной свободы. Само собою разумѣется, что иностранцы во время войны обязаны держать себя какъ мирные и безобидные граждане и не покушаться на шпіонство или иное какое либо преступленіе противъ безопасности страны [21]).

Что касается до *присоединенія* (annexion) государствомъ новыхъ областей, то здѣсь изгнаніе, говоритъ, допустимо противъ лицъ, которыя, высказавшись за свою прежнюю національность, не выселятся въ установленный срокъ. Это мнѣніе опирается на чисто-политическіе мотивы—болѣе скораго скрѣпленія присоединенной (въ сущности завоеванной) области съ ея новымъ обладателемъ. Такъ въ сущности смотритъ на дѣло и Баръ [22]), но Безъ-дё-Беркъ осуждаетъ эту до нынѣ господствующую теорію и полагаетъ, что эти лица должны бы просто считаться иностранцами, которыхъ можно было бы изгонять лишь по *одиночкѣ*, когда своимъ присутствіемъ они дѣйствительно будутъ нарушать порядокъ въ странѣ присоединившей [23]).

Признаемся, мы и въ этомъ случаѣ не желали бы допустить уклоненія отъ общаго правила, что каждый человѣкъ долженъ пользоваться охраною суда и только по приговору послѣдняго можетъ быть лишенъ своихъ правъ. Такимъ образомъ, какъ и сейчасъ нами названный французскій авторъ, мы приходимъ къ выводу, что изгнанія массами должны быть признаны несовмѣстимыми съ современнымъ международнымъ правомъ. Вотъ почему мы не можемъ присоединиться къ заключеніямъ, которыя пока принялъ институтъ международняго права на своемъ послѣднемъ съѣздѣ въ Лозаннѣ (осенью 1888 г.). Кромѣ изгнанія *обыкновеннаго*, поражающаго отдѣльныя лица, онъ счелъ возможнымъ допустить еще изгнанія: *временныя* (по случаю войны, внутреннихъ безпорядковъ) и *чрезвычайныя*, ко-

торымъ подвергаются цѣлыя категоріи лицъ [24]). Статьи эти, по нашему мнѣнію, открываютъ слишкомъ обширное поле для административнаго произвола и недостаточно считаются съ правами человѣческой личности.

Наконецъ, всѣ вышеизложенныя нами правила могутъ подлежать исключеніямъ: въ случаяхъ репрессалій, въ отношеніяхъ къ странамъ нехристіанскимъ и въ колоніяхъ, но намъ нечего останавливаться подробно на этихъ частностяхъ.

Общіе выводы.

I. Нельзя довольно рекомендовать государствамъ, чтобъ они регулировали право допущенія и изгнанія иностранцевъ въ своихъ *законахъ* и *трактатахъ*.

II. Основнымъ началомъ во всей этой области является принципъ *общенія* и *солидарности* народовъ.

III. Въ силу этого принципа ни одно государство не можетъ ни обособиться отъ прочаго человѣчества безъ нарушенія международнаго права, ни абсолютно воздерживаться отъ сношеній съ какимъ либо другимъ государствомъ или съ его гражданами.

IV. Цивилизованныя государства не имѣютъ права *изгонять собственныхъ подданныхъ*, или *иностранцевъ*, *массою*, хотя бы дѣло шло о войнѣ, внутреннихъ переворотахъ или о присоединеніи областей.

V. Каждому человѣку принадлежитъ *право переѣзда* (въѣзда и выѣзда) на чужой территоріи, если онъ вступаетъ на нее сообразно съ мѣстными законами.

VI. Государства, опредѣляя въ своихъ законахъ условія допущенія и пребыванія на своей территоріи иностранцевъ, должны всегда имѣть въ виду слѣдующее: чтобы эти законы не стояли въ противорѣчіи съ принципами международнаго права, не установляли неодинаковаго обращенія съ лицами различныхъ національностей и не стѣсняли излишне свободу передвиженія.

VII. Свобода эта однако не абсолютна. Она можетъ, въ силу закона, подлежать ограниченіямъ, смотря по *лицамъ*, *мѣстностямъ* и *времени*.

VIII. Ни одно государство не обязано допускать на свою территорію чужихъ *преступниковъ*, *бродягъ*, или тѣхъ, которые проявили къ нему свою *враждебность*.

IX. Но лица, виновныя въ *политическихъ преступленіяхъ*, поль-

зуются въ этомъ отношеніи изъятіемъ, которое освобождаетъ ихъ и отъ выдачи.

X. Вслѣдствіе настоятельной нужды государства могутъ закрыть для иностранцевъ свою территорію въ *пограничныхъ областяхъ*, или во *времена смутныя* (войны, переворотовъ, повальныхъ болѣзней).

XI. Подобныя запретительныя мѣры по существу—*временнаго* характера, и до ихъ примѣненія издается спеціальный *законъ*, или, по крайней мѣрѣ, особое *распоряженіе*.

XII. Оказывая уваженіе къ правамъ иностранцевъ, правительствамъ слѣдовало бы, однако, установить болѣе дѣятельный *надзоръ* надъ *переселенцами* (эмигрантами и иммигрантами) и, руководясь точными данными *статистики*, стараться, путемъ *международныхъ соглашеній, о болѣе равномѣрномъ ихъ распредѣленіи* между своими владѣніями и отдѣльными областями, смотря по экономическимъ нуждамъ послѣднихъ.

XIII. Въ видахъ самосохраненія и дѣйствительной нужды національныхъ рабочихъ государству нельзя отказать въ правѣ, при этихъ обстоятельствахъ ограничить и даже вовсе прекратить переселеніе иностранцевъ, подъ условіемъ, конечно, уваженія существующихъ трактатовъ и пріобрѣтенныхъ правъ.

XIV. Всякое *спеціальное обложеніе* иностранцевъ, будь оно прямымъ или косвеннымъ, противорѣчитъ международному праву.

XV. Принципы этого права требуютъ, напротивъ, предоставленія иностранцамъ *тѣхъ же гражданскихъ правъ* (относительно охраны ихъ личности и имущества), какъ и природныхъ подданнымъ.

XVI. Право изгнанія иностранцевъ не отмѣняется абсолютно, но оно опредѣляется и ограничивается *положительными нормами закона*, примѣненіе которыхъ ввѣряется *обыкновеннымъ судамъ*.

XVII. Однако, административная власть можетъ, и безъ посредства судебной, удалить съ территоріи тѣхъ иностранцевъ, которымъ законъ запретилъ доступъ, или которые, удаленные въ силу судебнаго приговора, всетаки снова вернутся въ страну.

XVIII. Вообще желательно, чтобъ изгнаніе, будучи *наказаніемъ*, постепенно превратилось изъ мѣры *административной* въ *судебную*.

XIX. Но даже пока примѣненіе этой мѣры остается въ рукахъ администраціи, необходимы нѣкоторыя существенныя ея *преобразованія*: по общему правилу указъ объ изгнаніи долженъ подлежать предварительному обсужденію въ комитетѣ министровъ. О немъ сообщается, вмѣстѣ съ надлежащими документами, отечеству изгоняемаго и ему самому. Назначается срокъ, достаточный для того, чтобъ

изгоняемый могъ обратиться либо къ отечественнымъ дипломатическимъ или консульскимъ властямъ, либо къ мѣстнымъ судамъ, съ просьбою разсмотрѣнія состоявшагося противъ него указа. Лица, прочно поселившіяся въ странѣ или имѣющія въ ней промышленныя заведенія, пользуются еще добавочнымъ срокомъ для приведенія своихъ дѣлъ въ порядокъ. Изгоняемыя вольны избрать границу, чрезъ которую они выѣдутъ. Во всякомъ случаѣ, изгнаніе не должно быть маскированною выдачею.

XX. Если иностранцы угрожаютъ общественному спокойствію или принимаютъ участіе въ агитаціи противъ сосѣдняго государства, или даже противъ общественнаго строя вообще, ихъ можно удалить отъ границы и изъ того мѣста, гдѣ пребываніе ихъ окажется опаснымъ, съ опредѣленіемъ имъ мѣста ихъ пребыванія. Если бы происки ихъ не прекратились—ихъ должно привлечь къ судебной отвѣтственности и, взамѣнъ тюремнаго заключенія, изгнать изъ страны.

XXI. Вышеизложенныя правила могутъ быть измѣнены или даже вовсе отмѣнены: въ случаяхъ репрессалій, въ колоніяхъ и въ отношеніяхъ къ странамъ мало или полуобразованнымъ.

XXII. Наиболѣе соотвѣтствующимъ рѣшеніемъ вопроса объ иностранцахъ будетъ принятіе со временемъ государствами, по общему согласію, *однообразнаго международнаго регламента*, согласнаго съ принципами международнаго права и съ потребностями всемірнаго гражданскаго оборота.

---

¹) Дѣло Вольгемута и иныхъ нѣмецкихъ agents provocateurs на территоріи Швейцаріи; см. въ издаваемомъ *Клюне* Journal du dr. intern. privé. 1889, p. 418.

²) Напр., Роленъ-Жекменъ, Клюне, Штёркъ, Гарейсъ.

³) *Bar.* L'expulsion des étrangers (Journ. du dr. intern. privé. 1886).

⁴) *Bès de Berc.* De l'expulsion des étrangers. 1888, p. 127. Небольшая, но дѣльная работа. Мы жалѣемъ только, что авторъ предпочитаетъ *административную* точку зрѣнія на свой предметъ *юридической*.

⁵) Мы воспроизводимъ съ небольшимъ уклоненіемъ идеи Бара (въ назван. ст. его).

⁶) Bès de Berc, p. 48.

⁷) По русскимъ законамъ нѣкоторыя отрасли дѣятельности предоставлены исключительно русскимъ подданнымъ. Сюда относятся: каботажное судоходство; судоходство по Каспійскому морю; должность шкиперовъ. Кромѣ того, на русскихъ торговыхъ судахъ дозволяется имѣть иностранныхъ матросовъ не болѣе

$^1/_4$ части, но въ видѣ изъятія въ 1868 г. разрѣшено имѣть на русскихъ судахъ впредь до усмотрѣнія, какъ шкиперовъ и штурмановъ, такъ и матросовъ безъ ограниченія числа, изъ иностранцевъ. Въ нѣкоторыя лоцманскія общества и артели грузовщиковъ принимаются лишь русскіе подданные и только имъ разрѣшено производство золотаго и вообще горнаго промысла въ Приморской области и на прилегающихъ къ ней островахъ, а равно и на Сахалинѣ. По Высочайшему указу 14 марта 1887 г. приняты нѣкоторыя ограничительныя мѣры по владѣнію иностранцами недвижимыми имуществами въ Царствѣ Польскомъ и нѣкоторыхъ пограничныхъ съ нимъ губерніяхъ. Наконецъ иностранцамъ не доступны должности по выборамъ (городскія, земскія), и они не могутъ безъ принятія русскаго подданства вступать на государственную службу. Впрочемъ, изъ послѣдняго правила допускаются значительныя исключенія, вслѣдствіе недостатка у насъ знанія, и иностранцы принимаются въ службу ученую и учебную, а равно по нѣкоторымъ техническимъ частямъ: горнаго, монетнаго, солянаго дѣла. Но все это относится уже къ категоріи политическихъ правъ, гдѣ уравненіе иностранцевъ съ туземцами не допустимо. (*Мышъ.* Объ иностранцахъ въ Россіи. 1888).

8) *Leroy-Beaulieu.* La question des étrangers en France au point de vue économique (Journ. du dr. intern. pr. 1888).

9) Такъ смотритъ на дѣло *Rolin-Jaequemyns.* Droit d'expulsion des étrangers (Revue de dr. intern., 1888, p. 591).

10) *Bès de Berc*, p. 65—66.

11) Le cas du général Boulanger en Angleterre въ Journ. du dr. intern. pr. 1889, p. 246—47.

12) *Баръ* въ только что вышедшемъ Theorie und Praxis des internationalen Privatrechts (2 изд., 1889) говоритъ, что изгнаніе допустимо по отношенію къ слѣдующимъ категоріямъ иностранцевъ: 1) къ неимущимъ; 2) къ лицамъ, совершившимъ или имѣвшимъ намѣреніе совершить преступленіе; 3) къ нарушителямъ законовъ; 4) къ тѣмъ, которые при присоединеніи извѣстной области къ другому государству выскажутся за національность своего прежняго отечества, но останутся въ этой области; 5) къ лицамъ, не имѣющимъ возможности удостовѣрить свою національность, но уклоняющимся отъ подданства государству, въ предѣлахъ котораго они находятся (въ видахъ избѣжанія, напр., воинской повинности); 6) къ подданнымъ непріятельскаго государства. Онъ кромѣ того считаетъ дозволеннымъ коллективное изгнаніе въ случаѣ чрезмѣрнаго наплыва иностранцевъ, особенно въ небольшое государство (Т. I, стр. 294—297).

Эта теорія представляется намъ слишкомъ еще широкою и эластичною. Въ послѣднемъ случаѣ вмѣсто изгнанія уже пріѣхавшихъ, благоразумнѣе будетъ своевременно *закрыть* свою территорію отъ поселенцевъ (но не отъ пріѣзжающихъ и проѣзжающихъ).

13) Это признано въ Бельгіи и во французскомъ законопроектѣ 1882 г.

14) Rolin-Jaequemyns, назв. ст.

15) Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что этого же мнѣнія держится Баръ: если изгнаніе, говоритъ онъ, направляется противъ отдѣльнаго лица, послѣднему должно быть дано право жалобы на это (Recurs) въ судъ или иное какое либо коллегіальное учрежденіе, которое и разсматривало бы, насколько существуетъ фактическое основаніе для такой мѣры. Тамъ же, стр. 296.

16) Это соблюдается, напр., въ Бельгіи относительно *поселившихся* иностран-

цевъ (domiciliés), что же касается простыхъ путешественниковъ, ихъ администрація вольна выслать чрезъ ту границу, на какую она укажетъ.

17) О различии между изгнаніемъ и выдачей говоритъ хорошо Bès de Berc (стр. 37—38). Предположимъ, напр., что Буланже во время своего послѣдняго пребыванія въ Бельгіи не исполнилъ формальностей, требуемыхъ закономъ отъ иностранцевъ для поселенія, и бельгійское правительство выслало бы его чрезъ французскую границу: это не было бы выдачей, но на практикѣ послѣдствія вышли бы тѣ же, какъ и отъ выдачи (Le cas du général Boulanger en Belgique. Journ. du dr. intern. pr., 1889).

18) Таковы, напр., трактаты Франціи съ нѣкоторыми республиками центральной и южной Америки.

19) Недавно австралійскія колоніи сильно жаловались на вторженіе къ нимъ французскихъ каторжниковъ съ острова Новой Каледоніи.

20) Человѣкъ, говоритъ *Блюнчли*, помимо защиты своего отечества, имѣетъ еще право на охрану со стороны международнаго права. Личность его выходитъ изъ предѣловъ конкретнаго государства (Mod. Völkerr. 3 Aufl. Art. 23). Общее для всѣхъ людей отечество—земля, замѣчаетъ и *Гефтеръ* (Völkerr. § 15).

21) Ib., стр. 19—20.

22) Intern. Privatr. B. I, S. 250—251.

23) Тамъ же, стр. 28 — 29. Онъ напоминаетъ, что уже Гроцій въ началѣ XVII стол. высказался противъ коллективныхъ изгнаній.

24) Revue de dr. intern. 1888, p. 607—608.

Гр. Л. Камаровскій.

ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ПРОТИВЪ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНІЯ ПО ПРОЕКТУ УГОЛОВНАГО УЛОЖЕНІЯ.

Редакціонная коммиссія по составленію проекта уголовнаго уложенія закончила отдѣлъ *«о посягательствахъ противъ порядка управленія»*; согласно принятому раньше порядку, проектъ этотъ разосланъ различнымъ лицамъ и учрежденіямъ, съ цѣлью вызвать замѣчанія по содержанію проекта. Посягательства противъ порядка управленія, по проекту, составляютъ пятую, шестую и седьмую главы уложенія. Въ главѣ пятой, подъ общимъ заглавіемъ: *«смута»*, предусматриваются слѣдующіе случаи: участіе въ публичныхъ скопищахъ и преступныхъ сообществахъ (ст. 80—87); порицаніе верховной власти или установленнаго основными законами образа правленія или порядка наслѣдія престола (ст. 88); произнесеніе публично рѣчи или распространенія сочиненія или изображенія, возбуждающихъ къ неповиновенію верховной власти, къ учиненію мятежническаго дѣйствія, къ насильственному перевороту или разрушенію существующаго въ государствѣ общественнаго строя, къ неповиновенію или противодѣйствію закону или законному постановленію власти и къ учиненію преступленія (ст. 89—90); составленіе, размноженіе и провозъ подобнаго рода сочиненій или изображеній (ст. 91), восхваленіе въ рѣчи или сочиненіи преступленія или проступка (ст. 92); самозванство или распространеніе ложныхъ слуховъ относительно образа правленія или порядка наслѣдія престола (ст. 93) и, наконецъ, посягательства, направленныя противъ дружественнаго Россіи иностраннаго государства (ст. 94—96). Глава шестая о *«противодѣйствіи и оскорбленіи власти»* обнимаетъ собою слѣдующіе случаи: неисполненіе обязательныхъ постановленій власти и ослушанія законныхъ ея распоряженій (ст. 97—99); недопущеніе представителей власти въ зданіе,

помѣщеніе или иное мѣсто, въ которомъ они имѣютъ право присутствовать (ст. 100); поврежденіе печатей или иныхъ знаковъ, наложенныхъ органомъ власти (ст. 101); насиліе и сопротивленіе власти (ст. 102 — 105); подкупъ (ст. 107); присвоеніе власти (ст. 108—110) и, наконецъ, неуваженіе къ правительственнымъ и общественнымъ установленіямъ (ст. 111 — 112). Глава седьмая о «*противодѣйствіи правосудію*» содержитъ въ себѣ постановленія о ложномъ заявленіи о признакахъ преступленія, о ложномъ обвиненіи кого-либо въ преступленіи (ст. 113—114), о лжесвидѣтельствѣ (ст. 115—116) и устройствѣ завѣдомо ложнаго доказательства съ цѣлью навлечь подозрѣніе на извѣстное лицо въ совершеніи преступленія (ст. 117), о ложныхъ показаніяхъ и свѣдѣніяхъ на судѣ (ст. 118—119), о недонесеніи (ст. 120—122), о неисполненіи законныхъ требованій слѣдственной власти или суда (ст. 123), о поврежденіи и похищеніи вещественнаго или письменнаго доказательства (ст. 124), объ укрывательствѣ и освобожденіи изъ подъ стражи (ст. 125—130), о побѣгахъ (ст. 131—132) и о самовольномъ неисполненіи распоряженій власти (ст. 133).

Таково содержаніе проекта посягательствъ противъ порядка управленія. Проектъ этотъ, несомнѣнно, представляетъ значительный прогрессъ въ развитіи уголовно-правовыхъ понятій въ исторіи нашего законодательства и въ общемъ стоитъ на высотѣ научныхъ требованій; съ этой стороны проектъ производитъ самое благопріятное впечатлѣніе, особенно сравнительно съ предшествующимъ ему проектомъ имущественныхъ посягательствъ, о которомъ авторъ настоящей статьи имѣлъ случай высказать свое мнѣніе въ печати [1]). Къ достоинствамъ проекта посягательствъ противъ порядка управленія нельзя не отнести бо̀льшую осторожность составителей проекта въ постановкѣ многихъ вопросовъ и въ изобрѣтеніи новыхъ терминовъ [2]). Къ сожалѣнію, многія статьи крайне неудачно редактированы и проектъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ впадаетъ въ казуистику, стремится предусмотрѣть различные частные случаи, могущіе встрѣтиться на практикѣ, что̀ влечетъ за собою увеличеніе числа статей кодекса и грозитъ вызвать серьезныя затрудненія въ судебномъ его примѣненіи.

---

[1]) Юридич. Вѣстн. за 1886 г., №№ 11 и 12; Журн. Гражд. и Угол. Права за 1889 г., кн. IV.

[2]) Нѣкоторые изъ членовъ редакціонной коммиссіи предлагали ввести въ уложеніе новые термины: «*непокорство власти*» (вмѣсто противодѣйствія) и «*лжеизвѣтъ*», но эти предложенія совершенно основательно были отклонены большинствомъ коммиссіи.

Высказавъ общее замѣчаніе о проектѣ, мы перейдемъ къ частнымъ его достоинствамъ и недостаткамъ.

I. Пятая глава проекта, о *«смутѣ»*, обнимаетъ собою дѣянія, нарушающія непосредственно государственную безопасность. «Имѣя въ виду, что дѣянія эти вызываютъ или могутъ вызвать смятеніе въ государствѣ, требующее для своего успокоенія весьма значительныхъ правительственныхъ мѣръ», редакціонная коммиссія употребляетъ для означенія «всѣхъ случаевъ этой группы общее краткое наименованіе *смуты»* [3]); выраженіе это, неизвѣстное дѣйствующему уложенію, довольно вѣрно схватываетъ типическія особенности случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ главѣ пятой проекта, а потому по существу не можетъ вызвать возраженія. Постановленія проекта о скопищахъ восполняютъ существенный пробѣлъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ, которое вовсе не заключаетъ въ себѣ подобныхъ опредѣленій; въ общемъ постановленія эти весьма удачны, но нѣкоторыя статьи проекта о скопищахъ неудовлетворительны въ редакціонномъ отношеніи, такъ, напр., по ст. 80 «виновный въ умышленномъ *неоставленіи* публичнаго скопища»... наказывается арестомъ. Слово «неоставленіе» мало употребительно въ литературномъ языкѣ и странно звучитъ въ законѣ, который по формѣ своей всегда долженъ удовлетворять самымъ строгимъ требованіямъ стилистики. Затѣмъ, наличность умысла, какъ это видно изъ объяснительной записки, составляетъ необходимое условіе наказуемости публичныхъ скопищъ (стр. 24), но далеко не во всѣхъ статьяхъ проекта это требованіе выдерживается; въ однихъ случаяхъ условіе это опредѣлительно выражено въ текстѣ закона (ст. 80—81), въ другихъ—объ немъ вовсе почему-то не упоминается (ст. 82 и 83); здѣсь, очевидно, редакціонный недосмотръ, подлежащій исправленію. Въ проектѣ идетъ рѣчь о скопищахъ, оказавшихъ насильственное противодѣйствіе вооруженной силѣ или захватившихъ въ свою власть склады оружія, но нѣтъ собственно понятія вооруженнаго скопища; подобное постановленіе существуетъ въ германскомъ уложеніи (§ 127) и могло бы быть заимствовано въ проектѣ, такъ какъ вооруженное скопище людей, въ особенности имѣющее во главѣ начальника, распоряжающаго дѣйствіями скопища, представляетъ одну изъ наиболѣе опасныхъ формъ смуты.

II. Въ отличіе отъ скопищъ, т. е. случайнаго, непредвидимаго скопленія людей, проектъ различаетъ такъ называемыя *«сообщества»*, имѣющія политическій или соціальный характеръ и представляющія собою

3) Объяснит. записка къ проекту, стр. 4.

длящіяся отношенія людей, соединеніе нѣсколькихъ лицъ, связанныхъ общею цѣлью и интересами (стр. 27 — 28). Сообщества, предусмотрѣнныя въ ст. 84—87 проекта, принадлежатъ къ числу политическихъ сообществъ, преслѣдующихъ цѣль государственнаго или соціальнаго переворота или нарушающихъ государственную безопасность; другія виды политическихъ сообществъ, а именно — сообщества для учиненія мятежа или измѣны—предусмотрѣны въ другой части проекта (ст. 59, 60, 62, 63 и 70) [4]). Эта часть проекта не была опубликована, а потому неизвѣстна намъ, по это обстоятельство не устраняетъ вполнѣ естественнаго, полагаемъ, недоумѣнія относительно классификаціи въ проектѣ различныхъ видовъ политическихъ сообществъ. Дѣло въ томъ, что сообщества, имѣющія цѣлью возбужденіе къ неповиновенію верховной власти или къ насильственному ниспроверженію существующаго въ государствѣ строя и сообщества, составленныя для учиненія мятежа или измѣны, предусмотрѣны въ различныхъ частяхъ проекта, между тѣмъ сообщества перваго и втораго рода не имѣютъ существеннаго различія и, по словамъ самой коммиссіи, «политическія сообщества этого рода могутъ нерѣдко переходить въ сообщества первой группы» (стр. 3 и 46). Мятежомъ и измѣною, по словамъ объяснительной записки, признаются дѣянія, разрушающія или *пытающіяся* разрушить бытіе государства, существенныя условія его организма (стр. 3), но развѣ сообщества, составленныя для ниспроверженія государственнаго строя, не угрожаютъ государству въ существенныхъ условіяхъ его бытія? Сообщества подобнаго рода, по нашему мнѣнію, составляютъ одно изъ важнѣйшихъ преступленій, направленныхъ противъ государства въ его цѣломъ; такой взглядъ проводится и въ иностранномъ законодательствѣ; такъ, напр., въ Code pénal (art. 87) и бельгійскомъ кодексѣ (art. 104) посягательства, имѣющія цѣлью ниспровергнуть или измѣнить правительство, предусмотрѣны въ главѣ о посягательствахъ противъ главы государства и формы правленія, а по германскому уставу «*попытка* измѣнить насильственнымъ образомъ государственное устройство германской имперіи» составляетъ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ по наказуемости видовъ государственной и земской измѣны (§ 81, п. 2). Правда, въ указанныхъ кодексахъ идетъ рѣчь объ отдѣльныхъ случаяхъ посягательствъ, направленныхъ къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя, но это обстоятельство нисколько не измѣняетъ сущности воззрѣній этихъ кодексовъ въ томъ случаѣ, когда

---

[4]) Объяснит. зап., стр. 45—46.

для учиненія посягательствъ этого рода составляется особое сообщество, какъ это мы видимъ въ ст. 86 проекта. Объяснительная записка мало разъясняетъ вопросъ, напротивъ, усиливаетъ сомнѣнія читателя на счетъ ст. 86. По мнѣнію редакціонной коммиссіи, «попытка насильственнаго ниспроверженія существующаго государственнаго строя подходитъ подъ понятіе мятежа, и сообщества, составившіяся для такого переворота, подходятъ подъ общее понятіе заговора на мятежъ, предусмотрѣнный въ ст. 62» (стр. 52). Если, такимъ образомъ, постановленія о мятежѣ и заговорѣ на мятежъ помѣщены въ одномъ отдѣлѣ кодекса, то гдѣ же основанія для выдѣленія сообществъ для учиненія явно мятежническихъ дѣйствій? Въ виду изложеннаго, болѣе правильнымъ представляется, съ точки зрѣнія классификаціи преступныхъ дѣяній, перенести ст. 86 о сообществахъ, имѣющихъ политическій характеръ, въ другой, болѣе соотвѣтствующій природѣ этого преступленія отдѣлъ проектируемаго уложенія.

III. По ст. 89 «виновный въ произнесеніи или чтеніи, публично, рѣчи или сочиненія, а равно въ распространеніи или публичномъ *выставленіи* (?) сочиненія или изображенія возбуждающихъ: 1) къ неповиновенію верховной власти; 2) къ учиненію мятежническаго или измѣнническаго дѣйствія; 3) къ насильственному разрушенію существующаго въ государствѣ общественнаго строя; 4) къ неповиновенію или противодѣйствію закону или законному постановленію власти; 5) къ учиненію преступленія; буде сіе учинено съ цѣлью возбудить къ учиненію сихъ дѣяній, наказывается: за возбужденіе, пунктами первымъ, вторымъ и третьимъ предусмотрѣнное, *поселеніемъ;* за возбужденіе, пунктами четвертымъ и пятымъ предусмотрѣнное, *исправительнымъ домомъ* на срокъ не свыше трехъ лѣтъ.

Если: 1) виновный возбуждалъ дѣйствовать способомъ или средствомъ опасными для жизни многихъ лицъ; 2) послѣдствіемъ возбужденія было учиненіе преступленія; то виновный, буде онъ не подлежитъ болѣе тяжкому наказанію какъ соучастникъ, наказывается: за возбужденіе, пунктами первымъ, вторымъ и третьимъ предусмотрѣнное, *каторгою* на срокъ не свыше восьми лѣтъ; за возбужденіе, пунктами четвертымъ и пятымъ предусмотрѣнное, *исправительнымъ домомъ*. Покушеніе наказуемо».

Статья эта, *въ двадцать семь строкъ*, можетъ до извѣстной степени служить образцомъ стиля многихъ статей проекта посягательствъ противъ порядка управленія; крайняя сложность конструкціи статей и многословіе составляютъ одну изъ наиболѣе часто встрѣчающихся особенностей проекта. Прежде всего при чтеніи ст. 89 (и 88) не-

привычно и странно звучатъ слова: «публичнымъ *выставленіемъ* сочиненія», «публичное *выставленіе* сочиненія»; хотя выраженіе это и существуетъ въ Академическомъ словарѣ, но очень рѣдко встрѣчается въ литературномъ языкѣ, а потому едва ли умѣстно въ законѣ. Независимо отъ этого выраженіе «публичное выставленіе» лишнее въ текстѣ разсматриваемой статьи, такъ какъ «распространеніе сочиненія» представляетъ родовое понятіе, обнимающее собою всѣ возможные случаи разглашенія извѣстныхъ идей, заключающихся въ сочиненіяхъ или изображеніяхъ, въ томъ числѣ и расклейку афишъ, картинъ и т. д. Затѣмъ, въ санкціонирующей своей части ст. 89 представляетъ не одно, а два совершенно самостоятельныхъ преступленія, влекущихъ за собой различныя наказанія: поселеніе, т. е. наказаніе, назначаемое «только при нѣкоторыхъ преступленіяхъ, оправдывающихъ удаленіе преступника изъ мѣста прежняго мѣста жительства» [5]), и исправительный домъ—наказаніе, устанавливаемое за преступленія общаго характера. Въ виду этого естественно возникаетъ вопросъ—не правильнѣе ли было бы раздѣлить длинную и запутанную ст. 89 на два самостоятельныхъ постановленія, изъ которыхъ одно имѣло бы своимъ предметомъ дѣяніе, имѣющее политическій или соціальный характеръ (ст. 89, п. 1, 2 и 3), другое — дѣяніе общаго свойства, направленное исключительно противъ порядка управленія (ст. 89, п. 4) и благочинія (ст. 89, п. 5)? Обращаясь къ условіямъ квалификаціи дѣянія, предусмотрѣннаго въ ст. 89, замѣтимъ, что не совсѣмъ яснымъ представляется—почему только учиненіе преступленія, какъ послѣдствіе возбужденія, служитъ основаніемъ квалификаціи, между тѣмъ какъ «неповиновеніе или противодѣйствіе закону или законному постановленію власти» (ст. 89, п. 4), не признается таковымъ? Затѣмъ, при наличности квалифицирующихъ обстоятельствъ, въ однихъ случаяхъ ссылка на поселеніе замѣняется каторгою до 8 лѣтъ, въ другихъ—исправительный домъ до 3-хъ лѣтъ замѣняется исправительнымъ домомъ безъ обозначенія срока; послѣднее обстоятельство можетъ вызвать нѣкоторыя затрудненія на практикѣ, такъ какъ при отсутствіи minimum'а въ срокѣ заключенія въ исправительный домъ по 2 ч. ст. 89 возможны случаи приговоровъ на 3 года и 1 мѣс., что едва ли будетъ согласно съ мыслію составителей проекта.

По вопросу о наказуемости покушенія на дѣянія, предусмотрѣнныя въ ст. 89, среди членовъ редакціонной коммиссіи произошло разно-

---

[5]) Объяснит. зап. къ проекту общей части уложенія, стр. 47.

гласіе, что вполнѣ понятно, такъ какъ вопросъ въ настоящемъ случаѣ представляетъ большія сомнѣнія. По мнѣнію одного изъ членовъ коммиссіи (И. Я. Фойницкаго)—покушеніе на возбужденіе массъ не должно быть наказуемымъ и съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ—въ чемъ состоитъ дѣяніе, предусмотрѣнное въ ст. 89? Въ произнесеніи или чтеніи рѣчи или сочиненія, а также въ распространеніи сочиненія, *возбуждающихъ* къ нарушенію общественнаго спокойствія и публичнаго порядка. Въ сущности дѣяніе это, само по себѣ, составляетъ *подстрекательство* къ учиненію мятежа или измѣны, соціальнаго переворота, неповиновенія или противодѣйствія власти и вообще преступленія, хотя бы это подстрекательство не имѣло никакихъ послѣдствій; какъ опредѣлить признаки покушенія тамъ, гдѣ само преступленіе является только подстрекательствомъ, не имѣвшимъ практическихъ послѣдствій? Соображенія большинства редакціонной коммиссіи въ пользу наказуемости покушенія на возбужденіе массъ мало убѣдительны. По мнѣнію большинства коммиссіи, «при рѣшеніи вопроса о наказуемости покушенія на возбужденіе массъ необходимо отличать отдѣльные случаи возбужденія, смотря по роду употребленныхъ виновнымъ средствъ» (стр. 78). Въ однихъ случаяхъ, напр., при возбужденіи произнесеніемъ рѣчи или проповѣди, «*покушеніе дѣйствительно представляется практически почти невозможнымъ*, такъ какъ только съ момента произнесенія возмутительныхъ словъ, сообщенія возбуждающихъ фактовъ, сопоставленій, плановъ и предположеній, преступная мысль получаетъ внѣшнее бытіе, становится объектомъ кары, а съ этого момента возбужденіе является уже оконченнымъ». Въ другихъ случаяхъ, большинство коммиссіи признаетъ возможнымъ покушеніе, но съ оговоркой, «только при нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ»; такъ, напр., при обвиненіи кого либо въ возбужденіи прочтеніемъ возмутительнаго сочиненія, «наличность совершенія преступленія будетъ зависѣть отъ того, что уже успѣлъ прочесть виновный до того момента, когда его захватили или когда онъ остановился» (стр. 78—79); по мнѣнію большинства редакціонной коммиссіи, «нельзя утверждать, чтобы всегда съ того момента, когда виновный только приступилъ къ чтенію возмутительной брошюры или прокламаціи, уже воспроизводился полный составъ преступнаго возбужденія». Съ этой точки зрѣнія покушеніе въ разсматриваемомъ случаѣ будетъ тамъ, гдѣ виновный не успѣлъ прочесть всего, что предназначалось для прочтенія, но какія могутъ быть основанія у суда для рѣшенія вопроса, какую именно часть возмутительнаго сочиненія или прокла-

маціи предполагалось прочесть и не заключается ли въ прочитанномъ все, что необходимо было для возбужденія массъ? Затѣмъ, признавъ покушеніемъ начало чтенія сочиненія или прокламаціи, слѣдуетъ логически признать таковымъ и начало рѣчи или проповѣди; развѣ съ момента прочтенія части сочиненія или прокламаціи преступная мысль не получаетъ такое же внѣшнее бытіе, какъ и «съ момента произнесенія возмутительныхъ словъ»? Въ сущности, между двумя приведенными въ объяснительной запискѣ случаями нѣтъ различія и большинство коммиссіи, отрицая возможность покушенія въ первомъ случаѣ, должно было бы прійти къ тому же выводу относительно втораго случая, т. е. отвергнуть возможность покушенія при обвиненіи кого либо въ возбужденіи прочтеніемъ возмутительнаго сочиненія. Остаются еще случаи распространенія сочиненія; здѣсь съ нѣкоторою натяжкой можно отыскать признаки покушенія, напр., когда виновный схваченъ въ моментъ расклейки прокламаціи, или когда онъ уличенъ въ разсылкѣ возмутительнаго сочиненія или прокламаціи по почтѣ, но случаи эти исключительнаго свойства и вовсе не оправдываютъ общаго постановленія проекта о наказуемости покушенія на возбужденія массъ; подобные случаи могли бы быть предметомъ отдѣльнаго постановленія, подобно ст. 91 о составленіи, размноженіи, провозѣ или впускѣ изъ-за границы означенныхъ сочиненій. Устанавливая наказуемость *приготовленія* (ст. 91) и *покушенія* (ст. 89) на учиненіе дѣянія, которое само по себѣ представляетъ лишь *подстрекательство* къ совершенію преступленія, большинство редакціонной коммиссіи крайне расширяетъ область наказуемаго; «интересы государственнаго спокойствія, замѣчаетъ по этому поводу И. Я. Фойницкій, достаточно ограждены запрещеніемъ въ уголовномъ законѣ дѣятельности, подготовляющей нарушеніе такого спокойствія. Идти далѣе этого и облагать наказаніями, притомъ весьма тяжкими, предшествующую ей дѣятельность, значитъ смѣшивать серьезныхъ враговъ государства съ неважными, не представляющими для него никакой опасности» (стр. 78).

IV. Проектъ въ ст. 90 о пропагандѣ ученій или сужденій, возбуждающихъ къ неповиновенію верховной власти, къ учиненію мятежническаго или измѣнническаго дѣйствія или къ насильственному разрушенію существующаго въ государствѣ общественнаго строя предполагаетъ возможность подобной пропаганды и со стороны духовнаго лица среди его паствы; постановленіе это совершенно чуждо русской жизни, не знающей, кажется, примѣровъ политической или соціальной пропаганды со стороны духовныхъ лицъ, и заимствовано составителями

проекта, вѣроятно, изъ германскаго уложенія (§ 130, a). Въ дѣйствительности, нерѣдки случаи пропаганды среди сельскаго населенія, рабочихъ или войскъ, но трудно себѣ представить подобное явленіе среди духовенства; во всякомъ случаѣ, если случаи подобнаго рода и встрѣчались, они настолько рѣдки и исключительны, что едва ли правильно особо о нихъ упоминать въ законѣ. Законы создаются жизнью и всегда должны удовлетворять ея потребностямъ, поэтому нельзя создавать a priori преступленія и особыя его классификаціи и предрѣшать въ законѣ криминальные вопросы будущаго, опережать, такъ сказать, факты и явленія дѣйствительной жизни. Приведенный случай—не единственный въ проектѣ: такъ по ст. 109 «самовольно присвоившій себѣ санъ священнослужителя христіанскаго вѣроисповѣданія, виновный въ учиненіи религіознаго дѣйствія, которое можетъ быть совершаемо только священнослужителемъ сего вѣроисповѣданія, наказывается: тюрьмой. Если виновный дозволилъ себѣ совершить крещеніе или бракосочетаніе, то онъ наказывается: исправительнымъ домомъ». Случай, предусмотрѣнный въ этой статьѣ, насколько намъ извѣстно, небывалый въ практикѣ русскихъ судовъ; если это такъ, если мы не ошибаемся, то зачѣмъ же вносить въ проектъ уложенія постановленіе, лишенное всякаго практическаго значенія? То же замѣчаніе отчасти вызываетъ и ст. 110, предусматривающая случай выдачи себя предъ судомъ за другое лицо, вызванное для отправленія обязанности присяжнаго засѣдателя. Встрѣчаются ли подобные случаи въ судебной практикѣ?

V. По дѣйствующему законодательству, виновные въ распространеніи съ умысломъ слуховъ, имѣющихъ политическую цѣль, или же явно оскорбительныхъ для верховнаго правительства, подвергаются весьма тяжкому наказанію, а именно—каторжнымъ работамъ на время отъ 6 до 8 лѣтъ (Уложеніе, ст. 932); проектъ совершенно основательно смягчаетъ наказуемость этого дѣянія, но диспозитивная часть ст. 93, п. 2, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удовлетворительна и уступаетъ дѣйствующему уложенію въ редакціонномъ отношеніи. Вмѣсто общаго опредѣленія, обнимающаго собою цѣлый рядъ случаевъ, въ ст. 93, п. 2 перечисляются отдѣльные случаи распространенія завѣдомо ложныхъ слуховъ, и именно — распространеніе слуховъ объ измѣненіи образа правленія, о кончинѣ государя или наслѣдника престола и объ отреченіи императора отъ престола или наслѣдника престола отъ наслѣдованія. Подобная перечневая система представляетъ большое неудобство въ кодексѣ, такъ какъ законодатель никогда не можетъ предусмотрѣть всѣ возможные случаи дѣй-

ствительной жизни; поэтому, правильнѣе было бы установить въ проектѣ общее правило о наказуемости «распространенія завѣдомо ложныхъ слуховъ, грозящихъ общественному спокойствію и публичному порядку».

VI. Постановленіе проекта о преступныхъ дѣяніяхъ, нарушающихъ непосредственно внѣшнюю безопасность (ст. 94—96) вноситъ существенную поправку въ постановленія дѣйствующаго законодательства; въ общемъ проектируемыя правила нельзя не признать весьма удачными. Проектъ сравнительно съ уложеніемъ значительно сокращаетъ область наказуемыхъ дѣяній, направленныхъ противъ иностранныхъ государствъ, и справедливо признаетъ ненаказуемость такихъ дѣяній, какъ, напр., насильственное отторженіе отъ иностранной державы какой либо части (уложеніе, ст. 253, п. 1); «попытка подобнаго рода, замѣчаютъ составители проекта, можетъ имѣть основаніемъ своимъ интересы того государства, въ которомъ она совершается, и тогда законъ станетъ въ явное противорѣчіе съ жизнью: будетъ наказывать гражданъ за проявленную ими искреннюю и глубокую любовь къ отечеству. Можно изъ политическихъ соображеній не одобрять таковыхъ попытокъ, можно противодѣйствовать ихъ развитію, но нельзя почитать ихъ преступными» (стр. 98). Въ проектѣ не указывается порядокъ уголовнаго преслѣдованія за дѣянія, предусмотрѣнныя ст. 94—96; между тѣмъ посягательства, направленныя противъ иностранныхъ государствъ, не представляютъ непосредственной опасности для государства, въ предѣлахъ котораго онѣ совершены, и вовсе не требуютъ преслѣдованія *ex officio*, помимо заявленія заинтересованныхъ въ томъ государствъ. Подобное правило существуетъ въ германскомъ кодексѣ (§ 102, Abs. 2) и заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, заимствованія; въ виду этого, ст. 94—96 проекта могли бы быть дополнены правиломъ, по которому уголовное преслѣдованіе за дѣянія, предусмотрѣнныя въ нихъ, возбуждаются только по требованіямъ заинтересованныхъ государствъ.

VII. Глава шестая проекта о «*противодѣйствіи и оскорбленіи власти*» не совсѣмъ правильно озаглавлена; заголовокъ главы далеко не обнимаетъ всѣхъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ ней, такъ — случаи принужденія должностныхъ лицъ или представителей общественной власти (ст. 103—106), а также случаи присвоенія власти (ст. 108—110) не составляютъ собственно ни противодѣйствія, но оскорбленія власти. Правильнѣе было бы дать главѣ шестой нѣсколько иное заглавіе: «*противодѣйствіе, принужденіе, присвоеніе и оскорбленіе власти*». Въ этой и слѣдующей главахъ рѣчь идетъ объ «*органахъ*

правительственной или общественной власти»; выраженіе это новое и не совсѣмъ удачное, его слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, замѣнить другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ нашему юридическому языку. Въ проектѣ посягательствъ противъ личности, редакціонная коммиссія держится иной, болѣе правильной терминологіи; въ этомъ проектѣ вовсе не упоминается объ «органахъ власти», и идетъ рѣчь о «должностныхъ лицахъ» (ст. 2, п. 3) или «должностныхъ лицахъ или лицахъ, исполняющихъ общественныя обязанности» (ст. 17, п. 3; 38, п. 2; 53, п. 2; 74, п. 3); та же терминологія должна быть принята и въ другой части проекта уложенія, такъ какъ юридическая техника требуетъ полной устойчивости и однообразія извѣстныхъ выраженій въ кодексѣ. Если понятіе «должности» не обнимаетъ всѣхъ властей въ государствѣ, подобно «органу власти» (стр. 110, 144—145), то выраженіе: «лица правительственной или общественной власти» имѣетъ болѣе широкій смыслъ.

VIII. Постановленія проекта о неисполненіи и ослушаніи законныхъ распоряженій власти (ст. 97—99), по содержанію своему, соотвѣтствуютъ ст. 29, 29[1] и 30 уст. о нак., налаг. мир. судьями; въ редакціонномъ отношеніи составители проекта устанавливаютъ нѣкоторыя измѣненія къ лучшему и въ общемъ усиливаютъ размѣръ отвѣтственности. Къ числу законныхъ требованій власти относится также требованіе отъ гражданъ содѣйствія въ особо важныхъ и исключительныхъ случаяхъ, напр., во время пожара, наводненія и т. д.; отказъ въ исполненіи подобнаго требованія составляетъ предметъ особаго постановленія въ германскомъ и голландскомъ кодексахъ, а также въ проектѣ австрійскаго уложенія. Редакціонная коммиссія не сочла возможнымъ послѣдовать этому примѣру и подводитъ случаи отказа гражданъ въ содѣйствіи власти въ охранѣ общественнаго порядка подъ дѣйствіе общей 98 статьи; но въ этой статьѣ идетъ рѣчь объ «ослушаніи *законныхъ* распоряженій», и насколько требованіе личнаго содѣйствія будетъ законнымъ, трудно рѣшить при отсутствіи опредѣленнаго въ этомъ смыслѣ указанія въ законѣ или обязательномъ постановленіи. Болѣе правильнымъ представляется внести въ уложеніе особое постановленіе о наказуемости отказа въ личномъ содѣйствіи власти во время общей опасности или при открытіи только что совершившагося преступленія; только при этомъ условіи требованія власти о таковомъ содѣйствіи получатъ вполнѣ законный характеръ и въ общемъ сознаніи укрѣпится идея взаимопомощи и гражданской обязанности въ охранѣ общественнаго порядка.

IX. Принужденіе должностныхъ лицъ къ нарушенію ихъ обязан-

ностей составляетъ одно изъ обстоятельствъ, квалифицирующихъ вообще принужденіе частныхъ лицъ, какъ delictum sui generis; «конструкція принужденія въ тѣсномъ смыслѣ слова, о коемъ говорятъ ст. 103 и 104, по словамъ редакціонной коммиссіи, стоитъ въ непосредственной связи съ постановленіями о принужденіи частныхъ лицъ» (стр. 102). Въ виду этого возникаетъ сомнѣніе въ правильности классификаціи преступленія въ настоящемъ случаѣ; по нашему мнѣнію, ст. 103 и 104 совершенно лишнія. Въ проектѣ посягательствъ противъ порядка управленія и тѣ особенности, которыя онѣ заключаютъ въ отличіе отъ простаго принужденія, могли бы послужить лишь однимъ изъ основаній для квалификаціи дѣянія, предусмотрѣннаго въ соотвѣтствующей статьѣ главы о посягательствахъ на свободу. То же слѣдуетъ замѣтить относительно ст. 106, имѣющей предметомъ случаи принужденія «управляющаго движеніемъ желѣзно-дорожнаго поѣзда, парохода или морскаго судна» и т. д. Если даже и признать необходимымъ оставить въ главѣ о «противодѣйствіи и оскорбленіи власти» постановленія о принужденіи должностныхъ лицъ и лицъ общественной власти, то и въ этомъ случаѣ ст. 106 представляется излишнею, такъ какъ «по основнымъ условіямъ своего состава ст. 106 сходна съ ст. 103» (стр. 165) и въ сущности заключаетъ въ себѣ такую квалификацію, которая съ большимъ удобствомъ можетъ быть указана въ ст. 103. Въ редакціонномъ отношеніи ст. 106 самая неудачная въ проектѣ; отличаясь многословіемъ и крайнею неопредѣленностью, она можетъ вызвать цѣлый рядъ сомнѣній на практикѣ. Еще одно замѣчаніе по поводу постановленій проекта о принужденіи властей. Въ стт. 103, 104, и 106 идетъ рѣчь о принужденіи лицъ правительственной или общественной власти путемъ *наказуемой угрозы*, но аналогичный случай принужденія угрозой «должностному лицу, при отправленіи или по поводу отправленія имъ служебной обязанности» предусматривается ст. 53, п. 3, въ главѣ о посягательствахъ на свободу; въ какихъ же случаяхъ слѣдуетъ руководствоваться ст. 53 и въ какихъ стт. 103, 104 и 105? Вопросъ этотъ имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ виновные по ст. 53, п. 3 подлежатъ аресту, а виновные по стт. 103, 104 и 106—тюрьмѣ и строгимъ наказаніямъ.

X. По ст. 107: «виновный въ покушеніи склонить, посредствомъ обѣщаній или дачи подарка, или иныхъ имущественныхъ правъ или выгоды, органъ правительственной или общественной власти или лицо, исполняющее общественныя обязанности, къ учиненію, нарушеніемъ его обязанности, преступленія или проступка, наказывается

тюрьмою. Если преступленіе или проступокъ, или наказуемое покушеніе на оные, вслѣдствіе сего подкупа, послѣдовали, и *подкупавшій не подлежитъ за него, какъ участникъ, болѣе строгому наказанію,*— за подкупъ къ преступленію— исправительнымъ домомъ; за подкупъ къ проступку—тюрьмою на срокъ не ниже шести мѣсяцевъ».

Вторая часть приведенной статьи вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Взяточничество принадлежитъ къ числу преступленій по должности, и по системѣ, принятой редакціонной коммиссіею, правила о подстрекательствѣ «не могутъ быть примѣняемы, коль скоро неслужащій подстрекалъ къ учиненію исключительно служебныхъ преступленій или проступковъ, не имѣющихъ соотвѣтствующихъ постановленій» (стр. 172); поэтому составители проекта разсматриваютъ подкупъ «не какъ соучастіе во взяточничествѣ, а какъ delictum sui generis».

При такой постановкѣ вопроса—виновный въ подкупѣ не можетъ подлежать отвѣтственности, какъ соучастникъ во взяточничествѣ, и указаніе въ ст. 107 на возможность подобной отвѣтственности не совсѣмъ понятно. Въ самомъ дѣлѣ, если преступленіе или проступокъ, учиненные лицами правительственной или общественной власти, суть преступныя дѣянія по должности, учиненныя съ нарушеніемъ служебныхъ обязанностей, то подстрекательство, по мысли составителей проекта, составляетъ особое преступленіе, подкупъ, и о соучастіи здѣсь не можетъ быть рѣчи; если же преступленіе или проступокъ, учиненные вслѣдствіе подкупа, не относятся къ числу служебныхъ преступленій или проступковъ, то, само собой разумѣется, безъ указанія закона, что въ этомъ случаѣ получаютъ примѣненіе общія правила о соучастіи, и самаго понятія «подкупа» не существуетъ. Необходимо, по нашему мнѣнію, измѣнить редакцію 2 ч. ст. 107, выбросивъ изъ нея слова: «и подкупившій не подлежитъ за нихъ, какъ соучастникъ, болѣе тяжкому наказанію»; отъ этого измѣненія указанная статья много выиграетъ въ ясности ея содержанія.

XI. Къ числу посягательствъ, выражающихъ собою «противодѣйствіе и оскорбленіе власти», проектъ относитъ и присвоеніе власти, когда виновный самовольно присвоиваетъ себѣ какую либо правительственную функцію и совершаетъ дѣйствіе, составляющее исключительно предметъ дѣятельности лицъ, уполномоченныхъ на то закономъ. Въ сущности, присвоеніе власти не заключаетъ въ себѣ ни противодѣйствія, ни оскорбленія власти, а потому содержаніе стт. 108—110, подобно правиламъ о принужденіи власти, не соотвѣтствуетъ заглавію шестой главы проекта. Наряду съ общимъ опредѣленіемъ о присвоеніи власти (ст. 108), проектъ предусматриваетъ особо случаи присвоенія

власти священнослужителями для совершенія того или другаго религіознаго дѣйствія (ст. 109) и выдачи себя предъ судомъ за другое лицо, вызванное для отправленія обязанности присяжнаго засѣдателя (ст. 110); оба эти случая, какъ замѣчено выше, настолько рѣдкіе и исключительные, что едва ли есть необходимость выдѣлять ихъ изъ общаго опредѣленія о присвоеніи власти и безъ нужды увеличивать число статей будущаго уложенія. Независимо отъ этого, ст. 109 о выдачѣ себя предъ судомъ за другое лицо, по специальному своему характеру, болѣе умѣстна въ слѣдующей главѣ проекта о «противодѣйствіи правосудію». Указанные случаи присвоенія власти легко могутъ быть подведены подъ ст. 108, редакція которой, конечно, должна быть нѣсколько измѣнена.

XI. Въ главѣ о «противодѣйствіи правосудію», составители проекта проводятъ новое воззрѣніе на ложное заявленіе о мнимомъ преступленіи (ст. 113) и ложное обвиненіе (ст. 114). По вопросу о наказуемости ложнаго заявленія о преступленіи, безъ прямаго обвиненія кого либо, среди членовъ редакціонной коммиссіи произошло разногласіе. По мнѣнію меньшинства (Н. С. Таганцевъ, И. Я. Фойницкій и Е. Н. Розингъ) «не представляется достаточно основаній отступать отъ установившейся у насъ въ этомъ отношеніи практики сената и наказывать всякое ложное заявленіе о совершившемся будто преступномъ дѣяніи, тѣмъ болѣе, что на необходимость пополненія такого пробѣла не указываетъ и опытъ западныхъ государствъ», за исключеніемъ голландскаго уложенія и проекта австрійскаго кодекса (стр. 207). Съ мнѣніемъ этимъ нельзя не согласиться; въ дѣйствительности, заявленіе о преступленіи или проступкѣ завѣдомо о томъ, что они не учинены, безъ прямаго обвиненія кого либо, чрезвычайно рѣдки и не могутъ причинить вреда правосудію, такъ какъ въ большей части случаевъ самое поверхностное дознаніе, на первыхъ же порахъ, легко можетъ обнаружить ложность заявленія. Между тѣмъ наказуемость завѣдомо ложнаго заявленія можетъ въ значительной степени парализовать содѣйствіе правосудію со стороны частныхъ лицъ, которыя всегда могутъ опасаться обвиненія по ст. 113 уложенія.

Большинство редакціонной коммиссіи распространяетъ дѣйствіе ст. 113 также на случаи ложнаго самообвиненія или явки съ ложною повинною, но текстъ статьи не даетъ для этого никакихъ основаній и самое предположеніе о наказуемости подобныхъ дѣйствій вызываетъ цѣлый рядъ возраженій; по мнѣнію меньшинства коммиссіи необходимо «и въ этомъ отношеніи остаться на почвѣ дѣйствующаго права, а не наказывать за явку съ лжеповинною». Какъ свидѣтель-

ствуетъ практика, такое самообвиненіе встрѣчается въ жизни по большей части при двоякаго рода условіяхъ: или оно представляется продуктомъ ненормальнаго психическаго состоянія самообвинителя, или оно дѣлается лицами уже содержащимися подъ стражею, по преимуществу осужденными по уголовному дѣлу, для отсрочки примѣненія опредѣленнаго имъ наказанія. Но въ случаяхъ перваго рода отвѣтственность устраняется въ силу невмѣняемости принесшаго ложную повинную, а въ случаяхъ втораго рода—«возбужденіе уголовнаго преслѣдованія за лжеповинную представлялось бы безполезнымъ въ виду постановленія о совокупности» (стр. 209—210). Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ самообвиненіе дѣлается въ интересахъ лица, учинившаго извѣстное преступленіе, съ цѣлью ввести въ заблужденіе слѣдственную власть, ложное самообвиненіе представляетъ собой одинъ изъ видовъ укрывательства и предусматривается особо въ проектѣ (ст. 127, п. 1).

Въ редакціонномъ отношеніи ст. 113, буде она останется при дальнѣйшей переработкѣ проекта, требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій. По этой статьѣ, «виновный въ умышленномъ заявленіи органу (?) власти, уполномоченному на возбужденіе уголовнаго преслѣдованія или на производство слѣдствія, о признакахъ преступленія или проступка, завѣдомо о томъ, что преступленіе или проступокъ не были учинены, наказывается: арестомъ». Органъ власти, уполномоченный на возбужденіе уголовнаго преслѣдованія или на производство слѣдствія или суду, очевидно, есть лицо административной или общественной власти, а потому не проще ли изложить ст. 113 въ слѣдующей редакціи: «виновный въ умышленномъ заявленіи административной или судебной власти о признакахъ несуществующихъ преступленія или проступка наказывается: арестомъ»?

XII. По ст. 114 проекта, «виновный въ завѣдомо ложномъ обвиненіи предъ органомъ власти, уполномоченнымъ на возбужденіе уголовнаго преслѣдованія или производство слѣдствія или суда, опредѣленнаго лица *въ учиненіи преступнаго дѣянія* или *служебной провинности*, съ указаніемъ основаній сего обвиненія, а равно въ привлеченіи къ уголовному суду завѣдомо невиннаго, наказывается: тюрьмой. Если учинено лжеобвиненіе *въ преступленіи*, то виновный наказывается: исправительнымъ домомъ». Изъ содержанія приведенной статьи видно, что редакціонная коммиссія отказывается отъ воззрѣнія римскаго права и нѣкоторыхъ изъ современныхъ уголовныхъ кодексовъ (французскаго, бельгійскаго, австрійскаго и голландскаго) на лжеобвиненіе, какъ особый квалифицированный видъ клеветы

(calumnia). По мнѣнію составителей проекта, «ближайшій анализъ юридической природы ложнаго доноса привелъ нѣсколько къ иному взгляду на значеніе этого проступка. Признаки, отличающіе его отъ клеветы, представляются настолько важными, что придаютъ лжедоносу характеръ отдѣльнаго проступка, а не только спеціальнаго вида посягательства на честь». «Съ публичной точки зрѣнія, замѣчаетъ редакціонная коммиссія, юридическая сущность ложнаго доноса заключается въ нарушеніи обязанности, лежащей на каждомъ гражданинѣ, въ своихъ показаніяхъ органамъ правосудія говорить правду и только правду». Хотя подобный взглядъ и проводится въ нѣкоторыхъ законодательствахъ (германскомъ, венгерскомъ и проектѣ австрійскаго уложенія), но вопросъ о юридической природѣ лжедоноса остается въ литературѣ спорнымъ и по существу съ мнѣніемъ редакціонной коммиссіи нельзя согласиться. Если съ объективной стороны лжеобвиненіе представляетъ собою заявленіе, сдѣланное опредѣленной компетентной власти, какъ бы противодѣйствіе правосудію, то съ внутренней или субъективной стороны — оно несомнѣнно заключаетъ въ себѣ намѣреніе субъекта повредить чести и доброму имени частнаго лица; намѣреніе составляетъ существенный моментъ разсматриваемаго дѣянія и ложное заявленіе судебной власти о проступкѣ, яко бы учиненномъ извѣстнымъ лицомъ, является не болѣе, какъ средствомъ для оскорбленія извѣстнаго лица. До извѣстной степени это признаютъ и составители проекта, по словамъ которыхъ «ложный доносъ имѣетъ юридическое значеніе въ силу тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, которыя онъ можетъ имѣть для частныхъ лицъ и для правосудія» (стр. 224). Конечно, всѣ граждане обязаны показывать на судѣ только одну правду, но обязанность эта чисто моральнаго свойства и нарушеніе этой обязанности влечетъ за собою отвѣтственность только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ лицо, въ силу особаго своего отношенія къ дѣлу, призвано къ выполненію этой обязанности, напр., потерпѣвшій, выступающій обвинителемъ по дѣлу, свидѣтели, эксперты и т. д.; иное положеніе доносителя: по обстоятельствамъ дѣла онъ можетъ стоять въ сторонѣ отъ возбужденнаго имъ дѣла и, дѣлая ложное заявленіе суду, онъ не нарушаетъ никакой спеціально опредѣленной въ законѣ обязанности. Ложный доноситель есть прежде всего клеветникъ; онъ не имѣетъ другаго намѣренія, кромѣ клеветы, опозоренія чести и добраго имени другаго лица, и противодѣйствіе правосудію является чисто внѣшнимъ и случайнымъ признакомъ лжеобвиненія, нисколько не измѣняющимъ юридическую природу дѣянія со стороны внутренняго его содержанія.

При чтеніи ст. 114 проекта возникаетъ, кромѣ того, цѣлый рядъ сомнѣній, благодаря неудачной ея редакціи. Въ этой статьѣ (и 117) идетъ рѣчь объ учиненіи *служебной провинности*; выраженіе это не совсѣмъ ясное. Изъ объяснительной записки видно, что подъ служебною провинностью слѣдуетъ понимать «служебные дисциплинарные поступки» (стр. 222); почему бы не употребить то же, болѣе употребительное выраженіе, и въ текстѣ стт. 114 и 117? Затѣмъ, въ первой части ст. 114 говорится о ложномъ обвиненіи кого-либо «въ учиненіи *преступнаго дѣянія*», а во 2-й части ея устанавливается квалификація дѣянія въ случаѣ «учиненія лжеобвиненія въ *преступленіи*»; между тѣмъ, «преступное дѣяніе», о которомъ говоритъ первая часть статьи, есть родовое понятіе, которое обнимаетъ собою: преступленія, проступки и правонарушенія [6]). Въ интересахъ дѣла необходимо согласовать первую и вторую часть ст. 114.

XIII. Ст. 117 проекта состоитъ изъ двухъ частей: въ одной — предусматривается случай подбрасыванія разныхъ вещей съ цѣлью навлечь на неповиннаго человѣка подозрѣніе въ совершеніи преступнаго дѣянія, въ другой — случай *предъявленія* суду или органу (?) власти, уполномоченному на возбужденіе уголовнаго преслѣдованія или на производство слѣдствія, завѣдомо ложнаго или письменнаго доказательства, съ цѣлью навлечь подозрѣніе на опредѣленное лицо въ учиненіи преступнаго дѣянія или служебной провинности. Первый случай, такъ назывемый подвохъ, встрѣчается очень рѣдко въ судебной практикѣ, но по своимъ специфическимъ особенностямъ онъ не можетъ быть подведенъ подъ общую норму закона и съ этой стороны постановленіе проекта не вызываетъ возраженія. Что касается второй части ст. 117, то по содержанію своему она совершенно лишняя въ проектѣ, такъ какъ предусматриваемый ею случай *предъявленія* судебной или административной власти ложнаго доказательства виновности извѣстнаго лица, въ сущности, есть ложное обвиненіе, подлежащее наказанію по ст. 114.

XIV. Постановленія проекта объ освобожденіи изъ подъ стражи и побѣгахъ (ст. 129—132) вызываютъ слѣдующія замѣчанія. Во-первыхъ,—ст. 129 отличается крайне сложною конструкціей и должна быть значительно сокращена; въ противномъ случаѣ примѣненіе ея можетъ вызвать затрудненія. Во-вторыхъ, — ст. 130 о *доставленіи арестованному средствъ къ побѣгу* изъ мѣста заключенія, въ виду предшествующей статьи, предусматривающей случаи освобожденія аре-

---

[6]) Объяснит. зап. къ общей части проекта, стр. 60.

стованнаго или *содѣйствія къ побѣгу* его, представляется совершенно лишнею въ проектѣ; «доставленіе средствъ къ побѣгу» есть содѣйствіе къ нему (стр. 404) и никакого различія въ диспозитивной части ст. 129 и 130 не существуетъ. При отсутствіи этого различія, очевидно, нѣтъ необходимости выдѣлять случай «доставленіе средствъ къ побѣгу» въ особое постановленіе. Въ третьихъ,—по поводу ст. 131 и 132 о самоосвобожденіи. Самоосвобожденіе или побѣгъ арестантовъ редакціонная коммиссія совершенно основательно признаетъ дѣяніемъ, ненаказуемымъ въ уголовномъ порядкѣ, но «эта безнаказанность, по словамъ объяснительной записки, не устраняетъ примѣненія къ виновному въ побѣгѣ дисциплинарныхъ взысканій болѣе или менѣе строгихъ, смотря по роду заключенія, изъ коего бѣжалъ арестованный, по самымъ условіямъ побѣга и т. д. (стр. 415). Для уголовной отвѣтственности за самоосвобожденіе, по мнѣнію большинства редакціонной коммиссіи, необходимы наличность насилія надъ стражею или поврежденія приспособленій, препятствующихъ побѣгу изъ тюрьмы. Въ общемъ постановка вопроса въ проектѣ представляется вполнѣ правильною, но въ частности—является вопросъ — остается ли въ силѣ правило, установленное закономъ 10 ноября 1887 года, по которому лицамъ, бѣжавшимъ изъ подъ стражи до отбытія опредѣленнаго судомъ наказанія, срокъ заключенія исчисляется со дня новаго задержанія для исполненія приговора? Хотя мѣра эта устанавливается въ административномъ порядкѣ, но по сущности своей она подрываетъ основное положеніе о ненаказуемости самоосвобожденія и нарушаетъ правило: *non bis in idem*, такъ какъ виновный въ самоосвобожденіи, напр., въ случаяхъ насилія, долженъ будетъ нести двойное наказаніе: на основаніи ст. 968 уст. угол. суд. (по прод. 1887 г.) и по ст. 131 будущаго уложенія. Это соображеніе необходимо имѣть въ виду при окончательной формулировкѣ постановленій о самоосвобожденіи и побѣгѣ. Еще одно замѣчаніе по поводу этихъ постановленій. Въ ст. 132 составители проекта устанавливаютъ отвѣтственность за побѣгъ *съ каторги*; виновные въ этомъ наказываются исправительнымъ домомъ; если же побѣгъ учиненъ при условіяхъ, установленныхъ въ ст. 131, то—исправительнымъ домомъ до 3-хъ лѣтъ или каторгою до 8 лѣтъ. Едва ли подобное постановленіе можетъ имѣть какое либо практическое значеніе; для лицъ, отбывающихъ каторгу—наиболѣе тяжкое наказаніе,—не можетъ служить достаточною угрозою за побѣгъ—исправительный домъ съ режимомъ, разсчитаннымъ на иной контингентъ заключенныхъ. Принимая во вниманіе суровыя условія каторжной

жизни, исправительный домъ для виновныхъ въ настоящемъ случаѣ будетъ временнымъ отдыхомъ отъ каторги.

XV. Въ ст. 133 предусматриваются случаи: «1) самовольнаго оставленія опредѣленнаго ему, по законному распоряженію власти (?), обязательнаго мѣста жительства; 2) самовольнаго прибытія на мѣсто, въ коемъ ему, по законному распоряженію власти, пребываніе воспрещено, и 3) самовольнаго пользованія правомъ, коего онъ, завѣдомо для него, лишенъ приговоромъ суда, вошедшимъ въ законную силу». Власть, ограничивающая свободу передвиженія и жительства частныхъ лицъ, можетъ быть или административною, или судебною; очевидно, только нарушеніе законныхъ распоряженій (правильнѣе—судебныхъ рѣшеній) *судебной* власти можетъ быть «противодѣйствіемъ правосудію», такъ какъ принятіе мѣръ административныхъ взысканій имѣетъ предупредительный характеръ и не можетъ быть отождествляемо съ отправленіемъ правосудія. По нашему мнѣнію редакція ст. 133 должна быть радикально измѣнена въ указанномъ смыслѣ.

Изложеннымъ мы закончимъ наши замѣчанія на проектъ посягательствъ противъ порядка управленія. Въ заключеніе не можемъ не выразить сожалѣнія, что до сихъ поръ остается неизвѣстною общая система классификаціи преступленій въ проектируемомъ уложеніи; мы знаемъ, что въ немъ предполагаются слѣдующія части: 1) «о преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще» (Разд. 1, гл. I — VIII, ст. 1—64), 2) «о преступленіяхъ противъ личности» (гл. I—VIII, ст. 1—83), 3) «о посягательствахъ имущественныхъ» (гл. XXXI—XXXVI, ст. 472—502) и, наконецъ, 4) «о посягательствахъ противъ порядка управленія» (гл. V—VII, ст. 80—133), но въ какомъ порядкѣ эти части слѣдуютъ одна за другою, какія еще части проектируются въ уложеніи—неизвѣстно. Это обстоятельство нѣсколько затрудняетъ общую оцѣнку отдѣльныхъ частей проекта, оставляя открытымъ вопросъ о наказуемости многихъ дѣяній, напр., скупничества, торгово-промышленныхъ стачекъ [7]), самооскопленія съ цѣлью уклониться отъ воинской повинности и т. д.

Д. Тальбергъ.

7) Статья наша «О торговой лихвѣ», Журналъ Гражд. и Уголовн. Права, 1886, кн. 1.

СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ 20 НОЯБРЯ 1864 ГОДА И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕССЪ.

I.

Гербертъ Спенсеръ въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій указываетъ на то, что начиная съ Мертонскихъ статутовъ, постановленныхъ въ 1235 году, до 1873 года обнародовано было въ Англіи 18,110 законодательныхъ актовъ; причемъ изъ этихъ актовъ въ теченіе тѣхъ же временъ было измѣнено или совершенно отмѣнено цѣлыхъ четыре пятыхъ.

По поводу этого факта знаменитый соціологъ заявляетъ, что «нѣкоторые изъ этихъ законовъ отмѣнены, конечно, потому, что отжили свое время, другіе въ силу измѣнившихся обстоятельствъ, хотя и тѣ и другіе, вѣроятно, не многочисленны, судя по тому, что изъ числа законовъ, изданныхъ въ царствованіе королевы Викторіи, 650 были уже отмѣнены къ 1873 году». Стало быть, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ большинствѣ случаевъ законы отмѣняются въ силу плохаго ихъ дѣйствія, и по негодности, и «мы легко относимся къ этимъ перемѣнамъ, мы совершенно равнодушны къ отмѣненнымъ законамъ, мы забываемъ, что до отмѣны иные изъ нихъ успѣли причинить болѣе или менѣе серьезныя бѣдствія въ теченіе немногихъ лѣтъ, другіе въ теченіе десятковъ лѣтъ, а нѣкоторые даже и въ теченіе столѣтій. Перемѣните то неопредѣленное представленіе, которое у васъ слагается по поводу дурнаго закона, на болѣе отчетливое: вообразите себѣ этотъ законъ факторомъ, непосредственно вліяющимъ на жизнь народную, и увидите, какія страданія и болѣзни, какую смертность онъ вызываетъ... Даже когда законъ созидаетъ лишь простое препятствіе къ пользованію самыми второстепенными человѣческими правами, онъ обусловливаетъ уже

безполезную трату времени, лишнее утомленіе, ненужное безпокойство; а на человѣка, обремененнаго работой, излишнія безпокойства и утомленіе дѣйствуютъ несомнѣнно вредно и въ концѣ концовъ обусловливаютъ бо̀льшія или меньшія разстройства его здоровья. Но, если, напримѣръ, удерживается изстари или вновь узаконяется негодная форма процедуры, казалось бы, тяжущимся причиняются только лишніе расходы и безполезная трата времени. А чего это сто̀итъ? Теряются даромъ деньги, зачастую добытыя тяжкимъ трудомъ, испытываются сильныя и продолжительныя тревоги, наживаются часто болѣзни, одною скорбью причиненныя; а семья становится несчастной, и дѣти голодаютъ и раздѣты, а за этими бѣдствіями слѣдуютъ цѣпью и другія... Только убѣдившись въ томъ, что дурной законъ положительно коверкаетъ нашу жизнь, возможно себѣ вообразить, какую массу неизъяснимаго горя и физическихъ страданій, какой избытокъ смертности изображаютъ тѣ тысячи парламентскихъ актовъ, которые признаны негодными и отмѣнѣ подлежащими».

Слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на то, что все это говорится по отношенію къ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ, какъ извѣстно, обычное право служитъ немаловажной поправкой для нѣкоторыхъ законодательныхъ погрѣшностей; общественное же мнѣніе, свободно выражаемое и устно и печатно, въ связи съ народнымъ представительствомъ и прочими гарантіями индивидуальной свободы, являются могучими двигателями всякаго прогресса, не исключая, конечно, и законодательнаго. И при всей этой счастливой обстановкѣ, Гербертъ Спенсеръ находитъ всетаки возможнымъ возмущаться тѣмъ, что въ теченіе 637 лѣтъ въ его родинѣ выпущено 18,110 законодательныхъ актовъ, изъ которыхъ лишь 20% уцѣлѣли, а 80% отмѣнены. Между тѣмъ, по этимъ даннымъ, законодательное творчество Англіи, въ среднихъ числахъ, выражается лишь весьма скромнымъ изданіемъ 28,42 законовъ въ годъ! Цифра эта сама по себѣ далеко не внушительна; притомъ же въ свободной странѣ противъ появленія нѣкоторыхъ законовъ, наименѣе желательныхъ, можно возбуждать не безуспѣшные протесты въ печати, въ парламентѣ, на митингахъ; а не удалось предупредить ихъ изданіе — тѣ же открытыя и законныя средства борьбы, рано или поздно, приведутъ къ отмѣнѣ вредныхъ или негодныхъ законовъ; въ крайнемъ же случаѣ, при продолжительномъ упорствѣ и неодолимости законодателей, до срока истеченія ихъ полномочій, получается хоть полная возможность, безъ тяжкаго и спеціальнаго труда, узнать обнародованные законы и попытаться къ нимъ, до поры до

времени, кое-какъ примѣниться. Стало быть какъ въ маломъ количествѣ англійскихъ законодательныхъ актовъ, такъ и въ томъ, что негодные изъ нихъ уже отмѣнены, нельзя не видѣть прочнаго залога благоденствія всей страны.

Въ Россіи невозможно даже съ точностью опредѣлить, какое количество законовъ выпущено не только за такое продолжительное время, какъ шесть слишкомъ столѣтій, но и отъ изданія соборнаго уложенія царя Алексѣя Михайловича до нашихъ дней. За этотъ періодъ времени, какъ извѣстно, издано множество законодательныхъ актовъ, не помѣщенныхъ въ трехъ полныхъ собраніяхъ законовъ; стало быть возможно лишь получить нѣкоторое минимальное представленіе о томъ количествѣ законовъ, которыми изобильно надѣлялось наше отечество, начиная съ 29 января 1649 года.

Посмотримъ, къ чему сводится этотъ минимумъ:

Первое полное собраніе нашихъ законовъ обнимаетъ періодъ въ 175 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, начиная отъ 29 января 1649 г. по 12 декабря 1825 года, и показываетъ законодательное творчество въ размѣрѣ 30,920 законовъ.

Второе полное собраніе начинается съ 12 декабря 1825 г. и кончается 1 марта 1881 года, обнимая, такимъ образомъ, періодъ въ 55 лѣтъ, 2 мѣсяца и 19 дней. За это время издано всего 61,928 законовъ.

Третье полное собраніе по 1 января 1887 года, т. е. за 5 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 29 дней содержитъ уже 4,137 законовъ.

Такимъ образомъ, съ 29 января 1649 года по 1 января 1887 г., т. е. за 236 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 18 дней получается минимальное количество законовъ въ 101,984, что въ среднемъ даетъ $430,_{76}$ законовъ въ годъ, или болѣе чѣмъ по одному закону въ день, и превышаетъ въ $15,_{15}$ разъ ежегодное законодательное творчество Англіи $(28,_{42})$.

Въ этомъ количествѣ законодательныхъ актовъ число отмѣненныхъ актовъ совершенно неизвѣстно, такъ какъ у насъ измѣняются, дополняются и отмѣняются лишь статьи свода законовъ, т. е. собственно тезисы, извлеченные для составленія кодекса изъ законодательныхъ актовъ, содержащихся въ полныхъ собраніяхъ нашихъ законовъ; а такъ какъ изъ одного и того же законодательнаго акта редактируется иногда большое множество статей свода и нѣкоторыя изъ этихъ статей отмѣнены, а другія нѣтъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что несмотря на частичныя измѣненія подлиннаго законодательнаго акта, обусловленныя иногда и

плохой редакціей статей свода, весь актъ, по большей части, долженъ быть всетаки признанъ сохранившимъ свою силу.

Иные законодательные акты издаются у насъ прямо съ подраздѣленіемъ ихъ на отдѣльныя статьи, которыя и перепечатываются затѣмъ дословно въ сводѣ и продолженіяхъ его, но и въ этомъ случаѣ нельзя не придти къ тому же заключенію, т. е. что за отмѣною или измѣненіемъ нѣкоторыхъ статей этого законодательнаго акта, онъ всетаки сохраняетъ всю свою силу въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. И въ этомъ послѣднемъ смыслѣ мы въ правѣ полагать, что тотъ законодательный памятникъ, изданіе котораго совершилось двадцать пять лѣтъ назадъ, а именно Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., еще не отмѣненъ.

II.

19 іюня 1215 года въ Англіи была издана «Великая Хартія вольностей» (Magna Charta libertatum) и въ ней, между прочимъ, установлено было, что «ни одинъ свободный гражданинъ не можетъ быть взятъ или арестованъ, лишенъ своей собственности и другихъ преимуществъ, принадлежащихъ ему по праву и обычаямъ, не можетъ быть изгнанъ или объявленъ внѣ закона, или инымъ образомъ наказанъ, иначе, какъ по законному приговору своихъ пэровъ или по законамъ страны. На каждаго свободнаго гражданина можетъ быть наложена пеня лишь въ соразмѣрности его вины, и пеня эта не можетъ быть съ него взыскана съ причиненіемъ ему полнаго разоренія. Даже вассальный и черносошный людъ не могутъ быть, никакими пенями и взысканіями, лишены своихъ телѣгъ, своихъ сохъ и другихъ принадлежностей своего хозяйства». На этомъ небольшомъ фундаментѣ развились дальнѣйшимъ образомъ учрежденія Англіи. Въ 1679 году появился законъ, извѣстный подъ именемъ Habeas Corpus act, и по этому закону каждый арестантъ, не отосланный къ суду присяжныхъ и не отбывающій наказанія по приговору суда, получилъ, между прочимъ, право потребовать отъ всякаго судьи, чтобы онъ его вызвалъ изъ мѣста заключенія въ судъ, и либо немедленно освободилъ его, разобравши, за что его задержали, либо передалъ дѣло на разсмотрѣніе суда присяжныхъ въ теченіе точно опредѣленнаго срока, съ отдачею арестанта, въ извѣстныхъ случаяхъ, на поруки. Обусловленный требованіемъ арестанта приказъ судьи смотрителю мѣста заключенія о вызовѣ арестанта (writ of Habeas corpus ad subjiciendum) сводился, значитъ, къ тому, что арестантъ прежде

всего препровождался лично или тѣлесно въ судъ, отсюда и названіе закона, за неисполненіе котораго надлежащими мѣстами и лицами положены были сильныя взысканія, и судья, напримѣръ, не исполнившій требованія арестанта о приводѣ его, долженъ былъ платить въ его пользу до 500 фунтовъ (3,000 металлическихъ рублей). Освобожденный же изъ заключенія по приказу суда безъ поруки, не могъ ни въ какомъ случаѣ подвергнуться вновь задержанію по тому же самому дѣлу. Такимъ законодательнымъ актомъ прочно укрѣпились индивидуальныя права, установленныя Великой Хартіей Вольностей, и распространились на всѣ сословія; причемъ за нарушеніе личной свободы каждаго англичанина не только предусмотрѣны были, но строго примѣнялись и на практикѣ совершенно достаточныя возмездія; несмѣняемость же судей была безповоротно установлена въ 1714 г. и англійскому судебному сословію, коронному и выборному, всецѣло принадлежитъ честь постепеннаго и окончательнаго преобразованія инквизиціоннаго процесса въ состязательный, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ.

Въ мотивахъ къ судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года содержится ссылка на Habeas Corpus Act, но врядъ ли составители этихъ уставовъ могли серьезно думать о введеніи его въ нашей родинѣ. Если провести параллель между судебными уставами и англійскимъ законодательствомъ, то слѣдуетъ сказать, что судебные уставы имѣютъ значеніе попытки водворить въ Россіи нѣчто, подобное Великой Хартіи Англіи XIII столѣтія. Такая попытка выразилась прежде всего въ 1 статьѣ устава уголовнаго судопроизводства, въ которой значится, что «никто не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами устава уголовнаго судопроизводства». Значеніе этой статьи закона не умалялось, во время его изданія, примѣчаніемъ къ этой статьѣ, которое гласитъ о томъ, что «къ судебному преслѣдованію не относятся мѣры, принимаемыя полицейскими и другими административными властями, для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ въ порядкѣ, установленномъ законами». Но всѣ права пресѣченія и предупрежденія преступленій, довѣренныя полиціи, сводились, главнымъ образомъ, къ отсылкѣ подозрѣваемыхъ или обвиняемыхъ въ уголовный судъ, и, стало быть, подпадали подъ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, въ которыхъ значится и до сихъ поръ, что «никто не можетъ быть ни задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ, законами опредѣленныхъ, ни содержимъ въ помѣщеніяхъ, не установленныхъ на то закономъ». И «требованіе о взятіи

кого либо подъ стражу подлежитъ исполненію лишь въ томъ случаѣ, когда оно послѣдовало въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами устава уголовнаго судопроизводства»; причемъ «каждый судья и каждый прокуроръ, который, въ предѣлахъ своего участка или округа, удостовѣрится въ задержаніи кого либо подъ стражею безъ постановленія уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ, обязанъ немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы», а если «кто либо содержится не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія, долженъ принять мѣры къ содержанію его въ установленномъ порядкѣ» (ст. 8—11 уст. угол. суд.). *Не касаясь причинъ, которыми мотивируется задержаніе*, законы эти указываютъ, что оно должно быть во всякомъ случаѣ основано на постановленіи уполномоченныхъ къ тому судебными уставами властей, и должно состояться въ установленномъ для того мѣстѣ. Засимъ всякое произвольное задержаніе кого либо ненадлежащею властью составляетъ уже преступное насиліе, требующее немедленнаго пресѣченія и наказанія.

Какія же власти уполномочены были судебными уставами на задержаніе людей? Суть дѣла, конечно, не въ томъ, чтобы написано было постановленіе и отправлено вмѣстѣ съ арестантомъ въ надлежащее мѣсто заключенія, но въ томъ, чтобы люди вполнѣ безпристрастные, а въ случаяхъ болѣе важныхъ—и спеціально къ тому подготовленные, писали эти постановленія и серьозно и справедливо взвѣшивали причины и поводы къ задержанію человѣка. По судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г. уполномочены были на лишеніе свободы: судьи, назначенные отъ правительства, получившіе высшее образованіе и несмѣняемые, судьи выборные и, за отсутствіемъ на мѣстѣ преступленія судей, въ случаяхъ точно опредѣленныхъ, общая полиція (257 ст. уст. угол. суд.); причемъ, при производствѣ дознанія, полиція всѣ нужныя ей свѣдѣнія должна была собирать лишь посредствомъ розысковъ, словесными разспросами и негласнымъ наблюденіемъ, не производя ни обысковъ, ни выемокъ въ домахъ (254 ст. уст. угол. суд.), за исключеніемъ того случая, когда она застигала совершающееся или только что совершившееся преступленіе, а также и при отсутствіи судей на мѣстѣ; но ни въ какомъ случаѣ полиція не имѣла права производить формальныхъ допросовъ ни обвиняемымъ, ни даже свидѣтелямъ, развѣ бы кто либо изъ нихъ оказался тяжко больнымъ и представлялось бы опасеніе, что онъ умретъ до прибытія судьи (258 ст. уст. уг. суд.). Самъ же обвиняемый, по приводѣ его къ слѣдствію и неприбытіи судьи для снятія допроса въ теченіе сутокъ, имѣлъ право дать объясненіе полиціи и требовать, чтобы оно вне-

сено было въ протоколъ, причемъ полиція была обязана его немедленно освободить, если бы оказалось, что онъ задержанъ по ошибкѣ или недоразумѣнію (400—402 ст. уст. уг. суд.). И вообще предварительное заключеніе подъ стражей до суда обставлено извѣстными гарантіями: требуется по крайней мѣрѣ совершеніе преступленія, влекущаго за собою лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (419 ст.), или же для менѣе тяжкихъ преступленій — отсутствіе осѣдлости (420 ст.).

Производство предварительныхъ слѣдствій по государственнымъ преступленіямъ уставъ уголовнаго судопроизводства возлагалъ на высшихъ представителей магистратуры, а именно по преступленіямъ, подсуднымъ судебнымъ палатамъ, на одного изъ членовъ палаты, по назначенію старшаго ея предсѣдателя (1037 ст.), а до прибытія члена палаты, производство дознанія возлагалось на другаго судью: на мѣстнаго судебнаго слѣдователя, и только за отсутствіемъ этого послѣдняго могла вступить въ дѣйствіе полиція, подъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора (1038 ст.). Допросъ подозрѣваемаго довѣрялся судебному слѣдователю лишь въ томъ случаѣ, если членъ палаты не прибывалъ на мѣсто преступленія до истеченія сутокъ со времени явки или привода обвиняемаго (1039 ст.), причемъ отъ слѣдователя вполнѣ зависѣло, съ согласія прокурорскаго надзора, освобожденіе подозрѣваемаго изъ подъ стражи (1040 ст.). По государственнымъ же преступленіямъ чрезвычайной важности, подлежавшимъ вѣдѣнію верховнаго уголовнаго суда, уставъ уголовнаго судопроизводства возложилъ обязанности производства предварительнаго слѣдствія на одного изъ сенаторовъ кассаціоннаго департамента, по Высочайшему о томъ повелѣнію (1063 ст.), причемъ порядокъ производства этихъ слѣдствій и первоначальныхъ къ нимъ дознаній не былъ вовсе опредѣленъ.

Этотъ послѣдній законъ сохранилъ вполнѣ свое дѣйствіе и до нашихъ дней; остальные же законы, регулирующіе порядокъ производства дознаній о государственныхъ преступленіяхъ, подсудныхъ судебнымъ палатамъ, отмѣнены въ 1872 году (7 іюня, № 50,956), причемъ обязанность производства предварительныхъ слѣдствій о государственныхъ преступленіяхъ по каждому судебному округу, возлагается ежегодно Высочайшею властью, по представленіямъ министра юстиціи, на одного изъ членовъ надлежащей судебной палаты, который приступаетъ къ слѣдствію по распоряженію министра юстиціи (1037 ст. въ новой редакціи). Дознанія по этимъ дѣламъ производятся нынѣ жандармской полиціей или особо назначеннымъ Высочайшею властью лицомъ (1035[1] — 1035[11])

и жандармская полиція, кромѣ правъ общей полиціи, при производствѣ всякаго дознанія, получила особыя права: производить обыски съ опечатаніемъ бумагъ, снимать предварительные допросы и нарушать почтовую и телеграфную тайны, испрашивая на то разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи (1035[7]). Слѣдуетъ замѣтить, что это послѣднее право не дано было и судьямъ по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г., и только въ 1878 году особымъ закономъ дозволено было судебнымъ слѣдователямъ, съ разрѣшенія окружныхъ судовъ, производить осмотры и выемки частной корреспонденціи (368[1]). Тѣмъ же самымъ закономъ разрѣшалось и жандармской полиціи производить то, что выше указано (30 окт. 1878, № 58967, и 6 августа 1880, № 676) и, такимъ образомъ, для нарушенія почтовыхъ и телеграфныхъ тайнъ установлено теперь въ менѣе важныхъ дѣлахъ больше гарантій и для общества и для подсудимыхъ, чѣмъ въ болѣе важныхъ. Нѣсколько ранѣе, а именно въ 1874 году, прокуроры палатъ получили право предлагать жандармской полиціи заключать подъ стражу обвиняемыхъ и въ такихъ преступленіяхъ, которыя не влекутъ за собою лишенія всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, если эта мѣра представляется необходимою для предупрежденія сношеній обвиняемыхъ между собою или сокрытія слѣдовъ преступленія (примѣч. къ 1035[7] ст. уст. уг. суд.).

Такимъ образомъ постепенно было умалено значеніе суда въ дѣлѣ преслѣдованія государственныхъ преступленій, и притомъ двоякимъ путемъ: во 1-хъ, всякое дознаніе о государственномъ преступленіи представляется, по его окончаніи, прокуроромъ судебной палаты министру юстиціи, который, по сношеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ предварительнаго слѣдствія или испрашиваетъ Высочайшее повелѣніе о прекращеніи производства, съ оставленіемъ въ послѣднемъ случаѣ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, *или же съ разрѣшеніемъ онаго въ административномъ порядкѣ* (1035[11]), и, во 2-хъ, по положенію о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (14 авг. 1881 г.) даже для тѣхъ мѣстностей, которыя не объявлены въ исключительномъ положеніи, а также и по положенію о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемому по распоряженію административныхъ властей (12 марта 1882 г.) такія тяжкія наказанія, какъ, напримѣръ, лишеніе средствъ къ добыванію средствъ пропитанія (24 ст. полож. о полиц. надзорѣ) могутъ быть назначены безъ суда и слѣдствія. Законы эти помѣщены въ дополненіи къ уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, и потому, въ силу примѣчанія къ 1 ст.

уст. уг. суд., парализуютъ дѣйствіе этого постановленія судебныхъ уставовъ, несмотря на то, что 20 ноября 1864 г. не существовали. За то каждое заключеніе подъ стражу и по этимъ законодательнымъ памятникамъ требуетъ непремѣнно постановленія согласно уставу уголовнаго судопроизводства.

III.

Въ какой мѣрѣ порядокъ Судебныхъ Уставовъ сохранился въ отношеніи къ дѣламъ общимъ? На вопросъ этотъ отвѣчаетъ слѣдующій разсказъ, заимствованный изъ сборника рѣшеній общаго собранія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената за 1886 г. (№ 36).

21 апрѣля 1883 г. мѣщанинъ Андрей Киселевъ былъ задержанъ въ Шуйскомъ тюремномъ замкѣ, по распоряженію мѣстнаго полицейскаго управленія, какъ человѣкъ, не имѣющій опредѣленныхъ занятій и замѣченный въ пьянствѣ. Въ тюремномъ замкѣ Киселевъ содержался до 30 апрѣля, а затѣмъ былъ отправленъ по этапу для водворенія на мѣсто жительства въ Нерехту, Костромской губерніи, куда прибылъ 10 мая, и, такимъ образомъ, содержался подъ стражею въ теченіе 19 дней. Дѣло это дошло до свѣдѣнія прокурора владимірскаго окружнаго суда, принявшимъ во вниманіе, что, при задержаніи Киселева, у него былъ отобранъ билетъ, выданный мѣщанскимъ старостою, срокомъ съ 16 марта на одинъ мѣсяцъ, но съ правомъ пользоваться имъ въ теченіе льготнаго мѣсяца, который даже при освобожденіе Киселева еще не истекъ. Въ силу этого прокуроръ нашелъ, что личное задержаніе Киселева безъ всякихъ законныхъ къ тому основаній составляетъ преступленіе (341, 348 и 2 отд. 1540 ст. улож. о наказ.) и потому просилъ владимірское губернское правленіе возбудить уголовное преслѣдованіе противъ членовъ шуйскаго полицейскаго управленія. Губернское правленіе занялось собраніемъ свѣдѣній и обнаружило, что Киселевъ съ 1880 г. былъ подвергаемъ 10 разъ личному задержанію при полиціи за пьянство, буйство и проживательство безъ письменнаго вида и, сверхъ того, два раза былъ выдержанъ подъ арестомъ, по приговорамъ мировыхъ судей. А когда 21 апрѣля, говоритъ губернское правленіе, Киселевъ, не имѣвшій всетаки никакихъ опредѣленныхъ занятій, былъ снова задержанъ за пьянство, и изъ отобраннаго у него паспорта оказалось, что срокъ ему истекъ 16 апрѣля, то полицейское управленіе, имѣя въ виду собственное заявленіе Киселева о неимѣніи у

него средствъ для возвращенія на родину, постановило отправить его по этапу въ Нерехту. О высылкѣ Киселева было тогда же сдѣлано распоряженіе, но онъ былъ отправленъ только 30 апрѣля, такъ какъ этапы, по случаю разлива рѣкъ, были пріостановлены.

Изъ отобраннаго у Киселева паспорта видно, что онъ былъ выданъ срокомъ 16 марта на одинъ мѣсяцъ. Однако потомъ въ билетѣ сказано, что если въ теченіе льготнаго мѣсяца послѣ сего срока Киселевъ не явится въ Нерехту, то съ нимъ поступлено будетъ, какъ съ бродягой. Въ виду этихъ обстоятельствъ губернское правленіе нашло, что съ 16 апрѣля Киселевъ проживалъ въ г. Шуѣ по просроченному билету, и если, при его задержаніи, не истекъ еще тотъ льготный срокъ, о которомъ упомянуто въ выданномъ ему билекѣ и въ 125 ст. уст. о пасп., то это устраняло только личную отвѣтственность Киселева передъ его обществомъ за неявку къ сроку, но это обстоятельство не лишало полицію права сдѣлать распоряженіе о высылкѣ Киселева на мѣсто его жительства, какъ лица, проживающаго съ просроченнымъ билетомъ, и притомъ не имѣющаго никакихъ опредѣленныхъ занятій, а занимающагося только пьянствомъ. Такое право прямо предоставлено полиціи 614 ст. уст. о пасп.

Текстъ этихъ двухъ законовъ устава о паспортахъ и бѣглыхъ, изд. 1857 г., слѣдующій:

125 ст. «По истеченіи срока каждаго изъ билетовъ, взявшему мѣсячный, двухмѣсячный или трехмѣсячный билетъ, ежели бы на срокъ не успѣлъ онъ возвратиться въ домъ, дается мѣсяцъ льготы, *и сія мѣсячная просрочка въ вину не ставится;* но далѣе никакая отсрочка терпима уже быть не должна».

614 ст. Коль скоро кто либо задержанъ полиціей *по неимѣнію узаконеннаго вида,* но есть доказательства о званіи его и настоящемъ мѣстѣ жительства или вѣдомствѣ: то онъ подвергается взысканію, опредѣленному въ статьѣ 1221 улож. о наказ., и затѣмъ отсылается къ своему мѣсту сообразно означеннымъ доказательствомъ, порядкомъ, соотвѣтствующимъ званію его или состоянію.

Стало быть у Киселева былъ узаконенный видъ и 614 ст. къ нему совсѣмъ не относится.

Если допустить однако, продолжаетъ губернское правленіе, что шуйское полицейское управленіе поступило неправильно, распорядившись о высылкѣ Киселева на мѣсто приписки этапнымъ порядкомъ, то вопросъ объ уголовной отвѣтственности за это дѣяніе могъ бы возникнуть только тогда, если бы было доказано, что *чины полицейскаго управленія поступили такимъ образомъ, сознавая незаконность*

своихъ дѣйствій. Между тѣмъ въ сообщеніи прокурора нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы чины полиціи *намѣренно превысили свои права и предѣлы предоставленной имъ власти*, а потому, если высылка Киселева представляется дѣйствіемъ неправильнымъ, то она можетъ быть объяснена только ошибочнымъ толкованіемъ надлежащихъ статей устава о паспортахъ.

По этимъ соображеніямъ губернское правленіе постановило: требованіе прокурора о возбужденіи преслѣдованія противъ чиновъ шуйскаго уѣзднаго полицейскаго управленія оставить безъ послѣдствій.

Мотивы этого опредѣленія губернскаго правленія чрезвычайно интересны:

Киселевъ проживалъ по билету, по которому, въ силу категорическаго закона, а именно 125 ст. уст. о пасп., дается мѣсячная льгота, о чемъ пишется на самомъ билетѣ съ предупрежденіемъ, что если до истеченія отсрочки Киселевъ не явится на свое мѣсто жительства, съ нимъ будетъ поступлено, какъ съ бродягой. Но рядомъ существуетъ другой законъ, 614 ст. уст. о пасп., который совершенно къ этому случаю не относится, но однако даетъ право полиціи поступить съ Киселевымъ, какъ съ бродягой, и гораздо ранѣе истеченія льготнаго срока! Какъ примирить это явное противорѣчіе? По мнѣнію губернскаго правленія примиреніе достигается просто: мѣсяцъ льготы, по первому закону, оправдываетъ Киселева лишь передъ своимъ обществомъ, а не передъ полиціей, которая всетаки не признаетъ его, просроченный въ предѣлахъ закона, видъ, узаконеннымъ видомъ, и потому можетъ и арестовать его и препроводить куда слѣдуетъ по этапу! Губернское правленіе, впрочемъ, и само не увѣрено, чтобы такая интерпретація была основательна, и потому спѣшитъ прикрыть дѣйствія шуйскаго полицейскаго управленія тѣмъ предположеніемъ, что у полицейскихъ чиновъ не было сознанія незаконности ихъ дѣйствій.

Вслѣдствіе несогласія прокурора съ постановленіемъ владимірскаго губернскаго правленія, дѣло Киселева поступило на разсмотрѣніе соединеннаго присутствія перваго и уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ правительствующаго сената, которое, между прочимъ, нашло, что задержаніе Киселева и высылка его на мѣсто приписки представляется мѣрою, неправильною и несогласною съ существующими въ этомъ отношеніи постановленіями закона. Статья 614 уст. о пасп., предоставлявшая полиціи въ извѣстныхъ случаяхъ право высылки лицъ, проживавшихъ безъ паспорта или съ неустановленными письменными видами, отмѣнена по продолженію свода законовъ 1876 г.; и потому, въ силу примѣчанія къ этой статьѣ, Киселевъ, за нарушеніе устава о паспор-

тахъ, могъ подлежать лишь денежному взысканію, указанному въ 61 ст. уст. о наказ., нал. мир. суд., замѣнившую 1221 ст. ул. о нак., на которую содержится ссылка въ 614 ст. Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе, что тѣ основанія, по которымъ члены шуйскаго полицейскаго управленія распорядились о высылкѣ Киселева этапнымъ порядкомъ, *представлялись полицейскимъ чинамъ вполнѣ законными*, нельзя не признать, что это дѣяніе, совершенное ими безъ преступнаго намѣренія, *а лишь вслѣдствіе ошибочнаго толкованія закона*, не заключаетъ въ себѣ одного изъ существенныхъ признаковъ преступленій, предусмотрѣнныхъ 341 и 2 ч. 348 ст. улож. о наказ., соединенное присутствіе опредѣлило: утвердить постановленіе губернскаго правленія.

Въ рѣшеніи этомъ однако совсѣмъ не затронутъ весьма существенный вопросъ, а именно: если бы даже полицейскіе чины г. Шуи не знали, что 614 ст. уст. о пасп. отмѣнена, то слѣдуетъ ли изъ этого, что они имѣли право примѣнить ее къ Киселеву? Вѣдь Киселевъ пользовался по виду своему на жительство просрочкою, установленною самимъ закономъ (125 ст. уст. о пасп.), и возможно ли признать, что такой видъ не есть «узаконенный видъ», къ неимѣнію котораго только и могла быть примѣнена 614 ст. уст. о пасп.?

По оставимъ это соображеніе и станемъ на точку зрѣнія соединеннаго присутствія.

Итакъ, Киселевъ былъ заключенъ подъ стражу въ 1883 году, а законъ, въ силу котораго его арестовали, былъ отмѣненъ еще въ 1876 г., и всетаки нѣтъ достаточныхъ основаній для привлеченія къ отвѣтственности чиновъ полиціи, примѣнившихъ этотъ законъ! А между тѣмъ, отмѣна закона удостовѣряется простою справкою въ продолженіи, и этотъ ли случай не подходитъ ко взятію подъ стражу «безъ всякихъ достойныхъ уваженія причинъ», караемому по закону (2 ч. 348 ст. ул. о наказ.)? Оказывается однако, что нѣтъ и что требуется не только знаніе законовъ, невѣдѣніемъ которыхъ никто отговариваться не можетъ, но и необходимо еще догадываться о томъ, что *представляется* чиновнику по поводу того или инаго закона, при чемъ рѣшительно все равно, будутъ ли представленія этого чиновника на самомъ дѣлѣ законны или незаконны.

Дѣло Киселева не остановилось на этомъ. Министръ юстиціи потребовалъ заключенія кодификаціоннаго отдѣла при государственномъ совѣтѣ по вопросу о томъ, надлежитъ ли считать 614 ст. уст. о пасп. отмѣненною по продолж. 1876 г. въ цѣломъ ея составѣ, или же только измѣненной въ той ея части, въ которой опредѣляется уго-

ловная отвѣтственность лицъ, задерживаемыхъ полиціей по неимѣнію узаконеннаго вида. Запросъ этотъ напоминаетъ тѣ «памяти съ вопросами», которыя, до изданія соборнаго уложенія царя Алексѣя Михайловича, посылались изъ челобитеннаго приказа по другимъ приказамъ съ цѣлью выяснить, какіе боярскіе приговоры принимаются въ руководство по тѣмъ или другимъ дѣламъ, послѣ чего приговоры эти вносились въ статейные списки вмѣсто государевыхъ указовъ (Бѣляевъ, стр. 654). Кодификаціонный отдѣлъ подробно разъяснилъ, почему содержащееся въ 614 ст. правило о высылкѣ указываемыхъ сею статьею лицъ въ мѣста ихъ жительства и донынѣ сохраняетъ свою силу; къ тому же означенная высылка никогда не имѣла значенія уголовнаго наказанія, и, слѣдовательно, не могла быть замѣнена или отмѣнена 61 ст. уст. о наказ., а была предписана въ качествѣ мѣры административной, направленной къ возстановленію нарушеннаго порядка. Такимъ образомъ, 614 статья устава о паспортахъ и бѣглыхъ была возстановлена. Обстоятельство это предложено было оберъ-прокуроромъ на обсужденіе общаго собранія 1-го и кассаціоннаго департаментовъ правительствующаго сената, которое тоже удостовѣрило существованіе 614 ст. уст. о пасп. и бѣглыхъ и 15 декабря 1886 г., согласно заключенію кодификаціоннаго отдѣла, признало, что на обязанности полиціи по прежнему осталось наблюденіе за тѣмъ, чтобы «*никто безъ установленнаго письменнаго вида внѣ мѣста постояннаго жительства не проживалъ*».

Спрашивается тогда, для чего же существуетъ 125 ст. уст. о пасп. и что значитъ употребленное въ ней выраженіе: «сія мѣсячная просрочка въ вину не ставится»? Неужели оно означаетъ дозволеніе выслать по этапу? И неужели же установленный письменный видъ можетъ обратиться въ неустановленный только потому, что по немъ началось теченіе совершенно узаконенной просрочки? Разсказанное дѣло показываетъ, что по части розысканія законовъ, даже для правительствующаго сената, требуется особая экспертиза. Оно понятно, такъ какъ количество законовъ, конечно, неизмѣримо выше числа законодательныхъ актовъ (101,984); но справедливо ли, что обыватель *не смѣетъ* отговориться незнаніемъ закона, когда не только онъ *не можетъ* ихъ познать, но и самъ сенатъ не въ состояніи уяснить себѣ, безъ выслушанія заключенія болѣе свѣдущаго учрежденія, существуетъ ли данный законъ, или нѣтъ! Не справедливѣе ли было бы, чтобы всякая мѣра, направленная, какъ выражается кодификаціонный отдѣлъ, «къ возстановленію нарушеннаго порядка», примѣнялось не иначе, какъ по предъявленіи нарушителю порядка ясныхъ доказательствъ

въ томъ, что дѣйствуя такъ или иначе, онъ могъ знать, что онъ дѣйствительно нарушаетъ порядокъ, а не совершаетъ закономѣрное дѣяніе. Вѣдь могъ же Киселевъ думать, что онъ имѣетъ полное право проживать по просроченному билету въ теченіе цѣлаго мѣсяца; а если бы онъ въ этомъ правѣ усомнился, онъ могъ бы посовѣтоваться съ любымъ юристомъ, и тотъ несомнѣнно разъяснилъ бы ему, что онъ можетъ спокойно доживать льготный срокъ, предоставленный ему по закону, не касаясь совершенно 614 ст. уст. о пасп., которая совершенно къ такому дѣлу не относится. И послѣ такой вѣрной консультаціи, Киселева всетаки арестовали бы и отправили бы по этапу на родину, разъясняя, что высылка его по этапу и необходимое для этого содержаніе его подъ стражей не суть вовсе уголовныя наказанія, а просто мѣры, направленныя «къ возстановленію нарушеннаго порядка».

IV.

Измѣненіе устава уголовнаго судопроизводства въ первое двадцатипятилѣтіе его существованія не ограничилось вышеприведеннымъ. Въ связи съ ними стояли такія мѣры, какъ ограниченіе компетенціи суда присяжныхъ, а въ области судоустройства — учрежденіе высшаго дисциплинарнаго присутствія правительствующаго сената, которому дано право, по предложенію министра юстиціи, увольнять судей отъ должности и переводить ихъ въ другую мѣстность (295^2 ст. учр. суд., устан. по прод. 1886), и наконецъ — отмѣна выборныхъ мировыхъ судей и замѣна изъ административными чиновниками по назначенію отъ правительства.

«Кто однако наблюдалъ дѣятельность нашихъ присяжныхъ засѣдателей, тотъ не могъ не вынести глубокаго убѣжденія въ томъ, что это учрежденіе есть одно изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ основаній нелицемѣрной и совѣстливой справедливости какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ» (Березинъ). Учрежденіе высшаго дисциплинарнаго суда надъ коронными судьями приближаетъ ихъ положеніе къ положенію административныхъ чиновниковъ, тогда какъ въ основѣ судебныхъ учрежденій 20 ноября 1864 г. лежала явная мысль о раздѣленіи властей административныхъ и судебныхъ. Добрымъ словомъ долженъ быть помянутъ мировой судъ, заслужившій любовь и уваженіе населенія, какъ это и видно изъ ходатайствъ, направленныхъ къ его сохраненію.

Въ результатѣ слѣдуетъ сказать, что первая статья устава уголовнаго судопроизводства, по которой «никто не можетъ подлежать

судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами устава», относительно одной категоріи дѣлъ является отмѣненною законодательнымъ путемъ, въ другой же области ея примѣненіе можетъ быть ограничиваемо путемъ интерпретаціи.

Въ такомъ видѣ являются предъ нами основные принципы устава уголовнаго судопроизводства. Отступленіе отъ ихъ первоначальной формы было результатомъ того, что временному и случайному приписывалось значеніе, одинаковое съ постояннымъ и общимъ. Единый общій законъ былъ замѣненъ рядомъ разнообразныхъ законовъ. Но, какъ замѣчаетъ Іерингъ, не въ количественномъ обиліи законовъ сила законодательства. И еще Петръ Великій находилъ нужнымъ отдѣлять всѣ указы, исходящіе по «генеральнымъ дѣламъ», повелѣвъ въ 1720 г. Сенату всѣ выходящіе вновь указы раздѣлять на временные и постоянные «ко всегдашнему исполненію». За Петромъ и Екатерина II въ манифестѣ 14 декабря 1766 г. провозгласила, что, вникая со всевозможнымъ прилежаніемъ въ каждое доходившее до нея дѣло, она, въ первые три года своего царствованія, усмотрѣла, что существуетъ во многихъ случаяхъ недостатокъ узаконеній, въ другихъ большое ихъ число, а также «несовершенное различіе между непремѣнными и временными законами». Депутаты, собранные Екатериною, привезли съ собою петиціи, въ которыхъ населеніе ходатайствовало о «мѣстномъ словесномъ судѣ». Такой судъ былъ осуществленъ уставами 20 ноября, и современный русскій гражданинъ ходатайствуетъ лишь о томъ, чтобы начало, провозглашенное судебными уставами, стало бы общимъ началомъ по всѣмъ дѣламъ и не ограничивалось бы въ своемъ примѣненіи временными положеніями.

Р. Минцловъ.

СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ 20 НОЯБРЯ 1864 ГОДА И ГРАЖДАНСКІЙ ПРОЦЕССЪ.

Читано въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 22 ноября 1889 года.

Мм Гг.!

Четверть-вѣковой періодъ времени, отдѣляющій насъ отъ дня утвержденія тѣхъ судебныхъ уставовъ, которые благодарное потомство именуетъ «Судебными Уставами Императора Александра II-го», не могъ конечно, пройти безслѣдно въ исторіи правовой жизни русскаго народа. Многіе изъ насъ, здѣсь присутствующихъ, по всей вѣроятности живо еще помнятъ, съ какимъ сочувствіемъ и радостными надеждами было встрѣчено въ то время давно желанное преобразованіе русскаго суда. Но ни одной, быть можетъ, изъ реформъ прошедшаго царствованія не суждено было встрѣтиться такъ скоро и съ самыми ожесточенными нападками, какъ реформѣ судебной; рѣдкой книгѣ законовъ случалось подвергаться болѣе злобной и лицемѣрной критикѣ, чѣмъ судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года.

Съ одной стороны, широкое поле для хулителей новаго суда открывала невѣдомая до того времени въ Россіи полная гласность судебныхъ процессовъ, дозволявшая видѣть зорко слѣдившему вражьему глазу самыя мельчайшія ошибки,—ошибки, всегда неизбѣжныя во всякомъ новомъ, многосложномъ и трудномъ дѣлѣ, а съ другой,—самая повседневность судебныхъ функцій количественно давала наиболѣе обильный матеріалъ, сравнительно съ дѣятельностью другихъ учрежденій. Неблагопріятныя условія измѣнившихся взглядовъ и вѣяній, среди которыхъ пришлось дѣйствовать и примѣнять свои начала новымъ судебнымъ учрежденіямъ, не могли не отразиться на нихъ. Старые корни были вырваны не совсѣмъ и, подобно тому какъ обыкно-

венно случается въ царствѣ растительномъ, отъ мелкихъ оставшихся корней мало по малу стали появляться отростки прежняго растенія, мѣшавшіе росту новаго насажденія. Давнишній знакомецъ русской жизни—бюрократизмъ—началъ своими цѣпкими вѣтвями быстро опутывать свободный стволъ молодаго дерева; различнаго рода паразиты жадно принялась точить его съ разныхъ сторонъ; грозныя бури проносились надъ нимъ и казалось готовы были вырвать съ корнемъ вонъ изъ земли. Дерево трещало, гнулось, сучья и вѣтки его пообломались,—но оно всетаки устояло.

Подъ вліяніемъ чуждыхъ элементовъ въ самомъ составѣ тѣхъ лицъ, которымъ ввѣрено было практическое примѣненіе къ жизни началъ новыхъ судебныхъ уставовъ, между отдѣльными частями одного и того же организма появилась прискорбная рознь. Магистратура сидячая препиралась съ магистратурой стоячей, судейское сословіе пренебрежительно смотрѣло на адвокатуру; адвокатура, отчасти въ силу внутреннихъ ея недостатковъ, а отчасти подъ вліяніемъ самаго общества, поддалась стремленію къ легкой наживѣ и стала забывать цѣль своего призванія и достоинство задачи, указанной ей судебными уставами. Этой переходной эпохой ошибокъ, неустановившихся вполнѣ началъ и броженія новой закваски враги реформы съумѣли воспользоваться весьма искусно. И только тогда, когда горькимъ опытомъ убѣдились въ одинаково грозящей всѣмъ опасности,—только тогда мы подумали объ томъ, чтобы дружно сплотиться и общими силами постоять за себя.

Мы не беремъ на себя даже слабой попытки начертать въ данную минуту внутреннюю жизнь судебныхъ уставовъ и ихъ исторію въ связи съ другими общественными явленіями за послѣднюю четверть вѣка. Это слишкомъ обширная и трудная работа, выходящая за предѣлы поставленной нами задачи, и притомъ мы настолько близко стоимъ къ дѣлу, что для насъ его исторія сливается съ самой жизнью. Но если изученіе отдѣльнаго института права имѣетъ значеніе для юриста, то неизмѣримо большій, первостепенной важности интересъ должна имѣть исторія такого законодательнаго памятника, который является не сепаратнымъ актомъ законодательной воли по частному вопросу, но представляетъ собою стройную, глубоко обдуманную, цѣльную реформу, тѣсно и неразрывно связанную съ кореннымъ преобразованіемъ нашего общественнаго строя въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Будущій безпристрастный историкъ общественнаго движенія Россіи за послѣдніе 25 лѣтъ занесетъ на свои страницы всѣ перипетіи четверть-вѣковой жизни новыхъ судебныхъ уставовъ

и отмѣтитъ тѣ теченія, съ которыми имъ пришлось считаться. Онъ разсмотритъ, было ли введеніе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. водвореніемъ праваго, скораго и милостиваго суда, какъ гласилъ манифестъ Императора Александра II, или же внесеніемъ задатковъ новаго «судебнаго хаоса», какъ полагаетъ г. Фуксъ и его единомышленники [1]), являлось ли судебное сословіе хранителемъ и проводникомъ въ жизни воззрѣній права и справедливости, или же «самосудной и самоуправной корпораціей, мнящей себя внѣ контроля и зависимости высшей государственной власти»; былъ ли судъ присяжныхъ судомъ общественной совѣсти или «самосудомъ судей улицы»— и объ этихъ, равно какъ и многихъ другихъ менѣе важныхъ вопросахъ скажетъ правдивое слово.

Въ настоящее же время мы можемъ сказать, что не только одна положительная, но и отрицательная сторона явленій имѣетъ свою цѣну. По русской пословицѣ—нѣтъ худа безъ добра. Мы полагаемъ, что историческая судьба, пославшая новымъ судебнымъ уставамъ тяжелое время, дала возможность путемъ суроваго испытанія укрѣпить вложенныя въ нихъ начала и показать ихъ живучесть въ народномъ сознаніи. За нихъ стоитъ прежде всего ихъ общечеловѣчность. «Новые законы», говорится во введеніи къ изданію судебныхъ уставовъ Государственной Канцеляріи, «истекаютъ не изъ произвола, а отъ началъ истины и справедливости въ той степени, въ какой они выработаны наукой и опытомъ». Эти начала вошли въ плоть и кровь цивилизованнаго общества. Судъ безъ продажнаго правосудія, равноправный для богатаго и бѣднаго, для маленькаго человѣка и для сильнаго міра сего, стоящій во всеоружіи гласности на стражѣ закона и справедливости,—такой судъ, начертанный судебными уставами 20-го ноября 1864 года, содержитъ въ себѣ тѣ принципы, безъ которыхъ для современнаго человѣка немыслимъ правильный общественный порядокъ.

Кладя въ основу новаго суда эти незыблемыя начала человѣческаго правосудія, составители судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. сознавали, что дѣло еще далеко не окончено. Они возлагали надежду и упованіе на дальнѣйшее развитіе этихъ началъ въ рукахъ тѣхъ, которымъ были ввѣрены эти уставы. «Время безконечно», такъ разсуждаютъ они, «и потому мысль сковать значеніе закона и остановить его дальнѣйшее развитіе была бы столь же неосновательна,

---

[1]) См. Р. Вѣстникъ, за 1886 г., № 1: «Слѣдователи, обвинители и защитники», а также Р. В. за 1885 г.: «Судъ присяжныхъ» №№ 2 и 3.

какъ и намѣреніе остановить теченіе времени». Такое безусловно справедливое положеніе въ примѣненіи къ послѣдующему развитію судебныхъ уставовъ получило совсѣмъ нежданное направленіе. Это развитіе выразилось въ ихъ игнорированіи, а исправленіе привело къ ломкѣ.

Всѣ попытки въ этомъ послѣднемъ смыслѣ по причинамъ, объясненіе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко, были направлены на уголовное судопроизводство, которое составило главнѣйшимъ образомъ предметъ особаго вниманія послѣдующихъ законодательныхъ новеллъ. Но насколько усердно занялись уголовнымъ процессомъ, настолько же мало было сдѣлано для процесса гражданскаго.

Гражданскій процессъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ остался безъ всякаго дальнѣйшаго развитія, несмотря на настоятельную, всѣми сознаваемую, потребность исправленій, вызванныхъ судебною практикой и житейскими условіями. Останавливаясь на этой сторонѣ дѣла и не желая утомлять собраніе подробностями того, что болѣе или менѣе всѣмъ извѣстно, я позволяю себѣ представить вниманію почтеннаго Общества одинъ или два примѣра. На основаніи ст. 358 уст. гр. суд., неявка истца въ судебное засѣданіе влечетъ за собою прекращеніе дѣла до новой исковой просьбы, если отвѣтчикъ не выразилъ желанія, чтобы дѣло было разсмотрѣно въ отсутствіе истца. Вообще надо замѣтить, что и судебный уставъ и наша судебная практика болѣе благоволятъ отвѣтчику, нежели истцу. Такое требованіе указанной статьи по безспорнымъ взысканіямъ представляется совершенно излишнимъ и нерѣдко весьма отягчительнымъ, безъ всякой нужды для интересовъ правосудія. Лицо, обладающее закладной на недвижимое имущество, обязано вчинить искъ съ соотвѣтствующими расходами на исковыя пошлины, гербовыя марки, повѣстки. Хотя по ст. 204 уст. гр. суд. постоянное мѣсто жительства полагается тамъ, гдѣ кто либо имѣетъ по своему имуществу осѣдлость или домашнее обзаведеніе, а по ст. 214 иски по закладнымъ предъявляются суду по мѣсту нахожденія недвижимаго имущества, но такъ какъ иногда залогодатель можетъ имѣть свои причины скрываться,— то тогда является потребность публикацій и выжиданіе 6-ти мѣсячнаго срока по ст. 299 уст. гр. суд. При этомъ истецъ обязанъ заявить суду о мѣстѣ жительства въ томъ городѣ, гдѣ производится дѣло, ибо иначе всѣ повѣстки оставляются въ канцеляріи суда, и если почему либо отвѣтчикъ, явившись, подастъ просьбу о назначеніи дѣла къ слушанію, а истецъ, не получивъ повѣстки, за неуказаніемъ своего мѣста жительства въ городѣ, не явится, то искъ прекращается, и весь трудъ его пропалъ даромъ.

Самыми большими недостатками въ нашемъ гражданскомъ судопроизводствѣ изобилуетъ отдѣлъ объ исполнительномъ порядкѣ производства. Въ V томѣ своихъ комментарій къ уставу гр. суд., Анненковъ намѣчаетъ пять крупныхъ недостатковъ исполнительнаго процесса: 1) излишняя обособленность процесса исполненія; 2) отсутствіе почти всякаго контроля надъ дѣятельностью исполнительныхъ органовъ со стороны суда; 3) напрасное усложненіе формальностями, обременительными для взыскателя; 4) возложеніе на взыскателей обязанностей, которыя могли бы быть совершаемы самими исполнительными органами; и 5) допущеніе излишнихъ послабленій для должниковъ.

Однимъ изъ самыхъ большихъ неудобствъ исполнительнаго порядка есть розыскъ должника для врученія повѣстки. Въ самомъ дѣлѣ, добившись окончательнаго рѣшенія и получивъ исполнительный листъ, взыскатель поставленъ опять въ необходимость ловить должника, ибо съ окончаніемъ процесса избранное имъ мѣсто жительства, въ смыслѣ врученія повѣстокъ, становится для него необязательнымъ. Безъ новаго врученія повѣстки судебный приставъ ко взысканію не приступаетъ, а взыскатель даже лишенъ того способа къ вызову должника чрезъ публикацію, который установленъ для исковыхъ дѣлъ.

Насколько порядокъ взысканія слишкомъ быстръ и тяжелъ для владѣльца движимости, настолько же льготенъ для взысканія съ владѣльца недвижимаго имущества. Въ то время, какъ имущество движимое можетъ быть немедленно описано (969 ст. уст. гр. суд.) и продано въ самый короткій срокъ (1027 ст. уст. гр. суд.), должнику, владѣющему имуществомъ недвижимымъ, дается обязательно 2-мѣсячный срокъ на добровольное исполненіе рѣшенія (ст. 1095).

Я въ бѣгломъ очеркѣ взялъ только наудачу эти примѣры для того, чтобы указать насколько полезна и желательна можетъ быть работа, предпринятая въ этомъ направленіи.

Въ настоящее время мы только что пережили двадцать пять лѣтъ отъ того времени, когда послѣдовалъ манифестъ о введеніи новыхъ судебныхъ уставовъ. Но фактическое ихъ осуществленіе, въ виду необходимости принятія подготовительныхъ мѣръ къ введенію новыхъ судовъ, свершилось въ московскомъ округѣ лишь 23 апрѣля 1866 года. Такимъ образомъ, чрезъ полтора года, — 23 апрѣля 1891 года — приблизится двадцатипятилѣтній юбилей дѣйствительной практической дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы Московское Юридическое Общество воспользовалось этимъ полуторагодичнымъ періодомъ

времени для того, чтобы достойнымъ образомъ почтить этотъ предстоящій юбилей. Я предлагаю, мм. гг., чтобы наше Юридическое Общество взяло на себя трудъ къ будущему празднованію дѣйствительнаго введенія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года разсмотрѣть уставъ гражданскаго судопроизводства и представить къ юбилею 23 апрѣля 1891 г. сводъ замѣчаній относительно тѣхъ необходимыхъ измѣненій и дополненій этого устава, которыя вызываются двадцатипятилѣтнею практикою нашего гражданскаго процесса.

Принявъ на себя такой трудъ, Общество не только словомъ, но и дѣломъ укажетъ на свои плодотворныя стремленія. Лучшая форма выраженія нашего сочувствія какому-либо учрежденію есть посильная работа къ развитію и поддержанію лежащихъ въ его основѣ началъ устраненіемъ всего того, что можетъ ихъ поколебать, и дополненіемъ тѣмъ, что можетъ служить къ ихъ упроченію. Самый дорогой юбилейный памятникъ безспорно есть памятникъ труда человѣческой мысли. Постараемся же его по мѣрѣ нашихъ силъ наилучшимъ образомъ исполнить.

Дѣйствуя на избранномъ нами поприщѣ, будемъ твердыми шагами продолжать идти своимъ путемъ къ намѣченной нами цѣли. «Быть человѣкомъ—значитъ быть борцомъ»—сказалъ великій поэтъ-мыслитель. И благо тѣмъ, которые въ борьбѣ свято и честно хранятъ свои убѣжденія. Пусть то дѣло, которое въ манифестѣ покойнаго Императора Александра II названо *великимъ дѣломъ*, кажется для иныхъ дѣломъ зловреднымъ, внесшимъ въ русское царство *хаосъ*; пусть раздаются огульные обвинительные приговоры надъ судомъ правды и милости, возвѣщенномъ русскому народу 25 лѣтъ тому назадъ, — не будемъ смущаться ни этими зловѣщими криками, ни ретроградными поползновеніями, и въ трудныя минуты, не колеблясь, будемъ всегда искренне вѣрить въ высокое, гуманитарное значеніе новыхъ судебныхъ уставовъ. Эта вѣра дастъ намъ силу къ поддержанію тѣхъ свѣтлыхъ принциповъ, которые, по слову историка, свѣтятъ человѣчеству въ его прогрессивномъ движеніи подобно огненному облаку, шествовавшему, по библейскому разсказу, при выходѣ изъ Египта на пути въ обѣтованную землю, впереди сыновъ Израиля. Нашъ посильный трудъ, мм. гг., будетъ не только исполненіемъ завѣта, преподаннаго намъ составителями судебныхъ уставовъ, но и достойнымъ откликомъ на призывъ манифеста вѣчно памятнаго для насъ дня 20 ноября 1864 года—къ ревностному содѣйствію личныхъ и общественныхъ силъ для успѣха славной судебной реформы.

В. Пржевальскій.

ПРЕДѢЛЫ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ВЛАСТИ ТЮРЕМНАГО НАЧАЛЬСТВА НАДЪ АРЕСТАНТАМИ.

Въ программѣ IV международнаго тюремнаго конгресса, имѣющаго быть въ С.-Петербургѣ въ 1890 г., между прочими вопросами, на обсужденіе конгресса поставленъ вопросъ о предѣлахъ дисциплинарной власти тюремнаго начальства надъ арестантами (пунктъ 8 перваго отдѣленія программы). Вопросъ этотъ, совершенно не разработанный въ литературѣ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія вслѣдствіе своей громадной практической важности. Если, вообще, всякая дисциплинарная власть нуждается въ точномъ обозначеніи своихъ границъ, то, въ особенности, въ пограничныхъ вѣхахъ нуждается тюремная дисциплинарная власть. Въ тюрьмѣ, лишающей заключеннаго одного изъ драгоцѣннѣйшихъ человѣческихъ благъ—*свободы*, не можетъ и не долженъ царствовать страшный принципъ произвола и усмотрѣнія. Нужно помнить, что ограничивая въ чемъ-либо права частнаго лица, необходимо по возможности точно и опредѣленно формулировать эти ограниченія.

I.

Исправительно-воспитательныя задачи современной пенитенціарной дѣятельности неизбѣжно предполагаютъ возможно болѣе широкое воздѣйствіе тюремной администраціи на духовную, нравственную природу заключеннаго. Воздѣйствіе это достигается не только посредствомъ образованія и воспитанія, даваемаго въ тюрьмѣ, но, вообще, предполагаетъ правильную организацію тюремной дисциплины. Съ точки зрѣнія возможно большаго развитія умственныхъ силъ арестанта, укрѣпленія въ немъ нравственныхъ принциповъ и, наконецъ,

образованія его характера, дисциплинарная власть тюремнаго начальства надъ заключеннымъ естественно нуждается въ соотвѣтствующемъ возможно бо̀льшемъ расширеніи. Она является тѣмъ неизбѣжнымъ куполомъ, которымъ должно завершиться построеніе всего зданія тюремно-исправительныхъ мѣръ.

Да оно и понятно. Если цѣли, которыхъ должна достигать тюрьма, представляются весьма важными и серьезными, то имъ долженъ соотвѣтствовать достаточный просторъ въ мѣрахъ принудительно карательнаго воздѣйствія тюремнаго начальства на арестантовъ. Одно безъ другаго совершенно немыслимо. Не превращаются ли требованія современной пенитенціарной дѣятельности въ пустой звукъ при отсутствіи у тюремной администраціи въ своемъ распоряженіи достаточныхъ дисциплинарныхъ правъ? Какъ, спрашивается, достигнетъ тюремный надзоръ ожидаемыхъ отъ него важныхъ для общества результатовъ, если онъ не будетъ въ состояніи въ достаточной степени парализовать въ заключенномъ тѣ противящіеся тюремному исправленію стимулы, которые приводятъ арестанта къ совершенію въ стѣнахъ тюрьмы того или другаго проступка, того или другаго правонарушенія? Едва ли можно сомнѣваться, что въ числѣ необходимыхъ мѣръ къ осуществленію пенитеціарныхъ цѣлей широко организованная дисциплинарная тюремная власть занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Справедливо замѣчаетъ Экертъ [1]), что опредѣленіе и примѣненіе дисциплинарныхъ взысканій составляетъ одну изъ важнѣйшихъ пенитенціарныхъ задачъ.

Дисциплинарная власть тюремнаго начальства прежде всего охватываетъ, конечно, всѣ спеціальныя нарушенія тюремной дисциплины, безразличныя для общаго уголовнаго кодекса и въ немъ потому непредусмотрѣнныя. Это нарушенія pro domo sua, съ которыми, однако, должно бороться тюремное начальство. Въ такомъ минимальномъ объемѣ тюремной дисциплинарной власти не существуетъ никакого сомнѣнія ни въ теоріи, ни на практикѣ и мы, съ своей стороны, въ виду полной очевидности этого положенія, не считаемъ нужнымъ останавливаться на немъ.

Вопросъ, поставленный въ программѣ международнаго тюремнаго конгресса, сводится исключительно къ тому, какіе проступки *общеуголовнаго характера*, совершенные въ тюрьмѣ, подлежатъ вѣдѣнію суда и какіе дисциплинарной компетенціи тюремнаго начальства.

Вотъ подлинная редакція вопроса: «*какими основаніями слѣдуетъ*

---

[1]) Holtzendorff. Handbuch des Gefängnisswesens. II томъ, стр. 91.

руководствоваться для разграниченія подсудности арестантовъ судебнымъ мѣстамъ съ ихъ дисциплинарною подсудностью за проступки общеуголовнаго характера, совершенные ими во время содержанія подъ стражею? За какіе проступки этого рода они подлежатъ преданію суду и за какіе могутъ быть подвергнуты отвѣтственности въ порядкѣ дисциплинарномъ?»

Необходимо замѣтить, что вопросъ этотъ, поставленный въ программѣ, редактированъ очень неопредѣленно. Въ вопросѣ говорится о проступкахъ обще-уголовнаго характера, совершенныхъ во время содержанія подъ стражею вообще. Между тѣмъ, если можно допускать, какъ будетъ указано ниже, дисциплинарныя взысканія за подобные проступки, совершенные во время отбыванія наказанія, то, съ другой стороны, во время *подслѣдственнаго содержанія подъ стражею* распространеніе дисциплинарной власти далѣе спеціальныхъ проступковъ противъ тюремнаго устава совершенно невозможно.

Подслѣдственное содержаніе не есть *наказаніе*, а есть только мѣра пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. То обвиненіе, которое повлекло за собою принятіе этой мѣры, можетъ быть отвергнуто судомъ и тогда останется совершенно непонятнымъ, почему обще-уголовный проступокъ, совершенный арестантомъ во время подслѣдственнаго содержанія подъ стражею, не будетъ разсматриваться судомъ, а будетъ разрѣшенъ въ дисциплинарномъ порядкѣ. Наконецъ, такъ какъ подслѣдственное содержаніе не есть наказаніе, то и расширеніе дисциплинарной власти тюремнаго начальства во время этого содержанія за предѣлы нарушеній тюремныхъ регламентовъ и уставовъ значило бы преждевременно усиливать власть этого начальства надъ заключеннымъ.

Словомъ, мы полагаемъ, что вопросъ о разрѣшеніи подсудности арестантовъ судебнымъ мѣстамъ съ ихъ дисциплинарной подсудностью за проступки обще-уголовнаго характера, совершенные ими во время содержанія подъ стражею, можетъ дебатироваться только *относительно арестантовъ, отбывающихъ наказаніе*. Во время же подслѣдственнаго содержанія дисциплинарная власть тюремнаго начальства должна быть строго ограничена нарушеніями тюремнаго устава, но отнюдь не можетъ распространяться на обще-уголовныя правонарушенія.

II.

Въ доктринѣ вопросъ о предѣлахъ тюремной дисциплинарной власти совершенно не изслѣдованъ. Обыкновенно онъ оставлялся въ сто-

ронѣ, причемъ вниманіе изслѣдователей, главнымъ образомъ, привлекалъ вопросъ о видахъ дисциплинарныхъ взысканій [2]).

Существующіе тюремные регламенты и уставы также не выработали по этому интересному вопросу какого либо руководящаго начала. Обыкновенно дисциплинарная власть тюрьмы не идетъ далѣе спеціальныхъ нарушеній тюремной дисциплины и почти не распространяется на общеуголовныя правонарушенія, подлежащія вслѣдствіе этого по общему правилу вѣдѣнію суда.

Такъ въ Règlement de la maison de force á Gand, article 276, опредѣляется, что наказаніе *дисциплинарныхъ проступковъ*, совершенныхъ заключенными, принадлежитъ директору (la repression des fautes disciplinaires commises par les detenus appartient au directeur). Въ послѣдующихъ статьяхъ этого регламента опредѣляются самые виды дисциплинарныхъ взысканій, наиболѣе строгими изъ которыхъ являются заключеніе въ карцеръ и одиночное заключеніе, не свыше 4 мѣсяцевъ, а въ случаѣ рецидива не свыше 6 мѣсяцевъ (art. 277 и 281). Article 190 du réglement de la maison pénitentiaire cellulaire á Lauvain опредѣляетъ, что *всякое ослушаніе, нарушеніе дисциплины* и *субординаціи* и *всякое отступленіе отъ регламента* наказывается, смотря по обстоятельствамъ и важности проступка (toute désobeissance, tout acte d'indiscipline ou d'insubordination, toute infraction au réglement est punie suivant les circonstances et la gravité de la faute). Высшимъ дисциплинарнымъ взысканіемъ является по этому регламенту помѣщеніе въ спеціальную или темную комнату, на срокъ не свыше мѣсяца (art. 191 и 197). Точно также article 156 du réglement général pour les maisons de sûretè et d'arrêt въ Бельгіи даетъ совершенно такое же опредѣленіе дисциплинарной власти, какъ и предъидущій регламентъ, ограничивая примѣненіе дисциплинарныхъ взысканій лишь случаями ослушанія и вообще нарушенія тюремныхъ правилъ. Высшее дисциплинарное взысканіе по этому послѣднему регламенту — помѣщеніе въ уединенную камеру, на срокъ не свыше одного мѣсяца, причемъ этотъ срокъ увеличенъ для рецидива на два мѣсяца.

§ 76 регламента 1835 года для прусскихъ тюремъ содержитъ въ себѣ указаніе, что директоръ тюрьмы разрѣшаетъ дисциплинарнымъ порядкомъ всѣ проступки противъ правилъ регламента и что въ случаѣ совершенія такого правонарушенія, которое требуетъ по общимъ за-

---

2) Holtzendorff, указ. соч., II томъ, стр. 87—95. И. Фойницкій. Ученіе о наказаніи, стр. 388—399.

конамъ производства предварительнаго слѣдствія, разсмотрѣніе его передается смотрителемъ тюрьмы подлежащимъ судебнымъ установленіямъ.

Шире поставлена дисциплинарная власть во Франціи закономъ 18 іюня 1880 года, установившимъ слѣдующія правила дисциплинарной отвѣтственности для отбывающихъ каторжныя работы въ исправительныхъ колоніяхъ (colonies pénitentiaires). Закономъ этимъ [3]) приняты слѣдующія дисциплинарныя взысканія: 1) лишеніе вина или сахарной водки; 2) тюрьма на ночь; 3) закованіе въ простое или двойное кольцо; 4) келья; 5) отдача въ исправительную роту; 6) исправительная рота съ закованіемъ въ простую цѣпь; 7) исправительная рота съ закованіемъ въ цѣпь двухъ приговоренныхъ и 8) карцеръ съ закованіемъ въ двойную цѣпь или двойное кольцо (art. 11). Характеръ самыхъ тяжкихъ изъ этихъ взысканій уже указываетъ на то, что они предназначены не для однихъ дисциплинарныхъ проступковъ. Дѣйствительно, въ article 16 приведеннаго закона содержится опредѣленіе, что келья, назначаемая на срокъ не свыше двухъ мѣсяцевъ, полагается за слѣдующіе проступки: противонравственныя дѣйствія, нанесеніе побоевъ и причиненіе насилія приговоренному къ каторжнымъ работамъ, нанесеніе обиды или угроза служащему или должностному лицу, умышленное разорваніе инструкцій, покушеніе на побѣгъ, мятежъ, сопротивленіе властямъ, кражу и грабежъ. Въ случаѣ повторенія одного изъ этихъ проступковъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ виновный по этому закону отдается по отбытіи имъ наказанія въ келіи въ исправительную роту, на срокъ не свыше двухъ мѣсяцевъ.

Въ русскомъ законодательствѣ уставъ о ссыльныхъ (т. XIV св. зак., изд. 1857 года) содержитъ въ себѣ сложную систему дисциплинарной отвѣтственности ссыльно-поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ (ст. 797—868). Дисциплинарная власть мѣстныхъ начальствъ надъ этими категоріями осужденныхъ простирается не только на дисциплинарные проступки, но и на общеуголовныя преступленія, влекущія за собою наказанія ниже прежняго рабочаго дома (ст. 803, 804, 806 и 836). Въ числѣ высшихъ дисциплинарныхъ взысканій, которымъ могутъ быть подвергнуты ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы, уставъ о ссыльныхъ послѣ закона отъ 28 октября 1871 года, отмѣнившаго шпицрутены, знаетъ продолженіе срока заключеніи противъ

---

[3]) Матеріалы для пересмотра русскаго уголовнаго законодательства, т. VII, вып. 1, стр. 425.

опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ, плети до 100 ударовъ и прикованіе къ тачкѣ.

По уставу о содержащихся подъ стражею (т. XIV св. закон., изд. 1886 года) содержащіеся въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ за болѣе важные проступки могутъ быть подвергнуты въ дисциплинарномъ порядкѣ наказанію розгами до 30 и даже до 100 ударовъ, бритью половины головы и заковыванію на время въ кандалы, причемъ за всякое болѣе одного раза наказаніе усиленными мѣрами виновные остаются въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи сверхъ назначеннаго по приговору времени еще на 6 мѣсяцевъ (ст. 303 — 305). Уставъ не опредѣляетъ, подходятъ ли подъ эти карательныя мѣры какія либо общеуголовныя правонарушенія, но самая тяжесть взысканій даетъ основаніе заключить, что они могутъ быть примѣнены и къ общимъ преступленіямъ, совершеннымъ во время содержанія въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи. Практика держится приведеннаго толкованія.

Высшимъ взысканіемъ для арестантовъ, содержащихся въ тюрьмахъ тотъ же уставъ о содержащихся подъ стражею устанавливаетъ за проступки болѣе важные или повторенные заключеніе въ комнату уединенія съ небольшимъ свѣтомъ, на срокъ не болѣе недѣли, или въ темную комнату, на срокъ не болѣе 3 сутокъ (ст. 250). Наконецъ, содержащіеся въ помѣщеніяхъ для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей за неповиновеніе и неисполненіе установленныхъ правилъ, т. е. только за нарушенія дисциплинарныя, подлежатъ по приговору попечителя выговору, денежному взысканію, не свыше 15 рублей, или заключенію въ комнату безъ свѣта, на время не свыше сутокъ. За преступныя же дѣйствія они подвергаются отвѣтственности на основаніи общихъ законовъ (ст. 135—137 уст. о содерж. подъ стр.).

III.

Такимъ образомъ, существующіе регламенты и уставы обыкновенно ограничиваютъ дисциплинарную подсудность арестантовъ спеціальными проступками и нарушеніями противъ тюремной дисциплины. Общеуголовныя же преступленія, совершенныя въ тюрьмѣ, вѣдаются въ общемъ порядкѣ судебными установленіями. Изъятія изъ этого правила допускаются лишь для болѣе тяжкихъ видовъ лишенія свободы безъ всякаго руководящаго начала при выборѣ этихъ изъятій.

Такая узкая постановка дисциплинарной власти вызываетъ про-

тивъ себя возраженія. Какъ выше уже замѣчено, самая возможность осуществленія исправительно - воспитательныхъ задачъ тюремнаго режима въ значительной степени обусловлена соотвѣтственнымъ расширеніемъ дисциплинарной власти. Кромѣ того необходимость поддержанія порядка въ тюрьмѣ стоитъ также въ прямой зависимости отъ того, будетъ ли тюремное начальство облечено достаточно сильною репрессивною властью, чтобы примѣненіемъ кары быть въ состояніи немедленно возстановить среди мѣстнаго тюремнаго населенія совершившееся правонарушеніе. Если вообще для лучшаго поддержанія всякаго правопорядка весьма желательно, чтобы каждое правонарушеніе возможно скорѣе влекло за собою примѣненіе соотвѣтствующей кары, то положеніе это является положительною необходимостью въ тюрьмѣ, гдѣ быстрое возмездіе за совершенное послужитъ къ наглядному поддержанію въ арестантахъ уваженія къ закону. Между тѣмъ сравнительно съ судебной процедурой административная расправа имѣетъ именно преимущество въ быстротѣ репрессіи.

Независимо отъ этого самое допущеніе процедуры судебнаго разбирательства по поводу всякаго общаго правонарушенія, совершеннаго въ тюрьмѣ, приводитъ нерѣдко къ тому, какъ въ томъ убѣждаетъ опытъ, что самая процедура эта дѣлается предметомъ развлеченія для арестантовъ, которые иногда даже симулируютъ совершеніе правонарушенія въ тѣхъ видахъ, чтобы доставить себѣ и своимъ товарищамъ даровое зрѣлище судебнаго разбирательства. Поэтому съ точки зрѣнія интересовъ тюремной дисциплины идеальнымъ положеніемъ было бы предоставленіе дисциплинарной власти тюремнаго начальства вѣдать всѣ общія преступленія, совершенныя въ тюрьмѣ во время отбыванія наказанія.

Положеніе это однако не можетъ быть принято. Подобное расширеніе дисциплинарной власти слишкомъ подрывало бы силу общей юстиціи и чрезмѣрно развивало бы административную расправу тюремнаго начальства. Какъ то, такъ и другое вполнѣ нежелательно. Средній выходъ, который, съ одной стороны, удовлетворялъ бы интересы тюремной дисциплины, а съ другой стороны, не лишалъ бы совсѣмъ тюремное населеніе гарантій судебной процедуры—необходимъ; нельзя забывать интересовъ тюремнаго дѣла, но нельзя также слишкомъ жертвовать интересами самихъ заключенныхъ.

Всякое общеуголовное преступное дѣяніе, совершенное въ тюрьмѣ во время отбыванія наказанія, опредѣленнаго по приговору судебнаго мѣста, находится на рубежѣ двухъ принциповъ, различно вліяющихъ на отвѣтственность лица за содѣянное правонарушеніе. Дѣяніе это

можетъ быть разсматриваемо или съ точки зрѣнія *совокупности преступленій*: преступленія, за которое лице отбываетъ наказаніе, и преступленія, которое оно совершило въ тюрьмѣ, или съ точки зрѣнія *рецидива*, *повторенія преступленія* послѣ осужденія за первое преступное дѣяніе. Для правильнаго разрѣшенія интересующаго насъ вопроса о предѣлахъ тюремной дисциплинарной власти громадное значеніе имѣетъ то, съ точки зрѣнія котораго изъ этихъ двухъ принциповъ должно разсматриваться дѣяніе, совершенное въ тюрьмѣ во время отбыванія наказанія.

Существующія постановленія дѣйствующихъ уголовныхъ кодексовъ не представляютъ по этому поводу единообразія: одни кодексы (германское уложеніе, проектъ русскаго уголовнаго уложенія) ставятъ условіемъ повторенія *отбытіе наказанія*, тогда какъ другіе кодексы (code pénal, нашъ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями) довольствуются для рецидива только *осужденіемъ* за первое преступленіе.

Несомнѣнно правильнѣе первая формулировка рецидива. Только совершившій преступленіе послѣ понесеннаго имъ наказанія можетъ считаться повторившимъ преступленіе; только послѣ освобожденія изъ тюрьмы онъ снова находится въ полномъ распоряженіи своею личностью. Къ тому же до совершеннаго отбытія имъ наказанія нельзя судить о томъ, какое вліяніе на него произвела уголовная кара. Поэтому преступленіе, совершенное имъ во время отбытія наказанія, не можетъ считаться преступленіемъ повтореннымъ, свидѣтельствующимъ о большей порочности осужденнаго.

Оцѣнивать преступное дѣяніе, совершенное во время отбытія наказанія, слѣдуетъ по началамъ совокупности преступленій. Относительно вліянія совокупности на отвѣтственность, какъ извѣстно, существуютъ двѣ системы. Одна система сложенія наказаній, слѣдующихъ за каждое изъ дѣяній, совершенныхъ виновнымъ, справедливо порицается доктриною. Система эта, помимо непримѣнимости ко многимъ наказаніямъ, ведетъ къ большимъ несправедливостямъ. Самое увеличеніе интенсивности наказанія, какъ убѣждаетъ опытъ, вовсе не пропорціонально увеличенію сроковъ тюремнаго заключенія. Поэтому система эта признается неудовлетворительною и отвергнута большинствомъ современныхъ кодексовъ.

Другая система, извѣстная подъ именемъ *системы поглощенія*, поглощаетъ наказанія за нѣсколько преступныхъ дѣяній однимъ высшимъ, наиболѣе строгимъ наказаніемъ за самое тяжкое изъ содѣянныхъ преступныхъ дѣяній. Этой системой уголовная отвѣтственность

за всѣ низшія преступленія фактически уничтожается, будучи парализована отвѣтственностью за высшее преступленіе.

Система поглощенія, признаваемая въ теоріи наиболѣе раціональною, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма удачное разрѣшеніе вопросу о томъ, какіе проступки общеуголовнаго характера, совершенные во время отбыванія наказанія, подлежатъ взысканію въ порядкѣ дисциплинарномъ, и какіе изъ нихъ въ порядкѣ судебномъ. Очевидно, если эти проступки по своимъ уголовнымъ послѣдствіямъ всецѣло поглощаются наказаніемъ, которое отбываетъ арестантъ, такъ что таковое не можетъ быть увеличено, то и судить арестанта не зачѣмъ. Въ подобныхъ случаяхъ единственно умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ можетъ быть только примѣненіе соотвѣтствующихъ дисциплинарныхъ взысканій властью тюремнаго начальства. При этомъ правонарушеніе арестанта не останется безъ возмездія, какъ это бы неизбѣжно случилось, если бы онъ былъ судимъ судомъ.

Зато если преступленіе, совершенное арестантомъ, можетъ повести къ усиленію наказанія, имъ отбываемаго, хотя бы только въ срокѣ или даже въ родѣ, то несомнѣнно арестантъ долженъ быть судимъ. Самое преступленіе, имъ совершенное въ тюрьмѣ, указываетъ въ этомъ случаѣ на недостаточность того наказанія, къ которому онъ приговоренъ, и на необходимость подвергнуть его болѣе строгому наказанію, а на это можетъ быть уполномочена только власть судебная.

Нельзя не отмѣтить, что проектъ русскаго уголовнаго уложенія (ст. 53—55) устанавливаетъ предѣльнымъ моментомъ для примѣненія правилъ о совокупности учиненіе преступленій до провозглашенія приговора (53 статья проекта) и удерживаетъ для преступленій, совершенныхъ послѣ провозглашенія приговора или во время отбыванія наказанія, наказуемость на общемъ основаніи. Составители проекта оговариваютъ однако въ своихъ объясненіяхъ (стр. 541 объяснительной записки), что это послѣднее правило будетъ приложимо «къ совершившимъ новое преступное дѣяніе уже во время отбыванія наказанія только въ случаяхъ *наиболѣе тяжкихъ*, такъ какъ виновные въ маловажныхъ нарушеніяхъ или даже и въ проступкахъ, совершенныхъ въ тюрьмахъ, въ исправительныхъ домахъ, а въ особенности на каторгѣ, будутъ подвергаемы взысканіямъ въ дисциплинарномъ порядкѣ на основаніи уставовъ отдѣльныхъ мѣстъ заключенія».

Съ своей стороны мы полагаемъ, что предѣлы дисциплинарной власти тюремнаго начальства въ отдѣльныхъ мѣстахъ заключенія должны опредѣляться началомъ поглощенія наказаній: если наказаніе

за совершенное въ тюрьмѣ преступленіе поглощается наказаніемъ отбываемымъ, оно подлежитъ разрѣшенію въ порядкѣ дисциплинарномъ; если оно не поглощается, должно имѣть мѣсто разсмотрѣніе въ судебномъ порядкѣ. Построеніе по такой схемѣ дисциплинарной власти въ тюрьмахъ представитъ лѣстницу постепеннаго расширенія этой власти, прямо пропорціонально возрастанію тяжести тюремнаго заключенія. Чѣмъ тяжелѣе наказаніе, тѣмъ дисциплинарная власть шире и наоборотъ.

Заключительные выводы наши сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) *Распространеніе дисциплинарной власти тюремнаго начальства на общеуголовныя правонарушенія, совершенныя во время содержанія подъ стражею, можетъ имѣть мѣсто лишь во время отбыванія наказанія, но отнюдь не во время подслѣдственнаго содержанія подъ стражею.*

2) *Для разграниченія подсудности арестантовъ судебнымъ мѣстамъ съ ихъ дисциплинарною подсудностью за проступки общеуголовнаго характера, совершенные ими во время отбыванія наказанія, слѣдуетъ руководствоваться сравнительными размѣрами— наказаній, положенныхъ въ уголовномъ кодексѣ за эти проступки, и наказанія, отбываемаго арестантомъ по приговору суда,*

3) *Проступки, влекущіе наказаніе низшее сравнительно съ отбываемымъ, должны подлежать взысканію въ дисциплинарномъ порядкѣ,*

4) *Проступки, влекущіе или болѣе строгое наказаніе сравнительно съ отбываемымъ, или наказаніе, тождественное съ нимъ по размѣру, должны подлежать разсмотрѣнію суда, а не дисциплинарной власти тюремнаго начальства.*

И. Г. Щегловитовъ.

ДѢТСКОЕ ГОРЕ

(изъ воспоминаній мирового судьи).

Посвящается Петру Наркизовичу Обнинскому.

I.

Какъ-то въ одинъ изъ мокрыхъ осеннихъ дней, выглянувъ изъ окна своей камеры, въ городѣ С..., я увидѣлъ, какъ мальчикъ, лѣтъ 10-ти, худенькій и блѣдный, еле прикрытый овчинкой, висѣвшей на немъ клочьями, изо всѣхъ силъ тащилъ подсанки съ двумя ушатами воды. Полозья доставали до камней мостовой, и бѣднякъ, пустивъ туго натянутую веревку черезъ плечо и подавшись всѣмъ корпусомъ впередъ, напрягалъ неимовѣрныя усилія, охая и задыхаясь; салазки съ тяжкой ношей плохо подвигались впередъ. Я не выдержалъ и сошелъ на улицу. Мальчикъ испуганно посмотрѣлъ на меня. На изможденномъ личикѣ его изображалось утомленіе, а въ выраженіи потухшихъ глазъ было что - то тупое, безнадежное, что сжимало сердце. На предложенный вопросъ: «откуда онъ, гдѣ живетъ?» мальчикъ судорожно зашевелилъ губами и заплакалъ. Я понялъ, что этотъ ребенокъ отданъ, конечно, на выучку въ ремесло, и что ему не легко живется на бѣломъ свѣтѣ. Взявъ веревку, я вызвался ему помочь, и мы оба дотащили санки до воротъ одного низенькаго дома на Дворянской улицѣ.—Давъ мальчику успокоиться, я узналъ, что отецъ его, крестьянинъ Алексинскаго уѣзда, умеръ, а мать, у которой сельскій сходъ отобралъ землю, не имѣла чѣмъ прокормиться, ушла съ сестренкой его по-міру, а его отдала къ стекольщику. Хозяинъ шибко пьетъ водку и подъ пьяную руку больно

стегаетъ ремнемъ, употребляя на тяжелую работу..., кормитъ плохимъ, позеленѣвшимъ хлѣбомъ и старыми селедками... Мы пошли къ домику въ 3 окна, на половину уходившія въ землю, и черезъ грязныя, облитыя помоями сѣни вошли въ низенькую, закоптѣлую дверь, на которой моталась циновка. Вмѣстѣ съ удушливымъ запахомъ до меня долетѣли крики и брань. Хозяинъ съ рябымъ заспаннымъ лицомъ и всклокоченной бородой, удивленно посмотрѣлъ на меня своими недобрыми глазами, которыя мгновенно засвѣтились искательствомъ, когда я пригласилъ его придти черезъ часъ въ канцелярію 1-го мироваго участка. Въ жилищѣ его било въ глаза присутствіе грязи, нужды и тяжелаго труда. Въ канцеляріи я старался объяснить ему, что по закону онъ не имѣетъ права употреблять такого слабаго и тощаго ребенка на тяжелыя работы, и что онъ обязанъ обращаться съ нимъ кротко и справедливо, по Божески, и жалѣть его какъ родное дитя, и что въ противномъ случаѣ, за жестокое обращеніе, онъ подвергаетъ себя уголовной отвѣтственности, при чемъ объявилъ ему законы, карающіе за насиліе и истязанія. Повидимому, участіе, принятое мною въ мальчикѣ и убѣжденія мои, подкрѣпленныя статьями уложенія и устава о наказ., подѣйствовали на хозяина, и онъ, испустивъ глубокій вздохъ, поблагодарилъ меня, сказавши: «ничего плохаго больше отъ меня не увидите, г. судья»;— «не намѣренъ безпокоить вышнее начальство!», и, помолившись на иконы, вышелъ. Дней черезъ пятья зашелъ къ нему и нашелъ мальчика въ хорошомъ расположеніи духа. Онъ весело бросился ко мнѣ и съ радостной улыбкой принялъ отъ меня гостинецъ. Хозяина не было дома, но черезъ $^1/_4$ часа онъ явился, и, повидимому, обрадовался моему посѣщенію, живо согрѣлъ самоварчикъ, разсказывалъ мнѣ, что читалъ въ Евангеліи заповѣдь Христа, какъ онъ велѣлъ жалѣть и миловать малыхъ дѣтей, и что «съ нѣкоторыхъ поръ у него легко на сердцѣ стало». «Все водка да лукавый мутитъ», добавилъ онъ, утирая глаза рукавомъ рубашки.—«Помни Христа, будь милостивъ и жалостливъ, и тебѣ всегда будетъ свѣтло и легко на душѣ, сказалъ я, прощаясь съ нимъ.—Съ тѣхъ поръ Яша (такъ звали мальчика) часто навѣщалъ меня, не могъ «нахвалиться, хозяиномъ, и часто просилъ у меня дать «хорошую божественную книжку», которую и читалъ по вечерамъ хозяину.—«Хорошій человѣкъ хозяинъ», говорилъ мнѣ Яша,—«только отъ хозяйки иной разъ плохо приходится, ну дѣлать нечего,—надо стерпѣть»... Въ данномъ случаѣ хозяинъ оказался вовсе не такимъ пропащимъ и злобнымъ человѣкомъ, какимъ показался мнѣ съ перваго раза, и я увѣрился, что путемъ

добраго внушенія и убѣжденія иногда можно достигнуть кой-чего полезнаго, что едва ли достигается страхомъ наказанія.

Другой подобный случай изъ моей судебной практики окончился не столь удачно. Я вступился за одного совершенно забитаго, больнаго ребенка, жившаго въ ученьѣ у сапожника. На этого жалкаго мальчика, 11 лѣтъ, сыпались удары со всѣхъ сторонъ — отъ хозяина, жены его и рабочихъ. Не было живаго мѣста на его тѣлѣ, и трудно было понять, какъ жизнь могла оставаться въ такомъ истерзанномъ организмѣ. У ребенка не было въ городѣ ни родныхъ, ни близкихъ, и я долженъ былъ обратиться къ полиціи и врачу... За причиненіе побоевъ и насилія, не сопровождавшихся опасностью для жизни, хозяинъ былъ приговоренъ къ пятисуточному аресту. Отсидѣвъ этотъ срокъ, хозяинъ немедленно прогналъ мальчика, и онъ жилъ у меня, пока за нимъ не пришли его родные изъ деревни. Острастка арестомъ возъимѣла нѣкоторое успокоительное дѣйствіе на другихъ хозяевъ, любившихъ пускать въ ходъ кулаки и ремень.

II.

Въ канцелярію мою вошелъ мальчикъ весьма жалкаго, страдальческаго вида, съ исцарапаннымъ лицомъ, въ изодранной грубой рубашкѣ изъ синей крашенины. Прерывая рѣчь свою горькими слезами, онъ разсказалъ мнѣ, что зовутъ его Александръ Васильевъ, 15 лѣтъ, изъ деревни Корчагиной, жилъ у портнаго въ ученьи, Семена Андреева, въ дер. Волосова. Обращается хозяинъ съ нимъ неимовѣрно жестоко, безпрестанно стегаетъ его кнутомъ, и вмѣсто обученья ремеслу, посылаетъ его рубить дрова и стеречь стадо, лошадей и т. п. Долго онъ безпрекословно исполнялъ всѣ эти работы, но однажды, придя голодный отъ стада, онъ рѣшился сказать хозяину, что его отдали не въ работу, а въ науку. «А! когда такъ, сказалъ Андреевъ, пойдемъ!» И повелъ онъ его на огородъ, гдѣ пасѣка; раздѣлъ донага, завязалъ ротъ платкомъ и началъ бить кулаками по головѣ, груди, по глазамъ и бокамъ, вырвалъ изъ головы нѣсколько прядей волосъ; потомъ, когда мальчикъ вздумалъ бѣжать, онъ снялъ съ своей ноги сапогъ, окованный гвоздями, и съ остервененіемъ колотилъ его сапогомъ по чемъ попало, разбилъ ему голову и спину... Избитый лежалъ безъ чувствъ на землѣ, ничего уже не помня, и когда опомнился, изъ ушей и носу текла кровь, бока отшиблены, дышать трудно и больно... Долго онъ пролежалъ на пасѣкѣ, избитый какъ собака... Никто не помогъ ему, ни староста, ни священникъ. Едва доплелся до

деревни... Его била лихорадка, въ головѣ стучала сильная боль... Хозяинъ выгналъ его, не заплативъ копѣйки денегъ, и онъ пролежалъ три дня у какой то сердобольной старухи, которая послала его къ мировому... При осмотрѣ, тѣло его оказалось все въ синежелтыхъ боевыхъ пятнахъ, исполосовано кнутомъ; лобная кость отъ ударовъ каблукомъ вся распухла, кровоподтеки были на груди, на бокахъ... Вздыхая, онъ плакалъ отъ боли; шейные мускулы были до такой степени отбиты, что онъ не могъ повернуть шеи безъ страданій... Страшно было видѣть и слышать этого мальчика, слабаго, рахитическаго тѣлосложенія, страшно было вѣрить ему, чтобы такая звѣрская расправа могла быть въ наше время. Я тотчасъ же принялъ строгую мѣру противъ истязателя Семена Андреева, для пресѣченія ему способовъ уклоняться отъ суда, и объявилъ ему объ отвѣтственности за истязанія и мученія... Это былъ по натурѣ жестокій человѣкъ. До отсылки дѣла къ судебному слѣдователю, было сдѣлано, на основаніи 35 ст. уст. уг. суд., примирительное разбирательство, на которомъ пострадавшій мальчикъ, въ согласіи съ своей матерью, порѣшилъ прекратить дѣло за 15 рублей, полученныхъ съ обвиняемаго хозяина... «Это Господь намъ послалъ»,—заявила его мать,—хлѣба нѣтъ дома и дѣтишки сидятъ голодныя... Сейчасъ должокъ заплатимъ и купимъ пуда два мучицы». Горько же достается трудовой хлѣбъ!

Мальчикъ послѣ этого долго хворалъ на рукахъ матери.

III.

Неизгладимо врѣзались въ мою память черты одного замученнаго, маленькаго существа.

Законодатель совершенно упустилъ изъ виду неизмѣримую юдоль плача и воздыханій въ области дѣтскаго ремесленнаго труда, ту юдоль, гдѣ дѣти дѣлаются физическими и нравственными уродами. Начать съ того, что въ провинціи жестокія и возмутительныя расправы надъ дѣтьми никогда не преслѣдовались и не преслѣдуются. Правда, въ улож. о наказаніяхъ (изд. 1885 г.) въ 1378 ст. затронутъ вопросъ «*о злоупотребленіи* мастерами и подмастерьями ремесленныхъ заведеній дозволенныхъ (!) закономъ мѣръ домашняго исправленія учениковъ», но статья эта, хотя и подсудная мировымъ судьямъ, на основанія примѣч. къ 1-й ст. уст. о наказ. нал. мир. судьями, по особымъ неблагопріятнымъ условіямъ, сколько мнѣ извѣстно, никогда не примѣнялась мировыми судьями на практикѣ, за неимѣніемъ въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ ремесленнаго устройства (собр. узак.

1852 г. апр. 16; 1885 г. дек. 18, № 1047. II). Напротивъ того уст. ремесл. и уложенія даютъ слишкомъ большой просторъ жестокости и произволу хозяина въ расправѣ съ малолѣтними учениками (ст. 1364, 1375 и 1377 ст. улож.), что крайне нежелательно при всѣмъ извѣстной, господствующей дикости нравовъ русскихъ и не русскихъ ремесленниковъ и при тѣхъ стѣсненіяхъ, которыми обставлено принесеніе малолѣтнимъ жалобы на своего хозяина. Извѣстное соображеніе, мѣтко выраженное въ пословицѣ: «съ сильнымъ не судись», постоянно удерживаютъ малолѣтняго въ принесеніи жалобы. Какъ онъ будетъ на судѣ говорить противъ хозяина, гдѣ возьметъ свидѣтелей? и т. д. Такимъ образомъ стоны безпомощныхъ дѣтей, претерпѣвавшихъ истязанія и увѣчья, разносятся вѣтромъ, и проходятъ въ большинствѣ случаевъ безнаказанно, Мировые судья говорятъ вообще, что «тутъ ничего не подѣлаешь». Полиція, благоволя хозяевамъ, не заступалась за дѣтей. Законъ о малолѣтнихъ, работающихъ на фабрикахъ и мануфактурахъ (Высочайше утв. 1 іюня 1882 мнѣніе Госуд. сов. и 1884 г. 12 іюня), внесшій столько тепла и свѣта въ кромѣшный мракъ фабрики, еще не озарилъ темные углы мастерскихъ и ремесленныхъ заведеній, гдѣ накипѣвшее горе дѣтей, стоящихъ внѣ закона, ожидаетъ конца своей долголѣтней истомы. Но въ Москвѣ блеснулъ и для нихъ разсвѣтъ, въ день утвержденія правительствомъ *устава* общества попеченія о неимущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ. Нельзя не желать, чтобы дѣйствіе этого прекраснаго устава распространилось и на уѣзды, въ которыхъ лучшая часть общества, и во главѣ его образованные мировые судьи симпатизируютъ благому дѣлу и охотно примутъ на себя обязанности членовъ-попечителей...

Возвращаемся къ нашему разсказу.

Въ камеру мою вошла старая женщина съ мальчикомъ, лѣтъ 12; его звали Иванъ *Воробьевъ*, Перемышльскаго уѣзда, деревни Митиной. По смерти его отца, онъ былъ отданъ матерью, оставшейся безъ средствъ, въ обученіе къ сапожнику Ильѣ Хазарову, въ гор. Серпуховѣ, у Землянаго моста. Хозяинъ, вѣчно пьяный буянъ, не жалѣлъ его; будилъ въ 4 часа утра, заставляя работать до 12 час. пополудни, безъ отдыха. Пища состояла изъ пустыхъ щей, картофеля; квасу не было, а воду брали изъ канавы. Его заставили стачивать козырьки и задки у сапоговъ и полусапожекъ, прибивать гвоздями пятки и обводить ободки — работа очевидно тяжелая для слабыхъ рукъ ребенка, и притомъ безъ всякаго жалованья. Но пусть говоритъ самъ Воробьевъ: «сначала у меня нестерпимо кружилась

голова и ныла грудь, потому что когда я набивалъ гвозди въ сапогъ или башмакъ, я долженъ былъ прижимать ихъ крѣпко къ груди. Рабочая коморка была тѣсная, чорная, смрадная, съ проваленнымъ потолкомъ, кругомъ грязь, форточки не было. Въ баню пускали насъ только разъ въ мѣсяцъ, а гулять и въ церковь совсѣмъ не пускали даже весной и лѣтомъ, и вольнымъ воздухомъ мы совсѣмъ не дышали, какъ бывало въ нашей деревнѣ. Восемь человѣкъ рабочихъ сидѣло въ чернотѣ и духотѣ, на липовыхъ кадочкахъ, ибо лавокъ не было. Рубаху мѣняли одинъ разъ въ мѣсяцъ, а спать ложились въ двѣнадцатомъ часу ночи. Чай пили рѣдко, и то жиденькій, какой оставался послѣ мастеровъ. При обученіи сапожному дѣлу мастера ругаются и больно бьютъ, таскаютъ безщадно за волосы... Между собою тоже дерутся чѣмъ попало. Если ошибешься малость, хозяинъ стегаетъ ремнемъ, особливо пьяный, по чемъ попало. Постели для спанья нѣтъ, даже соломы подъ себя не подстилаемъ, а спимъ прямо на чорномъ полу, подложивъ поддевку, а въ голову кое-что. Больнѣе всего и чаще бьетъ меня Василій-шпандырь, отчего я часто хворалъ, и сейчасъ мнѣ тяжко дюже ходить и дышать. Когда къ хозяину пріѣхалъ чиновникъ казенной палаты повѣрять права—то онъ не могъ взойти въ заведеніе отъ духоты, и съ нимъ вдругъ сдѣлалось дурно»...

Мальчикъ имѣлъ дѣйствительно страдальческій видъ, тяжело дышалъ, мертво-чахоточный цвѣтъ лица; тѣло носило знаки свѣжихъ побоевъ и рубцовъ. Это былъ хорошій, любознательный мальчикъ, правдиво разсказавшій мнѣ многія подробности своей жизни, охотно читавшій и вникавшій въ прочитанное. Онъ часто задумывался надъ своей горемычной долей въ этомъ мірѣ, гдѣ онъ чувствовалъ себя живымъ только въ скорбяхъ, голодѣ и изможденіи тѣла. Въ этомъ мірѣ съ самаго его рожденія все было противъ него, никто не дарилъ его лаской и привѣтомъ. Въ когтяхъ лютой нужды онъ, десятилѣтній ребенокъ, выпилъ полную до краевъ чашу житейскаго горя. Эта жизнь, столь богатая радостями для иныхъ любимцевъ фортуны, было для него темницей — преддверіемъ могилы! Возвратясь въ свою деревню, онъ скоро умеръ на рукахъ своей матери.

IV.

18 августа 1887 г., гуляя вечеромъ въ своемъ деревенскомъ саду, я встрѣтилъ незнакомую худощавую женщину, плохо прикрытую лохмотьями. За нею вереницею шло пятеро малыхъ дѣтей, а шестаго

грудного ребенка она держала на рукахъ. Тихимъ, прерывающимся отъ слезъ голосомъ она разсказала, что зовутъ ее «Федора Васильева Борисова», изъ дер. Глубоково, Серпуховскаго уѣзда; по смерти мужа Никанора Федорова, умершаго въ томъ же году, въ г. Полтавѣ на заработкахъ, ее, какъ безпаспортную, *пригнали по этапу* за 1,000 верстъ. Пройдя этотъ путь, она поселилась у вдовца свекра своего Федора Борисова, но, на бѣду ее, онъ вздумалъ жениться на второй женѣ... Между тѣмъ сельское общество, рѣдко справедливое въ подобныхъ случаяхъ, отобрало (по 188 ст. общ. пол.) у нея землю, которой владѣлъ ея мужъ, а свекоръ объявилъ ей, «что ея *душу* (т. е. земельный надѣлъ) онъ отдалъ на міръ». Новая жена свекра ни съ того, ни съ сего возненавидѣла ее и кричитъ каждый день: «не буду я чужихъ дѣтей кормить! убирайся, сволочь, изъ дому!» Сегодня она вытолкала ее на улицу съ 6 дѣтьми, и выкинувъ ей два узла, захлопнула дверь. Дѣти, не ѣвшія цѣлый день, кричали, плакали. Собравшійся на улицѣ народъ усовѣщивалъ свекра, но безуспѣшно, послѣ чего посовѣтовалъ ей обратиться къ мировому судьѣ. «Куда же я дѣнусь теперь съ этими цыплятами?» стенала она, опускаясь на скамью... Федора Васильева просила «не дать ей пропасть «какъ кошкѣ», обязать свекра выдавать ей, вдовицѣ, хотя бы скромную сумму на содержаніе дѣтей»....

Строго легальнымъ путемъ помочь покинутой семьѣ было невозможно. Наши гражданскіе законы не идутъ такъ далеко и не обязываютъ свекра содержать семью послѣ умершаго неотдѣленнаго сына, т. е. сноху съ дѣтьми. Сдѣлать выдѣлъ тоже свекра принудить нельзя. Огражденіе ихъ имущественныхъ правъ зависитъ отъ произвола сельскаго схода или волостныхъ властей, но послѣднія не всегда рѣшаютъ противъ богатыхъ и сильныхъ... Наконецъ, такое дѣло мировому судьѣ неподсудно, въ силу 3 п. 31 ст. уст. гр. судопр. и 95 — 101 ст. общ. полож. Когда я объявилъ пострадавшей эти статьи и порядокъ подсудности, то она безнадежно махнула рукою, говоря, что она уже знаетъ, «каковъ мужицкій судъ!»... Я задумался о томъ, подобаетъ ли лицу, облеченному судебной властью, оставить безъ вниманія столь вопіющее дѣло? Вооружась своимъ авторитетомъ, я выяснилъ волостному старшинѣ и старостѣ всю безвыходность положенія несчастной семьи, которая должна пропасть, если они не возьмутся за это дѣло, при чемъ намекнулъ старостѣ, что, въ случаѣ упорства, на сельское общество будетъ возложена обязанность пріютить и содержать безпріютныхъ сиротъ.... Семья была пристроена.

Спустя нѣкоторое время пришла ко мнѣ другая крестьянка изъ с. Голубина, изгнанная съ 6 дѣтьми своимъ свекромъ.—Законъ хотя и возлагаетъ на сельскіе сходы попеченіе о сиротахъ и назначеніе имъ опекуновъ, но на самомъ дѣлѣ никакого попеченія никогда не было и нѣтъ, — и въ лучшихъ случаяхъ дѣло кончается тѣмъ, что находится добрый, благочестивый мужикъ, который возьметъ бездомнаго сироту къ себѣ въ услуженіе.

V.

Однажды на крыльцѣ моего дома я увидѣлъ деревенскую бабу съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, завернутаго въ старое, обтерханное одѣяльце. Гнусавя (она была одержима дурной болѣзнью) она разсказала мнѣ, что мужъ ее, крестьянинъ села Спасъ-Темля Николай Куренковъ, за кражу сѣна попалъ въ острогъ на 9 мѣсяцевъ, оставивъ ее съ 6 малолѣтними ребятами и безъ куска хлѣба... дѣтей покормить нечѣмъ; послѣдніе остатки муки съѣдены третьяго дня»... Выпущенный на свободу, глава семьи, отбывъ наказаніе по 169 ст. устава о наказ., отвыкъ отъ семьи и объявилъ, что не пойдетъ въ деревню, такъ какъ успѣлъ завести знакомство въ городской тюрьмѣ, и сейчасъ пьянствуетъ съ колодниками по трактирамъ, не удѣляя домой ни гроша, промышляя воровствомъ. Пришла просить совѣта и помощи, будучи сама очень больна сифилисомъ, распространеннымъ въ ихъ деревнѣ отъ фабричныхъ дѣвушекъ. Я написалъ къ уѣздному исправнику о высылкѣ Куренкова въ деревню къ его семьѣ, и онъ былъ немедленно высланъ изъ города. Придя домой, онъ съ яростью набросился на жену и, въ виду кричавшихъ дѣтей, жестоко исколотилъ больную и слабую женщину. Такимъ образомъ, противъ ожиданія вышло еще хуже. Куренковъ, учинивъ расправу, опять скрылся въ мрачныхъ дебряхъ г. Серпухова.—Тогда пришелъ ко мнѣ его 7-лѣтній сынъ и, разсказавъ о вышеописанномъ, просилъ о помощи... При посѣщеніи Куренкова оказалась почти полумертвою отъ побоевъ, горя и болѣзни, въ самой ужасной, невозможной обстановкѣ, окруженная голодными, растрепанными дѣтьми, которыхъ она во всякую погоду посылаетъ за милостыней... Ребятишки дѣйствительно походили болѣе на маленькихъ готтентотовъ или жителей пещеръ, чѣмъ на людей великаго и славнаго государства Россійскаго; всѣ болѣе или менѣе были одержимы сифилисомъ. Перерывъ въ своей памяти всѣ извѣстныя мнѣ статьи и §§ свода законовъ, я сталъ читать внимательно солидные уставы о *«благоустройствѣ* и *благоденствіи*

въ селеніяхъ [2]) и не нашелъ (увы!) ничего утѣшительнаго для семьи Куренковыхъ, которые не хотѣли этому вѣрить и продолжали взывать къ закону. Кромѣ личной, посильной помощи, не оставалось ничего. Правда, волостной судъ имѣетъ право наказать розгами пьяницу-домохозяина, но такая мѣра едва ли поправитъ плачевное положеніе погибающей крестьянской семьи...

VI.

Незавидно положеніе воспитанниковъ московскаго воспитательнаго дома, случайно оставшихся въ живыхъ. Они или попадаютъ къ очень бѣднымъ людямъ въ деревнѣ, гдѣ вдоволь натерпятся нужды, либо очутятся у богатаго мужика, гдѣ ими помыкаютъ и обращаются безчеловѣчно. Разскажу одинъ изъ сотни случаевъ. Питомецъ воспитательнаго дома, мальчикъ Федоръ Федоровъ, 11 лѣтъ, отличавшійся весьма симпатичной и интеллигентной наружностью, попалъ къ крестьянину села Васильевскаго Ильѣ Силаеву Рысину (нынѣ умершему), человѣку жестокаго, крутаго нрава, ростовщику и кабатчику, заправителю села, состоявшаго большой частью изъ людей неимущихъ и пьющихъ. Дѣло началось у меня по жалобѣ мальчика (явленіе чрезвычайно рѣдкое)! Рысинъ заставлялъ маленькаго Федорова исполнять тяжелыя работы — таскать воду изъ колодца, рубить дрова, стеречь лошадей, убирать скотъ, при чемъ безпрестанно колотилъ его, такъ что шея ребенка болѣла отъ подзатыльниковъ,— сѣкъ его ремнемъ и хворостиной, обзывалъ самыми непристойными словами: не позволялъ ходить въ церковь и земскую школу, хотя самъ (Рысинъ) числился ее попечителемъ. Пища состояла изъ тухлыхъ селедокъ и осолодѣлой червивой капусты, отчего у мальчика было постоянно разстройство пищеваренія. «Что я вытерпѣлъ—докончилъ мальчикъ, заливаясь слезами, — того и лошадь не вытерпитъ».

Увѣдомленный о семъ смотритель питомцевъ г. Покровскій горячо вступился за потерпѣвшаго. На судѣ оказалось, что весь околотокъ зналъ о жестокомъ обращеніи Рысина «съ мальчикомъ Федей». Двѣ сосѣдки его, кр. Авдотья Васильева и Авдотья Макарова, вполнѣ подтвердили обвиненіе, показавъ подъ присягой, что Рысинъ больно колотитъ сироту, изнуряетъ работами, заставляетъ ежедневно проводить ночи въ лѣсу съ лошадьми; нѣсколько разъ Федя полураздѣтый,

---

[2]) 2 ч. XII т. св. законовъ.

прибѣгалъ къ нимъ въ глухую ночь, дрожа отъ холоду и страху... онѣ уговаривали его «потерпѣть, пока выростетъ» и—онъ терпѣлъ. Рысинъ во избѣжаніе ареста за самоуправство согласился выдать въ пользу мальчика 50 руб., и послѣдній былъ пристроенъ въ хорошей семьѣ, гдѣ онъ могъ отдохнуть и посѣщать школу. Хотя это дѣло окончилось мировой сдѣлкою, но тѣмъ не менѣе оказало хорошее дѣйствіе на другихъ крестьянъ, имѣвшихъ у себя сиротъ-питомцевъ. Нѣкоторыя деревни вели бойкую торговлю дѣтьми воспитательнаго дома, и бабы выгодно передавали и переуступали младенцевъ въ другія руки. Нѣкоторыя крестьянки, являясь нѣсколько разъ въ годъ въ воспитательный домъ, брали новорожденныхъ и нагло эксплоатировали ихъ, причемъ центромъ и двигателями этой возмутительной эксплоатаціи всегда бывали мѣстные кулаки-кабатчики, скупавшіе «билеты» и перепродававшіе ихъ съ выгодой. Дѣти же погибали какъ мухи.

Въ канцелярію мироваго судьи является старостиха дер. Радутиной Агафья Яковлева Чувикина, и спрашиваетъ, нельзя ли *тѣ* деньги, что ея мужъ прогулялъ въ кабакахъ, поворотить на оброкъ? курицы въ домѣ не осталось; меня самое съ дѣтьми выгналъ. «Ходила, продолжаетъ разсказчица, жаловаться къ канитетскому енаралу (комитетскому генералу) и въ нижне-земскій судъ [3]). Не судятъ... что хошь дѣлай. Онъ-то поднесъ міру ведерку вина и опять посадили въ старосты. Продалъ ригу, корову, телку, святую икону, еще двѣ скотинины, уголъ сѣна, 10 копенъ соломы и завелъ себѣ любезную; хлѣба не купляетъ, гроша не даетъ сиротамъ горемычнымъ. Суму... надѣла и побираюсь съ дѣтьми гдѣ ночь, гдѣ день... а сиротъ-то семеро, одинъ другаго меньше... тощіе, худенькіе, заморенные. Прикажи мужу, чтобъ любилъ да кормилъ меня—да пусть росписку въ томъ дастъ. Ужъ постращай его Христа ради». Но въ уставѣ о наказаніяхъ таковые проступки не предусмотрѣны и расточитель мужъ, прогнавшій жену и дѣтей изъ дому, не наказуемъ.

Наши законы хотя и покровительствуютъ семейному началу и какъ будто стремятся поддержать крѣпость семейныхъ узъ, но на практикѣ не даютъ никакихъ указаній и свободы дѣйствія мировому судьѣ,—этому единственно-доступному органу правосудія и справедливости въ нашихъ селеніяхъ, пользующемуся довѣріемъ и большимъ уваженіемъ отъ крестьянъ. Отъ чего бы не расширить юрисдикцію судьи

3) Такъ называютъ крестьяне земскую управу, характера дѣятельности которой они не понимаютъ.

по проступкамъ противъ правъ семейственныхъ, подобнымъ вышеприведеннымъ, и такимъ образомъ уменьшить случаи изгнанія мужьями женъ и дѣтей, которые въ настоящее время повторяются чуть не ежедневно, сопровождаемые и поощряемые полнѣйшей безнаказанностью? Мировой судья постоянно ставится въ самое неловкое положеніе: онъ долженъ отказать *по неподсудности* цѣлой семьѣ, лишенной крова и пищи; онъ долженъ быть безмолвнымъ зрителемъ самой возмутительной жестокости со стороны отца и мужа, обрекшаго на гибель своихъ дѣтей, слабыхъ и безпомощныхъ, и въ то же время обязанъ заступаться за истязуемыхъ животныхъ (1 допол. к. 43 ст. уст. о наказ.). Если законъ устанавливаетъ строгое взысканіе для взрослыхъ дѣтей за отказъ въ доставленіи родителямъ необходимаго для жизни пропитанія и пособій (143 ст.), то *vice versa*, справедливость требуетъ таковой же отвѣтственности и для родителей, отказывающихъ своимъ малолѣтнимъ дѣтямъ и ихъ матери въ пропитаніи и пособіи [4]).

Вотъ еще картинка изъ практики воспитательнаго дома. Однажды, проѣзжая въ ночную ненастную пору подъ дождемъ и по невылазной грязи, черезъ деревню Лупиловку, смежную съ селомъ Вельяминовымъ, гдѣ находится волостное правленіе, я былъ остановленъ раздирающими дѣтскими воплями, исходившими изъ низенькой плохой избушки, въ три крохотныя закоптѣлыя оконца—я велѣлъ остановиться и пошелъ къ избушкѣ, на половину ушедшей въ землю... Согнувшись, я вошелъ въ низенькую дверь и очутился въ очень маленькой и тѣсной горницѣ; меня встрѣтила съ испуганнымъ и вопрошающимъ видомъ пожилая, худощавая женщина съ невыспавшимся, сердитымъ лицомъ. При тускломъ мерцаніи коптившейся керосиновой лампочки въ жестяномъ резервуарѣ я разглядѣлъ нѣсколько кудрявыхъ головокъ, спавшихъ на земляномъ полу; поперекъ жилья у потолка, касавшагося моей головы, былъ вытянутъ деревянный шестъ, на которомъ были привѣшены 4 люльки или что-то на подобіе дѣтскихъ колыбелей, составленное изъ веревокъ и бабьихъ обносковъ... Тамъ съежившись въ корзинкахъ лежали 4 младенца, какъ оказалось, изъ воспитательнаго дома, съ неизбѣжными сосками

---

4) Намъ могутъ возразить, что изгнанной женѣ остается путь гражданскаго иска съ мужа, по ст. 106 и 172 1 ч. X тома св. зак. Но такіе иски въ рѣдкихъ случаяхъ достигаютъ цѣли, а въ крестьянскомъ быту *никогда*. Виновный мужъ или отецъ, подученный старшиной, всегда оказывается *несостоятельнымъ* къ принужденному платежу или обремененнымъ недоимками, которые по закону имѣютъ преимущество передъ частными долгами.

изъ тряпицъ. Дѣти были всѣ мокрые съ пролежнями и прѣющими ножками, изъ которыхъ мѣстами сочилась кровь. Все это вопило и орало, заглушаемое громкимъ блеяніемъ овцы и ягнятъ, пріютившихся тутъ же у печки. Запахъ стоялъ удушливый. Двое казенныхъ младенцевъ были больны, въ жару уже пятыя сутки. Молока въ домѣ не было, ибо міромъ за недоимки была взята корова. Баба, выкормившая своего ребенка, брала изъ воспитательнаго дома, когда молоко у ней уже изсякло, и кромѣ того добывала оттуда дѣтей черезъ подсылъ кумы и сватьи. Мужъ запьянствовалъ и пропадалъ не вѣсть гдѣ... Потолочины внутри избенки провисли и матица еле держалась, грозя рухнуть и придавить все дѣтское населеніе... Немедленно было дано знать полиціи и надзирателю. Дѣти были отобраны и розданы въ болѣе надежныя руки, а хозяйка была обязана подпиской выселиться въ другое мѣсто—къ счастію ея и дѣтей (по статьѣ 68 уст. о наказ.), такъ какъ черезъ 3 дня послѣ ея выселенія, какъ мнѣ сообщилъ приставъ 3 стана, «матица съ потолочнымъ накатомъ обрушилась»... Не мудрено, что обитатели избенки производили впечатлѣніе заживо-погребенныхъ...

VII.

Богатый мужикъ дер. Авдотьиной Антонъ Мы....цовъ, упрямый старикъ, побуждаемый своимъ старшимъ любимымъ «сыномъ и снохой», нападаетъ на младшаго сына Василія, имѣющаго 4-хъ маленькихъ дѣтей и жену, трудолюбиваго, трезваго, безукоризненно-честнаго, и выгоняетъ изъ дому, не отдѣливъ ему ничего... Между тѣмъ всѣ знали, что Василій всѣ заработки свои отдавалъ сполна отцу, платя ему такимъ образому за содержаніе семьи... Не получивъ за долгую службу ни избенки, ни лошади, ни коровы, ни амбарушки, и въ добавокъ наказанный розгами, вмѣсто отцовскаго благословенія, по требованію жестокаго отца, онъ, униженный, оскорбленный до глубины души, явился ко мнѣ съ жалобою, объяснивъ, что онъ поселился въ чужой избѣ и, проживъ 30 лѣтъ у отца, не имѣетъ никакихъ средствъ обзавестись какимъ либо хозяйствомъ. Объяснивъ ему, что онъ не имѣетъ права требовать себѣ судомъ выдѣла при жизни отца, я, однако, по слезной его просьбѣ, вызвалъ старика для миролюбиваго разбирательства, буде онъ самъ того пожелаетъ [5]). Ста-

---

[5]) По ст. 33 уст. гр. суд., миролюбивое разбирательство допускается только съ согласія обоихъ тяжущихся.

рикъ явился, но оказался непреклоннымъ и глухимъ, какъ камень; къ сожалѣнію, у него былъ *аблокатъ*, интересъ котораго заключался въ несчастіи Василія. Блѣдный и угрюмый стоялъ Василій передъ безжалостнымъ отцемъ, обливаясь горькими слезами. Ему предстояла страшная борьба съ нуждой, съ цѣлымъ моремъ лишеній, въ которой онъ и потерялъ свое здоровье. А какую нужду и горе видѣли его дѣти, которыхъ вся жизнь была разбита капризомъ старика-дѣда! Одинъ великодушный купецъ взялъ его къ себѣ въ приказчики, въ гор. Серпуховѣ.

Другой подобный случай имѣлъ мѣсто въ дер. Берцинкахъ. Крестьянинъ Николай Рас—ковъ, 65 лѣтъ, изгоняетъ своего сына Ивана съ женой и 6 маленькими дѣтьми, а седьмой былъ на дорогѣ... «Старшему 10 лѣтъ, младшему 11 мѣсяцевъ; доѣли послѣднюю краюху хлѣба». Меня поразилъ болѣзненной, чахлый видъ Ивана Николаева, видимо пришибленнаго и растерявшагося. Въ противуположность ему доброе и полное лицо жены его Марины дышало цвѣтущимъ здоровьемъ и самымъ беззаботнымъ, румянымъ веселіемъ. Труженица поля, мать 6 дѣтей, она смотрѣла бодро и улыбаясь, какъ бы недоступная человѣческому горю. Со смѣхомъ разсказала она мировому судьѣ, что ссора вышла изъ за вязанки хворосту и кочеряпа (ковша). Работали они усердно на старика въ продолженіе 12 лѣтъ... труды ихъ пропали! «ну что дѣлать—покончила она, будемъ работать, будемъ живы... Живая не лягу въ могилу». Затѣмъ мужъ Иванъ заболѣваетъ тифозной горячкой, лежитъ въ чужой избѣ; дѣти, скученныя въ углу курной избы, пріютившей ихъ на время, терпятъ неописанную нужду,—но веселая Марина умѣетъ ихъ утѣшить и даже разсмѣшить... Добрая, неутомимая, она возбудила къ себѣ дѣятельное участіе добрыхъ людей, построила новую, небольшую избу, куда перенесла больнаго мужа и живетъ не плохо, работая какъ волъ и не жалуясь на судьбу.

А вотъ еще разсказъ, который пришлось выслушать въ лѣсу во время зимней вьюги. Звали разсказчицу «Василиса Бѣляева, изъ дер. Авдотьиной. Мужъ ея нѣсколько лѣтъ проживаетъ въ Москвѣ въ пекаряхъ у богатаго придворнаго булочника С—ва, получаетъ огромное жалованье, отъ 400—500 р. и ни гроша не высылаетъ семьѣ, пробавляющейся исключительно хожденіемъ по міру и собирая «святую милостыню». Недавно ихъ посѣтилъ Господь: сгорѣла избенка, въ которой они ютились, со всѣмъ скарбомъ и худобой; сами онѣ, получивъ ожоги, едва выбрались изъ пламени... Ѣли они не каждый день, ночь проводили кой-гдѣ, иногда подъ заборами; язвы отъ ожо-

говъ гноились, глаза выплакались до-суха»... Всевозможныя лишенія стали обыденнымъ нормальнымъ явленіемъ для семьи Бѣляева и, притерпѣвшись до сыта, они едва ли чувствовали весь ужасъ своего положенія. «Въ послѣдніе дни одинъ мужикъ предоставилъ имъ пустой овинъ, въ которомъ они и укрываются отъ непогоды. Василиса ходила къ мужу своему въ Москву за помощью, но онъ всякій разъ выгонялъ ее въ шею, съ пустыми руками».

Бѣляевой было объявлено, что она имѣетъ полное право требовать крова и обезпеченія отъ мужа, если онъ имѣетъ средство къ тому. Вернувшись домой, я записалъ ей просьбу. На разбирательство мужъ ея явился только по 2-му разу, заявилъ согласіе выдавать ей по 5 руб. въ мѣсяцъ на продовольствіе, въ чемъ и росписался, давъ женѣ 3 руб. Но вольготная московская жизнь снова взяла свое. Въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ онъ не выслалъ домой *ни копѣйки*. Тогда бѣдствующая семья получаетъ отъ меня выговоренный ею, при заключеніи мировой сдѣлки, исполнительный листъ на взысканіе всей суммы съ Бѣляева. Но на бѣду и исполнительный листъ не оказываетъ никакого дѣйствія. Судебному приставу было объявлено, что у Бѣляева денегъ нѣтъ, и жалованье его забрано впередъ. Прождавши около полугода, измученная, изнуренная семья сытаго и румянаго булочника появилась снова въ моей канцеляріи, «не получая ни гроша на пропитаніе». Дѣти, питавшіяся исключительно однѣми сухими корками чернаго хлѣба, имѣли видъ чахоточный и чахлый, выглядывали какъ оглоданные скелеты, въ лохмотьяхъ. Я посовѣтовалъ Бѣляевой обратиться къ высшей полицейской власти въ Москвѣ и въ особой бумагѣ описалъ г. московскому оберъ-полицеймейстеру ужасное положеніе этой брошенной и гибнущей семьи, прося его, въ виду отказа выдавать на пропитаніе, принять мѣры къ водворенію жены и дѣтей у булочника Бѣляева, согласно 103 — 106 — 172 ст. I части X тома, зак. гражданск. Въ каждой деревнѣ вы найдете покинутыя семьи, еле дышащихъ, еле прикрытыхъ дѣтей, брошенныхъ на произволъ ихъ отцами, или проживающими свои заработки съ любовницами въ Харьковѣ, Бердянскѣ, Елисаветградѣ и пр. Не всѣ жены имѣютъ настойчивость и неутомимость Бѣляевой. Волостные старшины Серпухов. уѣзда увѣряли меня, что подобныхъ неисправныхъ отцовъ найдутся цѣлыя сотни въ каждой волости, и что въ южныхъ губерніяхъ, особливо въ Бессарабіи, въ Крыму они по нѣскольку лѣтъ проживаютъ безъ паспорта, не высылая домой ни копѣйки. Матери такихъ дѣтей, доведенныя до отчаянія безденежьемъ, взысканіемъ недоимокъ и отбираніемъ у нихъ полевой и усадебной земли сельскими

обществами, измышляютъ всевозможныя средства, чтобы только избавиться отъ дѣтей: подкидываютъ, раздаютъ въ мастерскія, въ подпаски, а въ случаѣ неудачи систематически заколачиваютъ ихъ до смерти... «За что ты такъ жестоко колотишь своихъ дѣтей?» спросилъ я одну бабу, бившую палкой маленькую дѣвочку, лѣтъ 7... «Да ужъ очень бѣдность и нужда одолѣли», отвѣчала она... Вотъ вина, за которую мучаютъ дѣтей въ нашихъ селахъ.

А. Мантейфель.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ СУРАЖСКОМЪ УѢЗДѢ, ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ, ВЪ 1767 И 1882 ГГ.

Е. С. Филимоновъ. *Румянцевская генеральная опись Суражскаго уѣзда* 1767 г. Вятка. 1888.

Г. Филимоновъ возымѣлъ счастливую мысль пополнить своимъ изданіемъ данныя современнаго подворнаго описанія Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи, въ составленіи котораго онъ участвовалъ еще въ 1882—3 гг., данными прошлаго столѣтія. Въ изданномъ тогда томѣ [1]) земской черниговской статистики онъ ограничился лишь помѣщеніемъ статьи «О формахъ землевладѣнія въ Суражскомъ уѣздѣ», въ которой онъ попытался сообщить нѣкоторыя, но далеко неполныя данныя о прошломъ Малороссіи, извлекая ихъ изъ такъ называемой генеральной описи малороссійскихъ полковъ 1767 г. Статья касалась лишь одного вопроса — вопроса о формахъ землевладѣнія, и не давала матеріала для сравненія нынѣшняго состоянія уѣзда въ экономическомъ отношеніи съ состояніемъ той же мѣстности 115 лѣтъ тому назадъ. Теперь, основываясь на вѣдомостяхъ описи 1767 года, и только одной этой описи, онъ свелъ въ одно цѣлое всѣ цифровыя данныя, заключающіяся въ ней и характеризующія мѣстность нынѣшняго Суражскаго уѣзда почти во всѣхъ его экономическихъ отношеніяхъ: и съ точки зрѣнія населенности, возрастнаго состава и распредѣленія рабочихъ силъ, и въ отношеніи землевладѣнія и скотоводства. Въ своей книгѣ онъ даетъ намъ таблицу сведенныхъ данныхъ въ рубрики, по волостямъ и селамъ и, наконецъ, одну общую сводную таблицу для всего сельскаго населенія Суражскаго уѣзда въ 1767 году. Рубрики таблицы, методъ сведенія данныхъ описи въ одно цѣлое, буквально тѣ же, какія приняты были для составленія подворныхъ описей современныхъ уѣздовъ черниговскими статистиками, и сравненіе и сопоставленіе данныхъ описи 1767 г. и описи 1882 г. для Суражскаго уѣзда, благодаря этому, становятся теперь вполнѣ возможными, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ сторонъ и въ тѣхъ отношеніяхъ, какія при-

знаны статистическимъ земскимъ черниговскимъ бюро за наиболѣе важныя и имѣющія наибольшее значеніе. Часть тѣхъ свѣдѣній, которыя либо совершенно не вошли въ рубрики, установленныя бюро, либо по характеру своему не могли войти въ таблицу (какъ, напр., данныя объ общинныхъ земляхъ), вынесены г. Филимоновымъ въ особый отдѣлъ: актовъ румянцевской описи. Это длинный рядъ документовъ, касающихся какъ составленія самой описи, такъ и разнаго рода земельныхъ сдѣлокъ, общаго нераздѣльнаго владѣнія землями, захвата земель, продажи крестьянъ, документовъ, въ высокой степени интересныхъ, и способныхъ пролить свѣтъ на многія стороны поземельной жизни и формъ ея въ XVIII в.

Пока мы не будемъ касаться этой послѣдней части почтеннаго труда г. Филимонова. Мы остановимся лишь на первой, т. е. на таблицѣ статистическихъ данныхъ по Суражскому уѣзду, составленной имъ, и попытаемся сдѣлать сопоставленіе данныхъ таблицы г. Филимонова съ данными подворной описи 1882 г. Для цѣлей сравненія настоящаго съ прошлымъ, для изученія тѣхъ измѣненій, которыя происходили,—хотя и въ небольшомъ районѣ,—какъ въ поземельныхъ отношеніяхъ, такъ и вообще въ экономической жизни Малороссіи, для такъ называемаго сравнительнаго историко-статистическаго изслѣдованія, матеріалъ, сообщаемый . Филимоновымъ, имѣетъ трудно оцѣнимое значеніе. И онъ представляется еще и тѣмъ болѣе важнымъ и интереснымъ, что не такъ давно была уже сдѣлана попытка сравнительно-историческаго изученія по такого же рода матеріалу и въ той же мѣстности. Я разумѣю книгу г. Червинскаго, посвященную Кролевецкому уѣзду и основанную, главнымъ образомъ, на сравненіи данныхъ описи 1767 г. съ данными подворной описи Кролевецкаго уѣзда 1883 г. Попытка г. Червинскаго, какъ извѣстно, обратила на себя вниманіе русской печати и обратила, преимущественно, благодаря тѣмъ оригинальнымъ выводамъ, къ которымъ пришелъ авторъ. Выводы эти, касающіеся всѣхъ почти сторонъ экономической жизни мѣстности, были въ особенности неожиданными въ томъ, что касалось какъ землевладѣнія, такъ и скотоводства, и вообще экономическаго состоянія сельскаго населенія въ XVIII в. и теперь. Г. Червинскій старался доказать, напр., что, несмотря на территоріальный просторъ, на одного жителя приходилось въ прошломъ столѣтіи почти столько же земли, сколько приходится и теперь при значительно возросшемъ, почти удвоенномъ населеніи, а скота меньше, чѣмъ теперь, и притомъ меньше, чѣмъ теперь, и рабочаго скота, и скота, идущаго для питанія населенія. Онъ попытался, затѣмъ, показать, что не только процентъ безземельныхъ уменьшился теперь сравнительно съ прошлымъ, но что уменьшился также и процентъ хозяйствъ съ крупнымъ надѣломъ и, наоборотъ, возрасло число хозяйствъ съ среднимъ надѣломъ (въ 1—15 д. на дворъ), т. е. что землевладѣніе, вопреки ожиданіямъ, сдѣлалось теперь болѣе равномѣрнымъ, чѣмъ какимъ оно было въ XVIII в. Наконецъ онъ указалъ—какъ выводъ изъ предшествующихъ положеній—и

на то, что въ прошломъ столѣтіи не только крестьянству, но даже козачеству, по крайней мѣрѣ значительной его части, жилось хуже, чѣмъ теперь.

Выводы эти были отчасти самимъ г. Червинскимъ, а въ особенности въ русской печати, обобщены и затѣмъ распространены съ небольшаго района Кролевецкаго уѣзда на всю мѣстность лѣваго берега Днѣпра, и въ заключеніе всего поставленъ былъ внѣ сомнѣнія фактъ безспорнаго экономическаго прогресса цѣлой мѣстности.

Въ виду этого таблица г. Филимонова является очень кстати, чтобы провѣрить, насколько правильно или неправильно было это обобщеніе фактовъ одного уѣзда, ихъ примѣненіе къ цѣлой мѣстности, чтобы, наконецъ, узнать, есть ли фактъ указываемаго прогресса дѣйствительный фактъ или онъ только простое предположеніе, еще требующее доказательствъ?

Такого рода провѣрку и представляетъ настоящая замѣтка. Я долженъ при этомъ замѣтить, что я также мало склоненъ признать выводы, къ которымъ привели меня данныя по Суражскому уѣзду, за выводы, которые могутъ быть примѣнены къ цѣлой Малороссіи, какъ не склоненъ принимать за выводы, имѣющіе рѣшающее значеніе для всей мѣстности, то, что угодно было назвать общимъ явленіемъ для всей Малороссіи г. Червинскому и многимъ изъ его критиковъ. Обобщенія, подобныя тѣмъ, которыя сдѣланы на основаніи данныхъ одной мѣстности, отъ нея одной ко всей странѣ, могутъ имѣть серьезное научное значеніе только при одномъ условіи. А именно, когда намъ точно извѣстны тѣ факторы экономическіе и общественные, подъ вліяніемъ которыхъ происходило установленіе поземельныхъ порядковъ въ данный историческій моментъ, когда извѣстно и то, что они тождественны и для каждой отдѣльной мѣстности, и для цѣлой страны. Разъ этого нѣтъ, — обобщеніе вывода изъ одной мѣстности ко всѣмъ остальнымъ, какъ бы искусно, повидимому, онъ ни былъ обставленъ, дастъ въ концѣ концовъ фальшивое представленіе о цѣломъ, такъ какъ разъ дѣйствіе факторовъ не было тождественнымъ въ каждой мѣстности, различіе въ ихъ дѣйствіи неизбѣжно создастъ различіе въ экономическомъ состояніи каждой такой мѣстности.

Но что знаемъ мы о дѣйствіи факторовъ экономическихъ и общественныхъ, о вліяніи ихъ на жизнь Малороссіи вообще и каждой отдѣльной мѣстности ея? Достаточно поставить только этотъ вопросъ, и отвѣтъ, отвѣтъ отрицательный, получится немедленно и сразу. Ровно почти ничего, кромѣ общихъ соображеній, а изъ книги г. Червинскаго мы узнаемъ объ этихъ факторахъ ровно столько же, сколько знали объ нихъ и прежде. Извѣстно только, напр., что въ теченіе XVIII в. шла успѣшная борьба между старшиной, съ одной стороны, и козачествомъ, посполитыми за земли, за право свободы труда и т. д., что производились захваты земель, даренія ихъ и т. п., отымавшія у прежнихъ владѣльцевъ ихъ средства земельнаго обезпеченія. Но какъ шла эта борьба,

какъ, въ какихъ размѣрахъ происходили всѣ указываемыя явленія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, насколько вліяніе ихъ сказывалось одинаково или различно въ моментъ составленія описи 1767 года, насколько одинаковъ или неодинаковъ былъ процессъ поземельныхъ измѣненій въ различныхъ мѣстностяхъ въ 1767—9 годахъ,—на это изслѣдованія не даютъ отвѣта. Его даютъ документы румянцевской описи, судебныя дѣла и т. п., еще не разработанныя, но, насколько мнѣ они извѣстны, даютъ скорѣе отрицательный, чѣмъ положительный отзывъ, указываютъ скорѣе на разнообразіе, а не на тождественность вліянія указанныхъ факторовъ въ 1767—9 гг.

Какъ бы то ни было, разъ условія дѣйствія и самое дѣйствіе общественныхъ и экономическихъ вліяній намъ неизвѣстны, — остается одинъ путь изслѣдованія: изученіе сравнительно-историческое каждой мѣстности отдѣльно. Только тогда, когда изучены будутъ всѣ или большинство мѣстностей, можно будетъ сдѣлать общій выводъ для всей мѣстности, для цѣлой лѣвобережной Украйны.

Съ этой точки зрѣнія я и смотрѣлъ на представляемые ниже выводы. Два слова о характерѣ сравненія данныхъ, которому я слѣдую.

Въ 1882 году, во время составленія подворной описи, въ Суражскомъ уѣздѣ было 144 селенія, изъ которыхъ въ 17 жили казаки, въ 40—государственные крестьяне и въ 115—бывшіе помѣщичьи. Число селеній въ 1767 г., во время составленія румянцевской описи, было, повидимому, тѣмъ же, какъ и въ 1882 г., но вѣдомости многихъ изъ этихъ селеній утратились. На лицо имѣются описи лишь 124 селъ, данныя о которыхъ и внесены въ таблицу г. Филимоновымъ. Такимъ образомъ сравненіе данныхъ двухъ описей должно быть сведено лишь къ сравненію 124 селъ, но и то лишь въ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло со всѣми селами безразлично, во всемъ ихъ составѣ. Но села эти и въ XVIII в. не представлялись однородными по составу. Существовало пять группъ населенія: казаки, монастырскіе, позже государственные крестьяне, посполитые, т. е. впослѣдствіи помѣщичьи, затѣмъ бобровники и уральцы [2]). Эти группы въ сущности могутъ быть сведены только въ три, путемъ сліянія казаковъ съ довольно однородными съ ними стрѣльцами и бобровниками. Селъ, населенныхъ группою казаковъ, насчитывалось въ 1767 г.—17, т. е. то же число, какъ въ 1882 г. То были тѣ же села и въ 1767, и въ 1882 г., и сравненіе данныхъ здѣсь почти полное [3]). Селъ съ посполитыми въ 1767 году насчитывается всего 89, о которыхъ имѣются данныя, и потому пришлось для цѣлей сравненія исключить изъ описи 1882 г. всѣ данныя, касающіяся 26 селъ. Наконецъ, селъ съ монастырскими посполитыми было въ 1767 г. 30. Но здѣсь пришлось исключить нѣкоторыя и изъ этихъ 30, такъ какъ, во первыхъ, нѣкоторыя изъ нихъ не значатся въ 1882 г. населенными государственными крестьянами, а, во вторыхъ, относительно другихъ въ описи 1882 г. вовсе не отмѣчены, напр., факты распредѣленія земли по дворамъ, а

дана лишь общая цифра количества всей земли даннаго села. Вслѣдствіе этого при сравненіи болѣе детальныхъ данныхъ, главнымъ образомъ, по вопросу объ распредѣленіи земли, сравненію подвергнуто лишь 21 село, населенныя въ XVIII в. монастырскими посполитыми, а въ 1882—государственными крестьянами.

I.

По даннымъ описи 1767 г. сумма земли, составлявшей собственность трехъ указанныхъ выше группъ сельскаго населенія, исчислена въ 46,561 десятину, включая сюда какъ усадебныя, пахатныя и сѣнокосныя земли, такъ и лѣсныя угодья. Чрезъ 115 лѣтъ, въ 1882 г., у тѣхъ же группъ населенія насчитывалось уже удобной земли всѣхъ наименованій 165,480 десятинъ, т. е. почти втрое больше, чѣмъ въ 1767 году. Это абсолютное возрастаніе площади земельной собственности должно бы, повидимому, служить несомнѣннымъ и яснымъ признакомъ прогрессивнаго развитія экономическихъ силъ и средствъ даннаго населенія. Но это только повидимому. Дѣло въ томъ, что ближайшее разсмотрѣніе данныхъ, касающихся надѣленія землею въ XVIII в., заставляетъ предполагать скорѣе уменьшеніе, чѣмъ расширеніе площади владѣнія землею сельскимъ населеніемъ.

Отмѣтимъ прежде всего, въ предѣлахъ обоихъ приведенныхъ выше цифръ, небезъинтересный для насъ фактъ тѣхъ измѣненій, которыя произошли во взаимныхъ отношеніяхъ различнаго рода земельныхъ угодій въ Суражскомъ уѣздѣ въ теченіе 115 лѣтъ.

Въ XVIII в. въ 46,561 десятинѣ всей земли насчитывалось: усадебной земли—1515 дес., или 3,3%, пахатной—11,893 дес., или 25,5%, сѣнокосной—13,473 дес., или 28,9% и, наконецъ, лѣсной—19,680 д., или 42,3%. Въ 1882 г. усадебная земля составляла 7,770 дес., или 6,4%, пахатная—69,142 дес. или 57,7%, сѣнокосная—31,335 дес., или 25,8% и лѣсная—12,828 дес. или 10,0%[4]). Другими словами, въ теченіе почти ста лѣтъ, болѣе, чѣмъ удвоилась площадь пахатной и усадебной земли, нѣсколько уменьшилось пространство, занятое сѣнокосами, и въ четыре раза сократились лѣсныя угодья, подвергшіяся сильному истребленію. Очевидно, весь процессъ указанныхъ измѣненій происходилъ насчетъ лѣсныхъ пространствъ. Но онъ происходилъ не насчетъ только того лѣса, который означенъ выше, какъ составлявшій собственность сословныхъ сельскихъ группъ въ 1767 году. 19,680 дес. лѣса представляли собою въ 1767 г. лишь небольшую часть лѣсныхъ угодій, принадлежавшихъ сельскому населенію. Въ это число вовсе не включена та громадная масса земель, которая находилась не въ частномъ, а въ общемъ владѣніи, составляя собственность или предметъ пользованія то отдѣльнаго селенія, то цѣлой ихъ группы. Согласно тому способу, какой былъ принятъ для составленія подворной описи 1767 г.,

въ опись каждаго отдѣльнаго двора вписывались только тѣ земли, которыя находились въ сепаратномъ владѣніи. Общинныя или общественныя земли записаны были особо отъ дворовъ, какъ общая принадлежность цѣлаго селенія или группы селеній. Въ своей книгѣ г. Филимоновъ свелъ большую часть данныхъ этого рода въ особую группу (стр. 25 — 27), и свѣдѣнія, сообщаемыя имъ на этотъ счетъ, доказываютъ вполнѣ убѣдительно значительную распространенность этого рода угодій въ Суражскомъ уѣздѣ. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ опись не даетъ возможности исчислить дѣйствительное количество этихъ земель; она либо прямо говоритъ—и это наиболѣе частый случай—что измѣрить эти земли невозможно (см. стр. 25, n° 36, стр. 26, n° 48), либо даетъ такія неопредѣленныя мѣры, какъ то, что данное угодье имѣетъ въ окружности 20 или 40 верстъ, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сообщаетъ, что общинный лѣсъ заключаетъ въ себѣ 8 верстъ въ длину и 20 верстъ въ ширину (26 стр., n° 46). Несомнѣннымъ является, тѣмъ не менѣе, фактъ сильной распространенности владѣнія общинными лѣсными угодьями, разработка которыхъ и повела къ факту увеличенія почти въ три раза площади земельныхъ надѣловъ.

Но общинныя земли не ограничивались лишь одними лѣсами. Предметомъ общиннаго владѣнія, какъ-то видно изъ данныхъ книги г. Филимонова, являлись и сѣнокосы, и пахотныя земли. То и дѣло попадаются указанія, что такому то селу принадлежали въ качествѣ общиннаго владѣнія, то пахоть въ размѣрѣ 182,76 и т. д. четвертей посѣва, то сѣнокосъ въ размѣрѣ 100, 200 и т. д. возовъ (см. стр. 27, n° 62, 61, 49, 52).

Очевидно, что всѣ эти земли составляли для населенія того времени тотъ фондъ, которымъ оно могло всегда пользоваться, то подвергая его — если дѣло шло о лѣсѣ—обработкѣ въ качествѣ пахоти, то разрабатывая его подъ сѣнокосъ, то, наконецъ, пуская его подъ пастбище, не говоря уже о пользованіи имъ для топлива, потребностей и строеній, обдѣлкѣ и т. п., для бортей и т. д. А этого одного уже вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, насколько выгоднѣе было положеніе населенія въ то время сравнительно съ теперешнимъ.

Такимъ образомъ, видимое возростаніе размѣра землевладѣнія въ XIX в., несомнѣнно, могло и происходило насчетъ общинныхъ земель, путемъ ихъ «разработки», обращенія ихъ въ частную, подворную собственность. И хотя нѣтъ возможности опредѣлить, осталось ли общее количество земель, и бывшихъ общинныхъ и частныхъ, тѣмъ же, какимъ оно является въ 1882 г., или нѣтъ, мы болѣе склонны думать, что оно скорѣе уменьшилось, чѣмъ увеличилось. Извѣстно, что еще и въ концѣ XVIII вѣка захваты владѣльцами общинныхъ земель были обыденнымъ явленіемъ въ Малороссіи. Они имѣли мѣсто вездѣ и повсюду, и трудно предположить, чтобъ Суражскій уѣздъ представлялъ собою исключеніе въ этомъ отношеніи. Вѣдь не избѣгнулъ же онъ захватовъ какъ казачьихъ,

такъ и иныхъ земель, составлявшихъ уже подворную собственность? (см. у Филимонова, стр. 28 и др.). А уже это одно обстоятельство даетъ само по себѣ основаніе предполагать, что общая сумма земель, которыми владѣло въ XVIII в. сельское населеніе, было, вѣроятно, большею, чѣмъ та, которая значится принадлежащею ему по даннымъ 1882 г.

Съ другой стороны, слѣдуетъ отмѣтить и тотъ фактъ, что если, какъ увидимъ, одна изъ группъ сельскаго населенія, именно монастырскіе, впослѣдствіе государственные, крестьяне, и не владѣла въ 1767 г. на правахъ собственности лѣсными угодьями, и получила лѣсъ въ собственность только позже, то фактически право пользованія въ бывшихъ монастырскихъ лѣсахъ было для крестьянъ вполнѣ свободно. Они, какъ то показываетъ опись, имѣли право «въѣзда» въ лѣса для рубки на топливо, на строеніе и т. д.

Разъ, впрочемъ, у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ для опредѣленія дѣйствительнаго количества общинныхъ земель, находившихся въ XVIII в. во владѣніи сельскаго населенія, мы не вправѣ вводить ихъ въ сравнительный анализъ фактовъ, представляемыхъ двумя описями. Мы можемъ принимать ихъ въ разсчетъ лишь вообще, но не для каждой изъ деталей нашего сравнительнаго изслѣдованія. Попробуемъ, поэтому, совершенно устраняя данныя объ общинныхъ земляхъ, сопоставить между собою лишь тѣ болѣе опредѣленныя данныя о землевладѣніи, какія сообщаетъ намъ опись 1767 года, съ данными описи 1882 года, и посмотримъ, насколько даже при такой постановкѣ полученные результаты будутъ совпадать или не совпадать съ выводами г. Червинскаго относительно и Кролевецкаго уѣзда, и всей Малороссіи вообще.

Разсматривая ближе и частнѣе общія данныя о землевладѣніи въ Суражскомъ уѣздѣ, мы находимъ въ немъ прежде всего нѣкоторое отступленіе отъ типа, преобладавшаго въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи XVIII в. Изъ трехъ группъ сельскаго населенія, казаки, наиболѣе крупный и сильный классъ въ другихъ мѣстахъ, здѣсь игралъ сравнительно второстепенную роль. Они населяли въ XVIII в. лишь всего 20 селъ и имъ, въ общей сложности, принадлежало лишь 28,6% всей земли, составлявшей собственность сельскаго населенія уѣзда. Изъ всей суммы 46,561 д. въ рукахъ казаковъ было всего 13,324 д. На долю монастырскихъ крестьянъ падало всего 20% или 9,441 д., и только одно посполъство владѣло нѣсколько болѣе, чѣмъ половиной всей земли. Ему принадлежало 23,794 д. или около 51,1%.

Весь дальнѣйшій процессъ измѣненій, совершавшійся до 1882 года, вытекалъ, главнымъ образомъ, изъ взаимнаго отношенія этихъ трехъ группъ населенія другъ къ другу, направляясь все болѣе и болѣе къ явной невыгодѣ одной изъ нихъ, именно казачества. Обращаясь къ даннымъ описи 1882 года, мы видимъ, что количество земли, владѣемой на правѣ подворной собственности казаками, замѣтно уменьшалось сравнительно съ прошлымъ. Вмѣсто 13,324 дес. 1767 года опись 1882 года

даетъ для казачьяго сословія всего только 10,100 д. удобной земли или на 3,224 д. менѣе. Ясно, что увеличеніе количества владѣемой сельскими сословіями земли идетъ въ пользу лишь двухъ другихъ группъ. И въ самомъ дѣлѣ, размѣръ земель, находящихся въ рукахъ государственныхъ крестьянъ, доходитъ въ 1882 году до 58,435 дес. удобной земли, а у бывшихъ помѣщичьихъ или посполитыхъ—до 95,052 д. Вслѣдствіе этого, взаимное отношеніе между землевладѣніемъ трехъ группъ сельскаго населенія уѣзда измѣняется весьма рѣзко и рѣзче, чѣмъ въ XVIII в. Въ 1882 году казачье землевладѣніе составляетъ уже лишь 6,1%, крестьянское — увеличивается до 58,5%, а землевладѣніе государственныхъ крестьянъ—до 35,4%.

Такое расширеніе землевладѣнія двухъ группъ на счетъ третьей, члены которой въ силу извѣстныхъ общественныхъ причинъ не переставали въ теченіе всего XVIII в. наполнять собою ряды крѣпостнаго, зависимаго населенія, не могло, естественно, не отозваться и на пониженіи,—и пониженіи весьма сильномъ,—земельнаго обезпеченія казаковъ. И дѣйствительно, это ухудшеніе ихъ положенія рѣзко бросается въ глаза, какъ только мы переходимъ къ цифровымъ деталямъ.

Въ 1767 году насчитывалось 256 казачьихъ дворовъ. На одинъ дворъ приходилось всей земли, не считая общинныхъ угодій, около 52 дес. Въ 1882 году (при 900 сравниваемыхъ дворахъ) уже насчитывалось на одинъ дворъ всего 10 дес. Другими словами, каждый казачій дворъ потерялъ въ теченіе столѣтія около 42 десятинъ.

Еще яснѣе обрисовывается степень ухудшенія экономическаго быта казаковъ, если взять во вниманіе измѣненія, происшедшія въ размѣрахъ отдѣльныхъ угодій [5]). Изъ 12,599 дес., принадлежавшихъ казакамъ въ 1767 году, на пахоть приходилось 1,022 д., на сѣнокосъ—1,174 д. и на лѣсъ—10,221 д., т. е. на дворъ насчитывалось по 4,3 д. пахоти, по 5 д. сѣнокосу и по 43,8 д. лѣсу. Сто лѣтъ спустя изъ общей суммы земли пахоть составляла 4,882 д., сѣнокосъ—1,877 д., а лѣсъ—уже только 1,563 д. А это даетъ на одинъ дворъ 5,9 д. пахоти, 2,3 д. сѣнокосу и всего 1,9 д. лѣсу. Если, какъ мы видимъ, увеличилось количество запашки на дворъ, въ размѣрѣ 1,6 дес., то это совершилось насчетъ другихъ угодій, и безъ того уже сильно сократившихся. Дворъ потерялъ на сѣнокосѣ 2,7 д., на лѣсѣ—41,9 д., выигравши всего 1,6 дес. Общая потеря на дворъ даетъ, слѣдовательно, внушительную цифру въ 43 десятины.

Переводя приведенныя цифры на 1 душу населенія, мы получаемъ:

	Въ 1767 г.	Въ 1882 г.
Всей земли	5,8 десят.	2 десят.
Пахоти.	0,5 »	0,9 »
Сѣнокоса	0,6 »	0,3 »
Лѣса	4,7 »	0,3 »

Цифры эти, я думаю, не нуждаются въ какихъ либо комментаріяхъ: они ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какой характеръ нашли измѣненія въ степени земельной обезпеченности казачьяго населенія Суражскаго уѣзда въ теченіе истекшаго столѣтія.

Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи въ смыслѣ обезпеченности землею оказались за тотъ же періодъ времени двѣ другія группы, абсолютное количество земли которыхъ, какъ мы видѣли, сильно увеличилось.

Начнемъ съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ или такъ называемыхъ посполитыхъ.

Мы знаемъ уже, что абсолютное количество земли, состоящей во владѣніи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ или посполитыхъ, увеличилось болѣе чѣмъ три раза, поднявшись съ 23,794 д. до 95,052 д. въ 1882 г. Но какъ ни значительно это увеличеніе, оно, странно сказать, не повліяло сколько нибудь замѣтнымъ образомъ на степень земельнаго обезпеченія каждой отдѣльной хозяйственной единицы.

Сличая данныя обѣихъ описей только по девяти волостямъ [6]) изъ тѣхъ 14, гдѣ встрѣчалось и встрѣчается крестьянское населеніе, мы находимъ слѣдующее. Всей земли у крестьянъ указанныхъ волостей было въ 1767 году 21,627 дес. Изъ нихъ пахоти—4,917 дес., сѣнокосу—6,928 д. и лѣсу 9,119 д., другими словами, пахоть составляла около 22,3% всего количества земли, сѣнокосъ—около 32% и лѣсъ—около 42,1%. Въ 1882 году у крестьянъ тѣхъ же волостей мы находимъ возрастаніе площади владѣемой земли почти тройное противъ прошлаго. Имъ принадлежитъ около 66,429 дес., но распредѣленіе ихъ уже совершенно иное, чѣмъ въ XVIII в. Запашка разрослась въ сильной степени, въ размѣрѣ, почти въ шесть разъ превосходившемъ прежнюю, хотя и здѣсь, такъ же такъ и по отношенію къ казакамъ, это увеличеніе запашки произошло какъ на счетъ общинныхъ земель, такъ отчасти и тѣхъ лѣсовъ, которыя перешли въ подворную собственность крестьянъ. Пахоть занимала въ 1882 г. пространство въ 37,961 дес., что равняется 56,7% всей земли. За то сѣнокосы сократились до 27,4% (18,211 дес.), а лѣса—до 8,2% (5,485).

Прогрессъ въ культурѣ несомнѣненъ и здѣсь, какъ и въ случаѣ съ казаками. Но сопровождался ли онъ параллельнымъ усиленіемъ и земельнаго обезпеченія?

Цифры даютъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, узнавши, что число крестьянскихъ дворовъ равнялось въ 1767 г. 2,043, а въ 1882 г. возрасло до 7,714, что получаемъ мы при опредѣленіи надѣла на одинъ дворъ?

	Въ 1767 г.	Въ 1882 г.
Всей земли	10,5 десят.	8,6 десят.
Пахоти.	2,4 »	4,8 »
Сѣнокоса	3,3 »	2,3 »
Лѣса.	4,4 »	0,7 »

Очевидно, что, несмотря на абсолютное увеличеніе количества земли, находящейся теперь во владѣніи крестьянъ, надѣлъ на каждый дворъ въ дѣйствительности уменьшился сравнительно съ 1767 годомъ почти на двѣ десятины. Увеличилась, правда, запашка ровно вдвое, но на счетъ сѣнокоса, который уменьшился вдвое, и на счетъ отчасти лѣса, уменьшеніе котораго особенно рѣзко бросается въ глаза. Мы далеки, такимъ образомъ, отъ того сходства явленій экономической жизни, основываясь на которомъ г. Червинскій, а за нимъ и другіе, обобщили факты, представляемые однимъ уѣздомъ, на всю почти область, далеки отъ возможности признанія за Суражскимъ уѣздомъ факта измѣненій къ лучшему въ его экономическомъ состояніи и съ точки зрѣнія земельнаго обезпеченія теперь сравнительно съ прошлымъ. Несомнѣнно, положеніе крестьянства не ухудшилось въ отношеніи надѣленія землею въ такой степени, какъ ухудшилось положеніе казачьяго населенія, но несомнѣненъ также и тотъ фактъ, что въ разсматриваемомъ случаѣ положеніе его осталось почти неизмѣнившимся съ 1767 года.

Переходимъ теперь къ третьей и послѣдней группѣ, т. е. къ государственнымъ, бывшимъ монастырскимъ крестьянамъ.

Размѣръ ихъ земельнаго обезпеченія въ общихъ цифрахъ [7]) выражается въ слѣдующемъ видѣ.

Въ 1767 году на 966 дворовъ монастырскихъ крестьянъ приходилось всей земли безъ лѣса 5,396 десятинъ, въ 1882 г. на 6,378 дворовъ государственныхъ крестьянъ и въ тѣхъ же селахъ—57,169 д.; считая въ томъ числѣ и лѣсъ, очевидно, данный государственнымъ крестьянамъ позже, послѣ описи 1767 года. Отсюда, на 1 дворъ приходилось земли: въ 1767 году—$6,_7$ д., а въ 1882 г.—$8,_9$ дес. Это единственный выводъ, какой мы можемъ получить изъ приведенныхъ цифръ для нашей группы. Чтобы добиться болѣе детальныхъ выводовъ, намъ необходимо сдѣлать новое исключеніе, именно: оставить безъ разсмотрѣнія цѣлую волость (Верещанскую съ 8 селами), такъ какъ опись 1882 не даетъ никакихъ детальныхъ цифръ для отдѣльныхъ угодій, и ограничиться сравненіемъ лишь 21 селенія.

При этомъ мы получаемъ для 1767 г. 966 дворовъ, на которые всей земли приходилось 5,396 дес., а для 1882 года — 4,512 дворовъ съ 39,960 дес. земли. На одинъ дворъ приходилось въ 1767 году — $5,_6$ дес., въ 1882 году—$8,_8$ дес. Измѣненіе земельнаго обезпеченія съ 1767 г. къ 1882 году выражалось, затѣмъ, для пахоти и сѣнокоса слѣдующимъ образомъ:

Въ 1767 г. на 1 дворъ, при 2,731 д., количество пахоти равнялось $2,_8$ дес., а количество сѣнокоса, при 2,494 д.,—$2,_6$ дес. Въ 1882 г. цифры эти измѣнялись въ такомъ видѣ: пахоти на 1 дворъ, при 23,622 дес., было $5,_2$ д., сѣнокосу, при 9,715 дес., — $2,_1$ дес., а лѣсу, при 4,530 дес.,—1 дес. Но, чтобы получить вполнѣ точную картину измѣненій, мы должны исключить изъ сравненія лѣса, такъ какъ монастыр-

скіе крестьяне, какъ видно изъ описи, пользовались монастырскими лѣсами, куда они имѣли право въѣзда: факту собственности 1882 г. соотвѣтствовало право фактическаго пользованія лѣсомъ, и положеніе крестьянъ въ этомъ отношеніи отчасти уравновѣшивается для двухъ разсматриваемыхъ моментовъ.

Въ результатѣ мы получаемъ:

	Въ 1767 г.	Въ 1882 г.
Всей земли	5,6 десят.	7,6 десят.
Пахоти	2,8 »	5,2 »
Сѣнокоса	2,6 »	2,1 » 8)

Такимъ образомъ, земельное обезпеченіе разсматриваемой группы представляетъ собою несомнѣнный шагъ впередъ сравнительно съ прошлымъ вѣкомъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ селеній, которыя мы сравнивали. Фактъ этотъ не представляетъ собою ничего удивительнаго, и его можно было предугадать и a priori. Всѣ эти государственные крестьяне были въ XVIII в. монастырскими крестьянами. А извѣстно, что изъ всѣхъ группъ сельскаго населенія XVIII вѣка ни одна не была поставлена въ худшее экономическое положеніе и въ большую зависимость отъ владѣльца, чѣмъ монастырскіе посполитые. Въ громадномъ большинствѣ монастырскихъ селъ, крестьяне были надѣляемы монастырями землею крайне скудно, и въ то же время, какъ показываютъ описи селъ 1767 г., въ разныхъ мѣстностяхъ тогдашней Малороссіи, повинности, налагаемыя на нихъ, было больше, чѣмъ среди посполитыхъ владѣльческихъ. Барщина стояла у нихъ выше нормы данной мѣстности, доходя до 5, 6 дней въ недѣлю, или была совершенно произвольною, завися отъ усмотрѣнія монастырскаго приказчика или городничаго. Нигдѣ, какъ показываютъ вѣдомости румянцевской описи, количество побѣговъ и случаевъ перехода не было такъ значительно, какъ здѣсь. Для Суражскаго уѣзда, по даннымъ, которыя представляетъ книга г. Филимонова, ясно видно, что положеніе монастырскихъ крестьянъ въ смыслѣ земельнаго обезпеченія было наихудшимъ. Въ то время, когда на 1 казачій дворъ приходилось, какъ мы видѣли, около 52 дес., а на посполитскій — около $10^1/_2$ дес., каждый дворъ монастырскаго посполитаго владѣлъ всего $5^1/_2$ дес.

Но измѣненіе въ благопріятномъ смыслѣ земельнаго обезпеченія только одной группы населенія не вліяло и не могло вліять на общій характеръ всей мѣстности. Въ общей суммѣ сельскаго населенія уѣзда, монастырскіе крестьяне составляли сравнительно малую часть его. Изъ 35,598 душъ, насчитывавшихся въ 1767 году въ предѣлахъ теперешняго Суражскаго уѣзда, на долю монастырскихъ крестьянъ приходилось всего 10,514, или около $29,_5\%$. Не они давали, слѣдовательно, тонъ экономической жизни сельскаго населенія въ прошломъ вѣкѣ, какъ не даютъ ей и теперь, составляя $22,_4\%$ всего сельскаго населенія уѣзда.

II.

Обратимся теперь къ другому вопросу, имѣющему важное значеніе для характеристики экономическаго положенія населенія, къ вопросу о распредѣленіи земель, и посмотримъ, подверглось ли въ теченіе столѣтія землевладѣніе сельскихъ классовъ Суражскаго уѣзда какимъ либо существеннымъ измѣненіямъ, и если подверглось, то какимъ именно.

Относительно Кролевецкаго уѣзда г. Червинскій далъ рядъ весьма оригинальныхъ выводовъ въ этомъ отношеніи. Первую и главную особенность въ распредѣленіи земли, какъ оно существовало въ Малороссіи прошлаго столѣтія, онъ видитъ въ крайней неравномѣрности его, неравномѣрности, сказывающейся рѣзко не только между отдѣльными группами населенія, но и внутри каждой изъ группъ. Число безземельныхъ и многоземельныхъ хозяйствъ было въ XVIII в., по его словамъ, значительно большимъ, чѣмъ въ XIX в., а число хозяйствъ средняго размѣра, т. е. обладающихъ отъ 1 до 15 десятинъ, меньшимъ, чѣмъ теперь. Отсюда заключеніе, что въ періодъ времени съ 1767 по 1883 г. совершался процессъ сглаживанія неравномѣрности владѣнія, происходило «равненіе» его. Увѣренный въ общности изслѣдуемыхъ цыфръ, онъ создаетъ цѣлое обобщеніе на основаніи данныхъ одного уѣзда. «По общераспространенному мнѣнію, говоритъ онъ, принципъ частнаго землевладѣнія въ своемъ историческомъ развитіи неизбѣжно ведетъ къ подчеркиванію крайностей, къ сосредоточенію земель въ рукахъ немногихъ и къ обезземеленію массы; факты, касающіеся, правда, небольшаго района.... говорятъ совершенно обратное. Чрезъ сто лѣтъ дѣйствія обыкновенные способы наслѣдованія и продажи привели не къ подчеркиванію, а, наоборотъ, къ смягченію крайностей,—дали въ итогѣ гораздо болѣе равномѣрное распредѣленіе землевладѣнія сравнительно съ тѣмъ, которое было въ исходномъ пунктѣ. Очевидно, процессъ перехода многоземельныхъ хозяевъ въ разрядъ среднеземельныхъ, совершавшійся путемъ семейныхъ раздѣловъ, былъ сильнѣе обратнаго процесса—сосредоточенія земель путемъ покупки въ рукахъ наиболѣе зажиточныхъ хозяевъ» [9]).

Это—какъ бы новый законъ историческаго развитія поземельной собсвенности, данный Червинскимъ, примѣненіе котораго ко всей Малороссіи стоитъ внѣ сомнѣнія. Ясно, что если онъ прочно обоснованъ, то мы должны необходимо встрѣтить факты, подтверждающіе его и въ Суражскомъ уѣздѣ.

Принимая вмѣстѣ съ г. Червинскимъ для удобства сравненія Суражскаго уѣзда съ Кролевецкимъ размѣръ надѣла отъ 1 до 15 десятинъ за средній и все свыше 15 десятинъ за размѣръ, нарушающій равномѣрность владѣнія, посмотримъ, какія данныя сообщаютъ намъ обѣ подворныя описи Суражскаго уѣзда.

Количество всѣхъ безземельныхъ и огородниковъ составляло въ 1767 г. во всѣхъ трехъ группахъ населенія 1,556 дворовъ, въ 1882 году оно

равнялось въ тѣхъ селеніяхъ 1,061 двору. Дворовъ въ среднимъ надѣломъ насчитывалось въ 1767 г. — 2,687, а 1882 г.—14,311; дворовъ же съ надѣломъ свыше 15 до 100 въ 1767 было—397, а въ 1882 г.—2,404. Общее число дворовъ было въ 1767 году 4,795 [10]) д., 17,776 въ 1882 г.

Процентное отношеніе выразится:

	Для 1767 г.	Для 1882 г.
Безземельныхъ.	32,4%	6,0%
Отъ 1—15.	57,9%	80,5
Свыше 15 до 100	8,6	13,5
Свыше 100	0	0,03 (всѣхъ дворовъ 7)

Табличка эта показываетъ, что уменьшеніе произошло лишь относительно безземельныхъ. Число ихъ упало болѣе, чѣмъ въ 6 разъ сравнительно съ XVIII в. Но это уменьшеніе не пошло на «равненіе». Оно распредѣлилось между двумя группами, которыя обѣ увеличились. Крайности не сгладились, потому что размѣры крупнаго землевладѣнія вмѣсто ожидаемаго уменьшенія возросли болѣе чѣмъ въ полтора раза, и сверхъ того появился классъ, не существовавшій въ XVIII в. въ Суражскомъ уѣздѣ, классъ, владѣющій болѣе, чѣмъ 100 дес. на дворъ [11]).

Переходя къ каждой изъ группъ сельскаго населенія отдѣльно, мы получаемъ слѣдующія данныя.

Во первыхъ, для *казаковъ*, число дворовъ которыхъ было въ 1767 г.—256, въ 1882—900:

	Въ 1767 г.	Въ 1882 г.
Безземельныхъ	41—16%	48— 5,4%
Отъ 1—15.	150—59%	657— 73%
Отъ 15—100.	65—25%	194—21,5%
Свыше 100	0	1— 0,1%

Во вторыхъ, для посполитыхъ, бывшихъ помѣщичьихъ, число дворовъ которыхъ равнялось 2,972 [12]) въ 1767 г. и 10,838 въ 1882 г.:

	Въ 1767 г.	Въ 1882 г.
Безземельныхъ . . .	1,161—37,1%	799— 7,4 %
Отъ 1—15	1,626—54,7%	9,086—83,8 %
Отъ 15—100 . . .	185 – 6,2%	953— 8,8 %
Свыше.	0	5 – 0,0004%

Въ третьихъ, для государственныхъ, бывшихъ монастырскихъ [13]), число дворовъ которыхъ мы беремъ для 1767 г. 1,398, а для 1882 г.—5,878:

	Въ 1767 г.	Въ 1882 г.
Безземельныхъ . . .	353—25,2%	214— 3,5%
Отъ 1—15	909— 65%	4,423—75,2%
Отъ 15—100	136— 9,8%	1,240—21,3%
Свыше 100.	0	1—0,0001

Итакъ, и отдѣльныя группы даютъ тотъ же выводъ по Суражскому уѣзду, какъ и всѣ взятыя въ совокупности: о «равненіи» здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Если, правда, мы замѣчаемъ нѣкоторое, очень слабое паденіе крупныхъ хозяйствъ среди казаковъ, именно — на 4%, то, кромѣ извѣстнаго уже намъ факта ухудшенія ихъ экономическаго положенія въ XIX в., сравнительно съ 1767 годомъ, намъ слѣдуетъ указать на то, что сталось съ государственными крестьянами. Ихъ положеніе сравнительно улучшилось. Количество безземельныхъ упало почти за 22%, но убыль здѣсь пошла на сильное сравнительно повышеніе крайности въ видѣ крупнаго владѣнія. Въ то время какъ количество хозяйствъ средняго размѣра поднялось всего на $10,_2$%, количество крупныхъ увеличилось на $11,_5$%. Подобное же явленіе, хотя въ болѣе слабой степени, обнаруживается и среди крестьянъ—посполитыхъ: количество крупныхъ хозяйствъ увеличилось на $2,_6$% въ теченіе столѣтія.

Но если, вмѣсто того, чтобы соединять въ три группы разматриваемыя данныя, мы разобьемъ ихъ на отдѣльныя рубрики, т. е. на группы въ 1 до 5 д., въ 5 до 10 д. и т. д., то еще въ большей степени убѣдимся, что процессъ «равненія» вовсе не имѣлъ мѣста въ Суражскомъ уѣздѣ и что та же неравномѣрность владѣнія, какая существовала въ XVIII в., не только сохранилась и въ XIX в., но получила болѣе рѣзкій характеръ.

Представляемая табличка доказываетъ это вполнѣ ясно:

Сосл. группы.	Года.	Ч. дв. % 1—5 д.	Ч. дв. % 5—10 д.	Ч. дв. % 10—15 д.	Ч. дв. % 15—25 д.	Ч. дв. % 25—100 д.
Казаки . . .	1767	36—14,0	65—25,4	49—19,1	44—17,1	21—8,2
	1882	173—19,2	271—30,1	213—23,6	118—13,1	76—8,4
Крестьяне посполитые .	1767	661—22,2	674—22,6	291— 9,7	162— 5,8	23—0,7
	1882	1467—13,5	4681—43,1	2938—27,1	873— 8,0	80—0,7
Монаст. государ. крест.	1767	334—23,9	432—30,9	143—10,2	106— 7,5	30—2,1
	1882	1169—18,8	2062—35,0	1242—21,6	882—15,0	358—6,1

Изъ нея вытекаетъ прежде всего, естественный выводъ, что въ теченіе столѣтія обнаружилось стремленіе къ скопленію большаго количества земли въ рукахъ лишь нѣсколькихъ дворовъ. Въ XVIII вѣкѣ процентное отношеніе для группы 25—100 дес. давало для казаковъ $8,_2$%, въ XIX в.—$8,_4$%, а оставаясь для посполитыхъ неизмѣннымъ, оно сильно повысилось для государственныхъ крестьянъ: съ $2,_1$% оно возросло до $6,_1$. Если прибавимъ, что, какъ намъ извѣстно, въ XIX в. образовалась группа въ 7 хозяйствъ съ количествомъ земли болѣе 100 д. на дворъ, то фактъ указываемаго стремленія обнаружится еще яснѣе. Въ другой крайней группѣ, 15—25 д. на дворъ, стремленіе это сказывается съ полною силою для двухъ группъ, являясь здѣсь особенно рельефнымъ. У крестьянъ оно выражается здѣсь въ увеличеніи процентнаго отношенія съ $5,_8$% на 8%, а у государственныхъ крестьянъ—съ $7,_5$—на 15%, т. е. въ удвоенной степени.

Что касается до группъ, отнесенныхъ нами, согласно методу г. Червинскаго, къ землевладѣнію средняго типа, то цифры, относящіяся сюда, приводятъ къ весьма любопытнымъ выводамъ:

1) Какъ въ XVIII в., такъ и въ XIX в. максимальное мѣсто занимаетъ землевладѣніе, заключающееся въ предѣлахъ 5—10 д.

2) Процентное отношеніе одной группы землевладѣнія къ другой замѣтно измѣняется къ XIX в. Группа 1—5 д. стремится къ уменьшенію (главнымъ образомъ для крестьянъ и бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ), а на счетъ ея возрастаетъ въ значительныхъ размѣрахъ, какъ группа въ 5—10 д., такъ и въ особенности группа въ 10—15 дес. Другими словами, и здѣсь обнаруживается то же стремленіе къ постепенному скопленію большаго числа земли въ рукахъ одного двора. Мы присутствуемъ, очевидно, при крайне медленно движущемся въ одномъ направленіи процессѣ измѣненій, какъ онъ сказывается въ Суражскомъ уѣздѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ отъ 1 ко 2 группѣ повышеніе идетъ для крестьянъ обоихъ наименованій въ размѣрѣ 7% и 0,4% въ XVIII в., а въ XIX въ размѣрѣ почти 30% и 16%,—отъ 2 группы къ третьей оно въ XIX вѣкѣ измѣняется сравнительно съ XVIII вѣкомъ. Въ XVIII вѣкѣ оно падало до 12% и 20%, въ XIX вѣкѣ до 16% и 14%; далѣе это видно, если сопоставить данныя третьей группы (10—15 д.) въ XVIII в. съ данными той же группы въ XIX в. У казаковъ она поднялась съ 19,1% до 23,6%, у крестьянъ—съ 19,1%, до 27,1%, у государственныхъ крестьянъ съ 10,2% до 21,6%.

Таковы нѣкоторые изъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ приводитъ насъ сличеніе данныхъ двухъ описей по Суражскому уѣзду. Мы видѣли, что они находятся въ полномъ противорѣчіи съ выводами, полученными г. Червинскимъ по Кролевецкому уѣзду той же Черниговской губерніи. Пониженіе уровня земельной обезпеченности большей части сельскаго населенія съ одной стороны, зарождающееся стремленіе къ скопленію земли въ большемъ и большемъ количествѣ въ рукахъ одного хозяйства—вотъ тѣ двѣ существенныя черты, которыя характеризуютъ разсматриваемый уѣздъ. Но свойственно ли это лишь одному Суражскому уѣзду или нѣтъ, этого вопроса въ настоящую минуту мы рѣшить, повторяемъ опять, не можемъ, пока не будетъ собрано возможно большее количество данныхъ по разнымъ мѣстностямъ Малороссіи.

III.

Въ отношеніи земельнаго обезпеченія сельскаго населенія Суражскій уѣздъ, какъ мы видѣли, не даетъ никакихъ указаній, которыя давали бы намъ право считать положеніе сельскаго населенія измѣнившимся въ благопріятную сторону теперь, сравнительно съ XVIII в. Такъ же мало основаній для этого даетъ намъ и сопоставленіе данныхъ по части живыхъ

орудій земледѣлія, т. е. скота, все равно—идетъ ли рѣчь о рабочемъ союзѣ, или скотѣ, какъ средствѣ пропитанія.

Абсолютныя цифры, какъ и относительно земли, повидимому, являются благопріятными для современности. За 115 лѣтъ абсолютное количество скота возрасло и возрасло въ значительной мѣрѣ, разъ мы принимаемъ цифры скота, представляемыя румянцевскою описью. Общее количество воловъ вообще для сельскаго населенія уѣзда увеличилось болѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза: съ 813 оно поднялась до 1,447, число коровъ болѣе чѣмъ удвоилось: съ 9,084 возрасло до 23,363, лошадей—почти утроилось: съ 11,960 увеличилось до 38,830; мелкаго скота (овецъ, свиней и козъ)—учетверилось: съ 23,502—до 94,008. Но это возрастаніе абсолютнаго количества, какъ и въ случаѣ съ землею, не сопровождалось соотвѣтственнымъ возрастаніемъ относительнымъ, этимъ показателемъ размѣровъ и степени благопріятныхъ измѣненій въ экономической жизни данной мѣстности.

Среднее количество скота и на одинъ дворъ, и на 1 душу населенія ясно обнаруживаетъ, что если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ экономическія силы оставались въ стаціонарномъ состояніи, то за то въ другихъ—обнаружились въ теченіе столѣтія явные признаки ухудшенія.

Цифры говорятъ здѣсь сами за себя, представляя по Суражскому нѣчто мало похожее на то, въ чемъ стараются убѣдить насъ цифры, представленныя по Кролевецкому уѣзду г. Червинскимъ.

Беремъ прежде всего цифры скота для всего сельскаго населенія и по отдѣльнымъ рубликамъ [14]).

	Въ 1767 г.	На 1 дв.	На 100 душъ.	Въ 1882 г.	На 1 дв.	На 100 душъ.
Воловъ	813	0,17	2,2	1,512	0,08	1,3
Коровъ	8,976	1,8	25,2	23,301	1,3	20,9
Лошадей	11,891	2,5	33,4	34,689	1,9	31,2
Всего рабочаго скота	12,704	2,6	35,8	36,201	2,0	32,6
Овецъ	11,549	2,6	32,8	66,283	3,2	59,6
Свиней	10,821	2,2	30,5	22,964	1,3	20,6
Козъ	1,018	0,2	2,8	3,758	0,2	3,4
Всего мелкаго скота	23,388	4,9	65,7	93,005	5,2	83,7

Такимъ образомъ, по всѣмъ видамъ рабочаго скота, какъ видно изъ таблички, произошло въ теченіе столѣтія полное пониженіе въ размѣрѣ рабочей силы, все равно—будемъ ли мы разсматривать каждое отдѣльное хозяйство или все населеніе. Нѣкоторое улучшеніе замѣтно относительно мелкаго скота, но и здѣсь относительно одного изъ главныхъ предметовъ питанія произошло уменьшеніе почти на одну треть.

Отдѣльныя группы сельскаго населенія, разсматриваемыя отдѣльно, представляютъ почти ту же картину.

Такъ, относительно казаковъ мы находимъ слѣдующее: въ 1767 году

рабочаго скота (воловъ и лошадей) приходилось на 1 дворъ—почти 4 головы (3,8), а въ 1882 году—всего около 2 (2,2) коровъ, въ 1767 г.—2,5, а въ 1882 г.—1,3; мелкаго скота—въ 1767 г.—7 штукъ, а въ 1882 г.—уже около 6 (5,8) [15]). Почти то же даетъ намъ и группа посполитыхъ, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Если здѣсь количество воловъ на дворъ осталось неизмѣннымъ (по 0,1), за то уменьшилось число коровъ (1,8 въ 1767 г. и 1,2 въ 82 г.) и еще больше лошадей (съ 2,3 до 1,7), и лишь слабое движеніе впередъ обнаружилось относительно мелкаго скота (овецъ съ 1,9 до 3,2, свиней по 1,2 и козъ съ 0,1 до 0,2) [16]). Но за то относительно бывшихъ монастырскихъ, нынѣ государственныхъ крестьянъ, исчисленіе количества скота на дворъ даетъ совершенно неожиданный при фактѣ улучшенія ихъ поземельнаго обезпеченія выводъ: число головъ скота на одинъ дворъ по всѣмъ видамъ его безъ исключенія понизилось къ 1882 году. Именно: воловъ съ 0,3 на 0,04, коровъ съ 1,7 на 1,5, лошадей съ 2,9 на 2,3, овецъ съ 4,2 на 2,6, свиней съ 2,8 на 1,3, козъ съ 0,2 на 0,1 [17]), хотя пониженіе это было ничтожно, и, строго говоря, какого либо существеннаго колебанія въ количествѣ скота не произошло въ теченіе столѣтія.

Съ другой стороны, нѣтъ возможности подмѣтить и какихъ либо опредѣленныхъ измѣненій въ смыслѣ замѣны живой рабочей силы одного рода другою. Въ то время, напр., когда у казаковъ количество воловъ увеличилось на 1 вола на 100 душъ, у государственныхъ крестьянъ оно упало съ 4 до 1 вола, а между тѣмъ какъ у тѣхъ же казаковъ количество лошадей упало (на 100 душъ) съ 42 на 35, у государственныхъ крестьянъ, наоборотъ, оно какъ бы поднялось съ 32 на 38.

Такимъ образомъ, и въ случаѣ съ скотоводствомъ Суражскій уѣздъ далеко не представляетъ собою того, на что можно было бы разсчитывать, основываясь на тѣхъ выводахъ, которые даны относительно Кролевецкаго уѣзда. Если тамъ «на каждаго жителя приходится теперь всѣхъ разрядовъ скота больше, чѣмъ приходилось въ прошломъ вѣкѣ», то въ Суражскомъ дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ. И здѣсь, слѣдовательно, т. е. относительно скотоводства, обобщеніе вывода, сдѣланнаго на основаніи данныхъ лишь одной мѣстности, оказывается мало убѣдительнымъ.

Лишь въ одномъ отношеніи мы находимъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ, что имѣетъ мѣсто и въ Кролевецкомъ уѣздѣ. Я разумѣю болѣе равномѣрное распредѣленіе скота теперь, чѣмъ прежде. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ въ 1767 году процентное отношеніе дворовъ равнялось:

Безъ скота.	Съ мелкимъ скотомъ.	Безъ рабоч. скота.	Съ 1 рабоч. скотомъ.	2—3	4—6 и болѣе.
11,4	2,1	5,6	21,5	30,7	28,5

въ 1882 г. оно составляло:

Безъ скота.	Съ мелкимъ скотомъ.	Безъ рабоч. скота.	Съ 1 рабоч. скотомъ.	2—3	4—6 и болѣе.
5,1	2,7	6,4	27,7	43,5	14,6

Другими словами возросло число хозяйствъ съ 2—3 штуками рабочаго скота съ 30 на 43%, а уменьшилось почти вдвое число хозяйствъ съ болѣе значительнымъ числомъ рабочаго скота. Но за то не произошло особенно сильнаго уменьшенія числа хозяйствъ безъ рабочаго скота: въ 1767 г. оно составляло около 19%, въ 1882—около 14.

Замѣтнѣе всего это сказалось на группѣ казаковъ, у которыхъ сильно сократилось число хозяйствъ съ большимъ количествомъ рабочаго скота при увеличеніи числа хозяйствъ безъ рабочаго скота.

Въ то время, какъ число хозяйствъ съ большимъ числомъ скота уменьшилось болѣе чѣмъ въ два съ половиною раза, возросло почти вдвое число хозяйствъ съ среднимъ числомъ скота и увеличилось въ полтора раза число хозяйствъ безъ рабочаго скота.

Скота.	Безъ скота.	Съ мелкимъ скотомъ.	Безъ рабоч. скота.	Съ 1 рабоч. скотомъ.	2—3	4—6 и болѣе рабоч. скота.
Въ 1767 году.	7,0	0,3	3,5	10,6	26,5	52,3
» 1882 »	5,6	3,5	6,1	22,2	42,1	20,3

То же можно сказать и о крестьянахъ бывшихъ помѣщичьихъ [18]). И только лишь по отношенію къ государственнымъ, бывшимъ монастырскимъ, дѣло представляется нѣсколько въ иномъ видѣ. У нихъ процентъ хозяйствъ безъ рабочаго скота въ 1767 г. равнялся 16%, а въ 1882—13%, процентъ хозяйствъ съ большимъ количествомъ скота составлялъ въ 1767 г. 30%, а въ 1882 г. 23%, т. е. въ обоихъ случаяхъ количество обоихъ, хотя и слабо, понизилось. Но число хозяйствъ съ среднимъ количествомъ скота осталось почти неизмѣнныхъ, именно около 52—3% [19]).

IV.

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, подвергнуть сравненію тѣ формы землевладѣнія, которыя существовали въ Суражскомъ уѣздѣ въ XVIII в., съ тѣми, которыя существуютъ въ немъ теперь, узнать, были ли они одними и тѣми же, или здѣсь произошли какія либо измѣненія. Ни новая работа г. Филимонова, ни прежняя статья его не даютъ на этотъ

счетъ никакихъ указаній, которыми можно было бы воспользоваться. И это отсутствіе данныхъ на этотъ счетъ, данныхъ въ таблицѣ, составляетъ, по моему мнѣнію, крупный недостатокъ въ почтенной книгѣ г. Филимонова.

Дѣло въ томъ, что составленіе таблицъ для 1767 г. совершенно также и по тѣмъ же рубрикамъ, которыя созданы для описей современныхъ, какъ ни велики удобства, представляемыя имъ для сравненія, страдаетъ, однако, однимъ недостаткомъ: такія таблицы не даютъ намъ ровно никакого понятія о характерѣ поземельныхъ и семейныхъ отношеній, отымаютъ всякую возможность узнать, чисто ли подворное владѣніе или какая либо иная форма владѣнія существовала въ XVIII в., существовали ли крупные семейные союзы съ общею землей и хозяйствомъ или нѣтъ, и если существовали, то какой процентъ всѣхъ семей и дворовъ составляли они, былъ ли дворъ или семья основою поземельнаго строя или нѣтъ и т. д. Между тѣмъ, всѣ эти, особенно характерныя данныя, именно и не внесены г. Филимоновымъ ни въ таблицу, ни въ особую группу.

Правда, изъ работы г. Филимонова о «формахъ землевладѣнія въ Суражскомъ уѣздѣ» видно, что онъ какъ бы отрицаетъ самое существованіе указанныхъ выше явленій, считаетъ основою, напр., держанія земли лицо, рабочаго, а не дворъ, выражаясь при этомъ объ общихъ земляхъ, что это — «какія-то общія нераздѣльныя земли» [20]), что и понятно, если вспомнить, что вся статья г. Филимонова была направлена къ опроверженію мнѣнія о существованіи въ Малороссіи общиннаго землевладѣнія.

Но дѣло въ томъ, что положенія г. Филимонова были уже однажды подвергнуты весьма основательной критикѣ, такимъ знатокомъ исторіи поземельныхъ отношеній, какъ Кейслеръ [21]), и оставить ихъ безъ вниманія представляется со стороны г. Филимонова довольно страннымъ. И это въ особенности потому, что въ своей же новой книгѣ онъ самъ приводитъ нѣсколько документовъ, въ высокой степени характерныхъ, ясно указывающихъ на особенности формъ землевладѣнія, не сходныхъ съ чисто подворными и существовавшихъ въ Суражскомъ уѣздѣ. Я говорю о документахъ, гдѣ мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу выраженія «умѣстные полосы», «отчинныя полосы», «отчезние подѣли», «недѣленние шматки», «не шнуровые, не помиринние» и т. п., или гдѣ мы читаемъ, что цѣлое село учиняетъ раздѣлъ дубровамъ и лѣсамъ по пропорціямъ грунтовъ и т. п. А эти документы ясно указываютъ на особую систему пользованія землею, основанною на пропорціональномъ, а не равномъ надѣлѣ. Далѣе въ тѣхъ томахъ румянцевской описи, которыми пользовался г. Филимоновъ и которые были у меня въ рукахъ, нерѣдко можно найти село, гдѣ изъ описи подворной видно, что надѣлы на дворъ находились въ довольно правильномъ отношеніи другъ къ другу, напр., хотя бы с. Засухи (т. 125), гдѣ надѣлы пахоти на дворъ выражены въ цифрахъ: $1^1/_2$ четверти, 3 чет., 6 чет., 9 чет. и 12 чет. Прослѣдить эти факты по описямъ, отмѣтить ихъ, свести въ одно цѣлое —

представляло бы въ высшей степени цѣнную работу, которой то, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ г. Филимоновъ. Привыкши разсчитывать на рабочую душу при составленіи подворной описи, онъ тотъ же разсчетъ внесъ и въ опись XVIII в., забывая, что единицею строя и тогда, какъ и раньше, былъ дворъ и что исчисленіе размѣровъ надѣла на дворы и сопоставленіе ихъ между собою и есть единственно вѣрный путь изслѣдованія. Вѣдь и теперь въ казачьихъ общинахъ, напр., Золотоношскаго уѣзда, подѣлъ «помирковъ» производится на *хату*, а не на душу. Какіе выводы получились бы для такой общины при разсчетѣ на душу? А такіе-то разсчеты на души и затемнили дѣйствительные факты, и г. Филимоновъ не счелъ нужнымъ дать ихъ въ своей, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ весьма цѣнной работѣ.

Въ заключеніе отмѣчу двѣ—три погрѣшности автора. Во первыхъ, нѣсколько странно, почему г. Филимоновъ въ списокъ селъ, владѣвшихъ общинными землями въ XVIII в., внесъ села, не входившія въ составъ Суражскаго уѣзда (напр., Денисковичи, Ропскъ, Симеоновка и т. д.). Слѣдовало отмѣтить уѣздъ, къ которому они относятся. Во вторыхъ, авторъ и въ новой книгѣ повторяетъ ошибку, сдѣланную въ статьѣ о «формахъ землевладѣнія». На 27 стр. подъ № 52, онъ приводитъ свѣдѣніе объ «общемъ грунтѣ казачемъ, лѣсовомъ сѣнокосѣ», не называя села. Въ статьѣ онъ говоритъ, что вырванъ первый листъ, гдѣ стояло названіе села (IX, 42), но листъ вовсе не вырванъ, а цѣлъ, между нимъ и дальнѣйшею описью вклеенъ документъ, съ бѣлой задней стороной, и онъ то ввелъ въ заблужденіе г. Филимонова. Село, о которомъ идетъ рѣчь, есть Великая Топаль (т. 115).

---

1) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Черниговской губерніи. Т. IX. Суражскій уѣздъ. Черниговъ. 1883.

2) Еще существовали и раскольники, но я выключилъ ихъ изъ сравненія.

3) За исключеніемъ одного села, Ворежъ, вѣдомости котораго нѣтъ. Данныя, касающіяся казаковъ этого селенія, исключены.

4) Цифры эти не вполнѣ совпадаютъ съ общимъ количествомъ земли, такъ какъ по нѣсколькимъ селамъ не дано въ описи отдѣльныхъ цифръ, а показана земля вообще.

5) Я вынужденъ, вслѣдствіе отсутствія въ описи 1882 г. данныхъ по отдѣльнымъ угодьямъ, выключить изъ сравненія еще 2 села; оттого цифры здѣсь нѣсколько уменьшены: исключено изъ общаго числа земли 1767 года 726 д., принадлежавшихъ этимъ двумъ селамъ, состоявшимъ въ 1767 г. изъ 23 дворовъ, а съ 1882 г.—изъ 83 дворовъ.

6) Сличеніе сдѣлано только по этимъ волостямъ, такъ какъ въ описи 1882 г. для остальныхъ волостей нѣтъ детальныхъ данныхъ о землевладѣніи, а приведена лишь общая сумма земли для села.

7) Мы беремъ для сравненія не всю сумму монастырскихъ крестьянъ въ 1767 г. и не всю сумму государственныхъ въ 1882 г., а лишь крестьянъ обѣихъ описей въ тѣхъ деревняхъ и селахъ, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ

другъ другу, т. е. гдѣ въ описи 1767 г. значится, что крестьяне были монастырскіе, а въ описи 1882 г.,—что они государственные. Оттого изъ 1,412 дв. 1767 г. мы беремъ лишь 966, а изъ 6,002 дв. описи 1882 г. лишь 4,512, чтобы сравнить однородныя величины.

[8]) Но относительно с. Косичи имѣется относительно 1767 г. свѣдѣніе, что крестьяне владѣли 1,624 д. земли и еще 287 д. пахоти сверхъ земли при дворахъ; причитывая эту землю къ общему числу земли, получаемъ на 1 дворъ уже 7,2 д. вмѣсто 5,6 д., или количество земли, равное современному. Это показываетъ, какъ сильно измѣнилась бы цифра при введеніи общинныхъ земель.

[9]) Кролевецкій уѣздъ, стр. 92.

[10]) Сюда включены и тѣ 155 дворовъ, о точномъ количествѣ земли которыхъ нѣтъ данныхъ въ румянцевской описи. Количество дворовъ, взятое для сравненія, равняется въ 1767 г. 4,640. Процентъ безземельныхъ вычисленъ по полному числу дворовъ. Къ процентному отношенію двухъ группъ слѣдовало бы прибавить и процентъ отъ 155.

[11]) Всѣмъ 7 дворамъ въ совокупности принадлежитъ 1,135 десятинъ, 1 казачій дворъ съ 296 д. См. таблицу Суражскаго уѣзда, стр. 81.

[12]) Всего было дворовъ 3,127, но изъ этого числа исключено 155 дв., о количествѣ земли которыхъ нѣтъ свѣдѣній. Они приняты въ разсчетъ лишь для опредѣленія процента безземельныхъ. Та же поправка въ пользу XVIII вѣка требуется и здѣсь.

[13]) Сопоставленіе сдѣлано только между селами, населенными въ 1767 г. — монастырскими, а въ 1882 г.—государственными крестьянами. Остальныя села, не сходныя по населенію въ 1767 и 1882 гг., откинуты.

[14]) Разсчетъ сдѣланъ по общимъ цифрамъ дворовъ въ 1767 г.—4,795, населенія въ 1767 г.—35,598, и дворовъ въ 1882 г. 17,745 и населенія въ томъ же году—111,078.

[15]) На 100 душъ населенія это дастъ для 1767 г. рабочаго скота: воловъ (14)—0,5, коровъ (81)—28,1, лошадей (1033)—42,1, овецъ (1,149)—46,8, свиней (751)—30,6, козъ (11)—0,4. Въ 1882 г. на 100 душъ—воловъ (81)—1,4, коровъ (1,175)—19,1, лошадей (1,959)—35,3, овецъ (4,143)—70,4, свиней (1,111)—19,8, козъ (20)—0,3. При населеніи: 245 душъ и 5,599.

[16]) На 100 душъ въ 1767 г.: воловъ (376)—1,6 коровъ (5,879)—25,9, лошадей (7,413)—32,7, овецъ (6,116)—27, свиней (6,124)—27,4, козъ (608)—2,7. Въ 1882 г.—воловъ (1,137)—1,7, коровъ (13,019)—19,4, лошадей (18,503)—27,6, овецъ (37,090)—55,5, свиней (13,453)—20,1 и козъ (2,383)—3,5. При населеніи 22,633 и 66,814 душъ.

[17]) На 100 душъ въ 1767 г.—воловъ (421)—4, коровъ (2,406)—22,9, лошадей (3,420)—32,6, овецъ (5,980)—56,9, свиней (3,937)—37,5, козъ (399)—3,8. Въ 1882 г.—воловъ (291)—около 1, коровъ (8,969)—24,6, лошадей (14,004)—38,4, овецъ (15,364)—42—1, свиней (8,041)—22, козъ (1,128)—3. При населеніи въ 10,493 души и 36,455.

		Б. ск.	Съ мелк. ск.	Б. раб. ск.	Съ 1.	Съ 2—3	Съ 4 и болѣе.
[18]) У нихъ было. .	1767 г.	13,0	1,9	5,7	22,9	30,5	25,8
	1882 »	5,7	2,9	5,9	32,4	43,6	9,5

		Б. ск.	Съ мелк. ск.	Б. раб. ск.	Съ 1.	Съ 2—3	Съ 4 и болѣе.
[19])	1767 г.	8,6	2,0	5,6	21,5	32,3	30,0
	1882 »	4,0	2,2	7,2	19,7	43,2	23,7

[20]) Матеріалы и пр. IX, 42.

[21]) Keussler, Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland. S.-Petersburg, 1887, 3 Theil, стр. 112, прим. 4. «Filimonov hätte in seiner fleissigen Studie mehr Resultate gefördert, wenn er nicht von der irrthümlichen Voraussetzung ausginge, als ob nur freier individueller oder grossrussische Gemeindebesitz, aber keine dritte Grundbesitzform bestehen könne. Er glaubt dort individuellen Grundbesitz —im Gegensatz zu den anderen Gemeinden mit Gemeindebesitz, — zu finden, wo er verkauft wird etc. In Wirklichkeit aber haben wir es wohl überall hier mit demselben Grundbesitzrecht, dem markgenossenschaftlichen, zu thun, wobei nicht ausgeschlossen ist, dass der grössere Grundbesitz im Laufe der Zeiten aus dem markgenossenschaftlichen Verbande ausschied und dass hier und da wol auch Einzelansiedelungen sich ihre gesonderte und selbständige Stellung erhalten haben mögen».

И. Лучицкій.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВѢЧНОСТЬ ВЪ САМАРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Этимъ названіемъ, въ отличіе отъ надѣльной земли, доставшейся крестьянамъ по уставнымъ грамотамъ, обозначаютъ въ нашей мѣстности ту часть крестьянскаго землевладѣнія, которую они пріобрѣли въ собственность по купчимъ крѣпостямъ. До открытіи самарскаго отдѣленія крестьянскаго банка, т. е. до 1885 г., пріобрѣтеніе крестьянами вѣчностей, т. е. покупка внѣ-надѣльныхъ земель совершалась безъ всякой посторонней помощи откуда бы то ни было; до этого времени они въ данномъ случаѣ были оставлены на произволъ судьбы, своихъ собственныхъ силъ и средствъ; ничѣмъ инымъ, какъ только этимъ обстоятельствомъ, можно объяснять незначительную величину крестьянской вѣчности, составляющей въ Самарскомъ и Ставропольскомъ уѣздахъ всего $2,_4\%$ надѣльной земли. Не принимая во вниманіе увеличеніе народонаселенія, происшедшее со времени послѣдней ревизіи (1859 г.), землевладѣніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ этихъ двухъ уѣздовъ, составляющихъ 24% всего населенія, уменьшилось на 46% сравнительно съ тѣмъ, что они имѣли до 1861 г. (см. «Труды Ревизіонныхъ Коммиссій» т. XV), такъ какъ значительная часть ихъ получила дарственный надѣлъ, а другая часть неполный нормальный. Достаточно одного этого факта, чтобы убѣдиться въ существованіи стремленія къ расширенію своего землевладѣнія при помощи покупки внѣ-надѣльныхъ земель; если оно такъ плохо осуществляется, то во всякомъ случаѣ не за отсутствіемъ желанія со стороны крестьянъ. Насколько именно этимъ путемъ удовлетворяется стремленіе къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, можно судить по тѣмъ даннымъ, что купчей земли на ревизскую душу приходится всего $0,_{13}$ д., на наличную $0,_{09}$, на работника $0,_{18}$ и на хозяйственную единицу $0,_{27}$ дес.; нужно приводить сотыя доли, чтобы не ускользнула отъ вниманія ея роль въ измѣненіи средняго размѣра землевладѣнія надѣльной землей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея вліяніе на хозяйственныя условія, зависящія отъ послѣдней. Но если въ общемъ строѣ крестьянскаго хозяйства роль купчей земли такъ ограничена и ея вліяніе такъ ничтожно, то для домохозяевъ, владѣющихъ вѣчностью, число которыхъ достигаетъ

$4^0/_0$ общаго числа, она имѣетъ несомнѣнно существенное значеніе, увеличивая средній размѣръ такихъ хозяйственныхъ единицъ почти на 7 десятинъ ($6,_8$). Во всякомъ случаѣ весьма интересно выяснить тѣ условія и обстоятельства, при которыхъ является возможность расширенія крестьянскаго землевладѣнія на счетъ чужихъ земель, пріобрѣтеніемъ ихъ въ вѣчность по купчимъ крѣпостямъ при полнѣйшемъ отсутствіи кредита или какой бы то ни было помощи со стороны, какъ это было въ Самарской губерніи до открытія крестьянскаго банка, слѣдовательно, единственно на средства, доставляемыя исключительно самимъ крестьянскимъ землевладѣніемъ; не менѣе интересно также выяснить то вліяніе, какое можетъ оказать въ данномъ случаѣ пользованіе кредитомъ въ той формѣ, въ какой предоставляетъ его крестьянскій банкъ. Въ нашемъ распоряженіи имѣлось слишкомъ мало матеріала, чтобы разобрать эти вопросы съ той полнотой и обстоятельностью, какую они заслуживаютъ сами по себѣ, и по тому значенію, какое они имѣютъ въ крестьянской жизни и крестьянскомъ хозяйствѣ; наша задача болѣе скромная, и ее можно считать рѣшенной, если удастся возбудить въ читателѣ любопытство къ указаннымъ явленіямъ.

I.

Какъ ни мало удѣлено вниманія земскими статистиками вопросу о купчей землѣ, но всетаки въ «Сборникахъ» по Самарскому и Ставропольскому уѣздамъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія, не лишенныя интереса и поучительности. По этимъ свѣдѣніямъ оказывается, что двѣ трети ($67^0/_0$) купчей земли приходится на Самарскій уѣздъ и только одна треть ($33^0/_0$) падаетъ на долю Ставропольскаго, соразмѣрно съ чѣмъ купчая земля перваго уѣзда, пріобрѣтенная $5,_4{}^0/_0$ общаго числа домохозяевъ, составляетъ $2,_7{}^0/_0$ по отношенію къ надѣльной, а во второмъ, купленная $2,_8{}^0/_0$ общаго числа домохозяевъ,—всего $1,_3{}^0/_0$ надѣльной земли; значеніе же ея для всего крестьянскаго землевладѣнія выражается въ Самарскомъ уѣздѣ $0,_{39}$ дес. на хозяйственную единицу, а въ Ставропольскомъ $0,_{16}$ дес., т. е. опять таки въ два раза менѣе; между тѣмъ значеніе купчей земли собственно для домохозяевъ, участвовавшихъ въ покупкѣ, въ обоихъ уѣздахъ почти одинаково, такъ какъ въ первомъ на каждаго купившаго домохозяина приходится $7,_3$ д., а во второмъ 6 д., т. е. разница всего на одну десятину. Послѣднее обстоятельство заслуживаетъ нѣкотораго вниманія съ той стороны, что могло бы служить указаніемъ на то, что покупщиками земли являются главнымъ образомъ домохозяева приблизительно одинаковой покупной способности, т. е. одинаковой имущественной состоятельности, если бы дальнѣйшій анализъ того же явленія не показалъ случайности этого совпаденія.

Если бы мы имѣли подворный списокъ купившихъ землю домохозяевъ, то вопросъ о ихъ имущественной состоятельности рѣшался бы очень

легко, можно сказать, самъ собой; но такъ какъ въ «Сборникахъ» принята пообщинная сводка, то прямой характеристики покупщиковъ сдѣлать невозможно: приходится прибѣгать къ косвеннымъ указаніямъ, къ характеристикѣ не домохозяевъ, купившихъ землю, а цѣлыхъ общинъ, къ которымъ эти домохозяева принадлежатъ. При томъ исключительномъ значеніи земледѣлія, какое наблюдается въ сѣверо-восточномъ углу Самарской губерніи, за полнѣйшимъ отсутствіемъ другихъ видовъ производительной дѣятельности населенія, земля и сельскохозяйственная промышленность составляютъ рѣшительно всѣ условія благосостоянія этого населенія, и средній уровень этого благосостоянія находится въ полной зависимости отъ средняго размѣра надѣла общинъ. Поэтому, казалось бы, что количество купчей земли въ общинахъ должно находиться въ прямой зависимости отъ размѣра душеваго надѣла; да оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ, если разсматривать всю вообще купчую землю и при томъ саму по себѣ безъ отношенія ея къ надѣльной. Такъ на общины съ надѣломъ на ревизскую душу:

менѣе 4 дес.	купчей	земли	приходится	$22{,}_6\%$,	а на	купив. дом.	$4{,}_3$ дес.
отъ 4 до 8 »	»	»	»	$33{,}_2\%$,	» »	» »	$7{,}_8$ »
болѣе 8 »	»	»	»	$44{,}_2\%$,	» »	» »	$8{,}_3$ »

При этомъ условіи, какъ показываютъ только что приведенныя цифры, не только общее количество купчей земли, но и доля ея на каждаго купившаго домохозяина находится въ прямой зависимости отъ существующаго въ общинѣ надѣла, другими словами — отъ уровня благосостоянія и зажиточности данной общины. Но вотъ зависимость уже нарушается въ распредѣленіи числа купившихъ землю домохозяевъ, которыхъ въ первой группѣ находится $35{,}_5\%$ общаго ихъ числа, во второй — нѣсколько менѣе $28{,}_5\%$, а въ третьей опять $36{,}_0\%$. Это обстоятельство не можетъ не служить указаніемъ на необходимость нѣкоторыхъ поправокъ въ резюмированномъ выше положеніи: необходимость эта становится болѣе очевидной, если разсматривать купчую землю и число покупщиковъ по отношенію къ общему количеству надѣльной земли и надѣльныхъ домохозяевъ. Съ этой точки зрѣнія въ общинахъ съ надѣломъ на ревизскую душу:

менѣе 4 дес.	куп.	зем.	состав.	$12{,}_1\%$	надѣл.,	а купив.	дом.	$10{,}_7\%$	общ.	числа.
отъ 4 до 8 »	»	»	»	$1{,}_1\%$	»	»	»	$1{,}_7\%$	»	»
болѣе 8 »	»	»	»	$2{,}_5\%$	»	»	»	$6{,}_0\%$	»	»

Понятно, почему значеніе купчей земли по отношенію къ надѣльной такъ велико въ общинахъ малоземельныхъ, но непонятно, почему она менѣе важна въ общинахъ съ среднимъ размѣромъ надѣла, чѣмъ въ общинахъ съ высшимъ надѣломъ. Разсматривая процентъ купившихъ домохозяевъ за выраженіе стремленія къ расширенію землевладѣнія покуп-

кой внѣ-надѣльныхъ земель, понятно, почему это стремленіе должно быть больше въ первой группѣ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ, но не понятно, почему оно меньше во второй сравнительно съ третьей, болѣе обезпеченной надѣльной землей.

II.

Для разъясненія этихъ противорѣчій, необходимо предварительно обратить вниманіе на условія, при которыхъ совершаются покупки внѣ-надѣльныхъ земель. Пріобрѣтеніе вѣчностей крестьянами возможно или въ формѣ покупки цѣлымъ обществомъ, или товариществомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ болѣе зажиточныхъ домохозяевъ, или, наконецъ, отдѣльными лицами данной общины. Въ экономическихъ таблицахъ «Сборниковъ» отмѣчены только однѣ общественныя покупки, два же остальные вида покупокъ—товариществами и отдѣльными домохозяевами—не раздѣлены между собой, такъ что поневолѣ приходится ограничиться раздѣленіемъ всей купчей земли на двѣ группы: купленную цѣлыми обществами и отдѣльными домохозяевами, внося въ послѣднюю группу и ту часть земли, которая пріобрѣтена товариществами, при чемъ весьма вѣроятно, что послѣдніе случаи были гораздо чаще.

Большая часть крестьянской вѣчности, 88% всего ея количества, пріобрѣтена отдѣльными домохозяевами или товариществами ихъ, а на долю общественныхъ покупокъ приходится сравнительно незначительная часть—12%; на каждаго купившаго домохозяина въ первомъ случаѣ приходится слишкомъ по 20 дес., а во второмъ всего по $1,_1$ дес.; въ обратномъ отношеніи распредѣляются сами покупщики; тогда какъ изъ общаго числа купившихъ домохозяевъ въ товарищескихъ и отдѣльныхъ покупкахъ участвовало всего $28,_2$%, въ общественныхъ покупкахъ — $71,_2$%. По уѣздамъ разница только въ степени проявленія; такъ въ Самарскомъ отдѣльными лицами и товариществами пріобрѣтено $84,_8$% всей земли и на каждаго приходится по 15 дес., а въ Ставропольскомъ тотъ же видъ покупокъ обнимаетъ собой $94,_2$% и среднiй размѣръ каждой покупки около 77 дес., такъ какъ нѣкоторые крестьяне пріобрѣли цѣлыя имѣнія, болѣе чѣмъ въ тысячу десятинъ. Отдѣльно купившіе домохозяева и товарищества составляютъ въ первомъ уѣздѣ 28% общаго числа домохозяевъ, а во второмъ всего $8,_4$%; остальные же домохозяева участвовали въ общественныхъ покупкахъ. Большее количество купленной отдѣльными лицами или товариществами земли сравнительно съ тѣмъ, что пріобрѣтено цѣлыми обществами,—вещь очень понятная сама по себѣ, такъ какъ для общественной покупки, кромѣ денежныхъ средствъ въ достаточномъ количествѣ, необходимо еще существованіе многихъ другихъ моментовъ, которые отсутствуютъ при покупкѣ отдѣльными лицами; здѣсь, кромѣ согласія цѣлаго общества, котораго труднѣе достичь, чѣмъ согласія нѣсколькихъ, напр., домохозяевъ, нужно еще, чтобы по-

купаемый участокъ обладалъ особыми условіями своего положенія по отношенію къ надѣльной землѣ, напр., для прогона и пастьбы скота и пр. При нѣкоторыхъ условіяхъ, если участокъ больше минимальнаго размѣра, допускаемаго нашими земельными банками, и заложенъ въ одномъ изъ нихъ, отдѣльные крестьяне-домохозяева при покупкѣ такого участка, могутъ пользоваться долгосрочнымъ кредитомъ, тогда какъ цѣлыя общества лишены этой возможности. За отсутствіемъ кредита, пріобрѣтеніе крестьянами вѣчностей могло совершаться только на ихъ собственныя средства, на ихъ сбереженія, которыя, во всякомъ случаѣ, должны быть съ крестьянской точки зрѣнія довольно значительны. Въ самомъ дѣлѣ при покупкѣ 20 дес. въ Самарской губерніи нужно израсходовать по меньшей мѣрѣ около 700 руб. (по даннымъ крестьянскаго банка—средняя цѣна десятины, купленной при его посредствѣ,—около 37 руб.). Предполагая наиболѣе льготныя условія платежа денегъ, крестьянину покупщику во всякомъ случаѣ нужно имѣть, по крайней мѣрѣ, до 300 р. наличными деньгами. Если ихъ нѣтъ въ завѣтной кубышкѣ, то и мечтать о прикупкѣ землицы мужику не приходится; если же онъ для срочныхъ платежей будетъ принужденъ занимать деньги у ростовщиковъ, то пиши пропало и своимъ сбереженіямъ, такъ какъ занятый капиталъ здѣсь оплачивается чисто жидовскими процентами; по даннымъ земской статистики, средній процентъ въ Самарскомъ уѣздѣ не болѣе, какъ 40 на сто, въ отдѣльныхъ же случаяхъ колеблется отъ 15 до 150% годовыхъ.

Такимъ образомъ, чтобы покупка состоялась, крестьянину необходимо имѣть значительную для него денежную сумму, слѣдовательно—имѣть извѣстную степень зажиточности; зажиточность же мѣстнаго населенія и степень его благосостоянія, при исключительномъ значеніи земледѣльческой промышленности, находится въ полной зависимости отъ условій землевладѣнія. Какія же это условія, наиболѣе благопріятныя для пріобрѣтенія вѣчности? Ограничиваясь однимъ Самарскимъ уѣздомъ, посмотримъ, какія отношенія существуютъ между купчей землей и размѣромъ надѣла тѣхъ общинъ, гдѣ отдѣльные домохозяева или товарищества ихъ въ состояніи были пріобрѣсти вѣчность. Въ общинахъ съ надѣломъ на ревизскую душу:

менѣе 2	дес.	куплено земли	0,0%,	купившихъ	домохозяевъ	0,0%
отъ 2 до 4	»	»	0,1%,	»	»	0,1%
» 4 » 6	»	»	15,3%,	»	»	1,3%
» 6 » 8	»	»	34,1%,	»	»	75,8%
» 8 » 10	»	»	27,9%,	»	»	15,9%
болѣе 10	»	»	22,3%,	»	»	6,9%

Собственно прямой зависимости между величиной надѣла и количествомъ купчей земли и числомъ купившихъ домохозяевъ не наблюдается; оставаясь на почвѣ фактовъ, можно только сказать, что необходимымъ условіемъ покупки земли отдѣльными лицами или товариществами яв-

ляется извѣстный размѣръ надѣла въ общинѣ, во всякомъ случаѣ, никакъ не менѣе 4 дес. на ревизскую душу, такъ какъ въ общинахъ съ меньшимъ надѣломъ ни покупщиковъ, ни купчей земли почти не существуетъ: въ такихъ общинахъ вся купчая земля пріобрѣтена цѣлыми обществами, а не отдѣльными домохозяевами. Но разъ существующій надѣлъ болѣе указаннаго minimum'а, въ общинѣ являются домохозяева, которые въ состояніи купить землю въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ; однако, число такихъ лицъ и количество пріобрѣтенной ими земли не только не увеличивается параллельно съ увеличеніемъ надѣла общины, а скорѣе можно сказать, уменьшается; чтобы не дѣлать преждевременныхъ заключеній, констатируемъ лучше тотъ фактъ, что большая часть крестьянской вѣчности, 62%, т. е. почти двѣ трети ея количества, и громаднѣйшее число домохозяевъ, имѣющихъ эту вѣчность, слишкомъ 90% общаго ихъ числа, находятся въ тѣхъ общинахъ, которыя имѣютъ надѣлъ отъ 6 до 10 дес. на ревизскую душу, или отъ 15 до 18 дес. на хозяйственную крестьянскую единицу. Такая осторожность далеко не лишняя въ томъ отношеніи, что покупка земли членами даннаго общества обусловливается не только среднимъ уровнемъ его благосостоянія, о чемъ и можно судить по величинѣ надѣла, но и большей или меньшей равномѣрностью его распредѣленія внутри самаго общества; покупать землю въ состояніи только наиболѣе богатые крестьяне, а разъ въ общинѣ есть богатые, должны быть и бѣдные, т. е. должно существовать неравномѣрное распредѣленіе благосостоянія, и чѣмъ больше и рѣзче эта неравномѣрность, тѣмъ скорѣе можно встрѣтить въ подобной общинѣ, даже при сравнительно низшемъ уровнѣ зажиточности, т. е. при меньшемъ надѣлѣ, большее количество крестьянской вѣчности. До чего можетъ доходить неравномѣрность распредѣленія благосостоянія внутри общества, можно судить по слѣдующимъ даннымъ относительно одной общины Самарскаго уѣзда. Изъ 495 домохозяевъ этой общины:

122	имѣютъ	по	1	душев.	надѣлу.	22	имѣютъ	по	4	душев. надѣла.
23	»	»	1½	»	»	2	»	»	4½	» »
101	»	»	2	»	»	6	»	»	5	» »
11	»	»	2½	»	»	2	»	»	6	» »
60	»	»	3	»	»	1	»	»	7	» »
1	»	»	3½	»	»					

Если въ этой общинѣ душевой надѣлъ равенъ 8 дес., то послѣдніе девять домохозяевъ, владѣя 40—56 дес. надѣльной земли, легко могутъ имѣть достаточно сбереженій для пріобрѣтенія въ вѣчность внѣ надѣльныхъ земель въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ. Къ сожалѣнію, относительно общинъ, имѣющихъ вѣчность, нельзя привести ни одного факта распредѣленія душевыхъ надѣловъ между домохозяевами, такъ что прямой путь въ этомъ направленіи является закрытымъ для насъ и поневолѣ приходится прибѣгать къ косвеннымъ указаніямъ.

Обыкновенно считаютъ за мѣрило благосостоянія крестьянина домохозяина число имѣющихся у него лошадей, и это тѣмъ болѣе справедливо для Самарскаго и Ставропольскаго уѣздовъ, что лошадь является здѣсь исключительно рабочимъ животнымъ; не входя въ дальнѣйшія доказательства этого положенія, будемъ считать, что процентъ безлошадныхъ домохозяевъ въ общинѣ указываетъ на уровень бѣдности общины; процентъ домохозяевъ, имѣющихъ отъ одной до трехъ лошадей, служитъ указаніемъ средней зажиточности ея, и, наконецъ, процентъ домохозяевъ, обладающихъ болѣе чѣмъ тремя лошадьми, указываетъ на высшую степень благосостоянія.

III.

Спрашивается теперь, въ какомъ же отношеніи къ этимъ различнымъ группамъ домохозяевъ общинъ, имѣющихъ вѣчность, находится купчая земля?

Общинами, имѣющими въ своемъ составѣ безлошадныхъ:

менѣе 5%,	куплено 3,8%		всей земли, купив. домохозяев.	1,4%
отъ 5 до 10%,	» 16,0%		» » » »	2,3%
» 10 » 15%,	» 57,1	77,3%	» » » »	94,3%
» 15 » 20%,	» 20,2		» » » »	
болѣе 20%,	» 2,9%		» » » »	2,0%

Казалось бы, что чѣмъ въ обществѣ больше процентъ безлошадныхъ, т. е. несостоятельныхъ домохозяевъ, другими словами, чѣмъ бѣднѣе само общество, тѣмъ меньше должно быть домохозяевъ, покупающихъ землю, и тѣмъ меньше должно быть количество послѣдней въ общинѣ; однако три первыя строки только что приведенныхъ цифръ рѣшительно противорѣчатъ такому заключенію, такъ какъ количество вѣчности въ общинѣ увеличивается параллельно увеличенію процента безлошадныхъ ея членовъ до извѣстнаго предѣла (15%), и только за этимъ предѣломъ количество ея уменьшается; въ виду такой сложной зависимости лучше отмѣтить только тотъ фактъ, что бо́льшая часть крестьянской вѣчности (77%) и громаднѣйшее большинство домохозяевъ, владѣющихъ ею (94%), находится въ тѣхъ общинахъ, гдѣ процентъ безлошадныхъ домохозяевъ не ниже 10 и не выше 20; въ общинахъ съ меньшимъ числомъ безлошадныхъ—купчей земли значительно больше, чѣмъ въ общинахъ съ большимъ 20% безлошадныхъ, тогда какъ въ числѣ купившихъ землю домохозяевъ разница и тамъ и тутъ самая незначительная.

Сопоставляя точно такимъ же образомъ количество крестьянской вѣчности общины съ группой наиболѣе зажиточныхъ домохозяевъ въ ней, т. е. имѣющихъ болѣе трехъ лошадей, мы найдемъ, что въ общинахъ гдѣ такихъ домохозяевъ:

менѣе 15%,	куплено земли	1,9%,		купившихъ домохозяевъ 0,7%	
отъ 15 до 30%,	» »	66,1%,	83,0%	» » 93,7%	96,8%
» 30 » 45%,	» »	16,9%,		» » 2,9%	
болѣе 45%,	» »	15,1%,		» » 2,7%	

Т. е. и здѣсь нѣтъ прямой зависимости между количествомъ крестьянской вѣчности въ общинѣ и группой наиболѣе состоятельныхъ ея членовъ, скорѣе наоборотъ; наибольшее же количество ея (вѣчности) наблюдается въ тѣхъ общинахъ, гдѣ находится отъ 15 до 45 наиболѣе зажиточныхъ домохозяевъ; въ такихъ общинахъ купчая земля составляетъ 83%, а число купившихъ домохозяевъ доходитъ до 97%; общины съ большимъ числомъ зажиточныхъ домохозяевъ имѣютъ всетаки значительное количество купчей земли, тогда какъ общины съ меньшимъ 15 процентомъ ихъ, купили землю въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ.

Наконецъ, зависимость крестьянской вѣчности отъ группы среднезажиточныхъ домохозяевъ въ общинѣ выражается слѣдующимъ образомъ; при числѣ такихъ домохозяевъ:

менѣе 35%,	купчей земли	13,9%,		купившихъ домохозяевъ 0,9%	
отъ 35 до 55%,	» »	22,4%,	82,8%	» » 7,2%	98,3%
» 55 » 75%,	» »	60,4%,		» » 91,1%	
болѣе 75%,	» »	4,1%,		» » 0,8%	

Опять таки можно сказать только, что наибольшее количество крестьянской вѣчности (82%) и почти всѣ домохозяева, ее имѣющіе (98%), принадлежатъ къ тѣмъ общинамъ, въ которыхъ группа среднезажиточныхъ домохозяевъ не превышаетъ 75% и не менѣе 35% всѣхъ надѣльныхъ домохозяевъ общины; если эта группа въ общинѣ является преобладающей, т. е. болѣе 75%, то количество вѣчности такой общины составляетъ весьма незначительную величину (4%), а число владѣльцевъ ея не достигаетъ и одного процента; наоборотъ, если группа среднезажиточныхъ домохозяевъ менѣе 35%, то, при такомъ же числѣ владѣльцевъ крестьянской вѣчности (менѣе 1%), размѣры ея значительно больше, достигая 14% всего количества.

IV.

Приводя все сказанное до сихъ поръ къ одному знаменателю, можно считать доказаннымъ: 1) что никакой прямой или обратной зависимости крестьянской вѣчности общины отъ ея душеваго надѣла или отъ одной изъ трехъ различныхъ по своей зажиточности группъ населенія данной общины не существуетъ, или нельзя по крайней мѣрѣ ея усмотрѣть при принятомъ въ «Сборникахъ» способѣ группировки статистическихъ данныхъ; 2) что наибольшее количество крестьянской вѣчности (отъ $^2/_3$ до $^4/_5$ всего количества) и громадное большинство домохозяевъ, владѣющихъ

ею (болѣе 90% всего числа), находятся въ тѣхъ общинахъ, гдѣ размѣръ душеваго надѣла достигаетъ 6—10 дес., что составляетъ на каждую хозяйственную единицу 15—18 дес., и которыя въ составѣ своихъ домохозяевъ имѣютъ безлошадныхъ, т. е. беднѣйшихъ членовъ, 10—20%, наиболѣе зажиточныхъ 15—45% и отъ 35 до 75% домохозяевъ средней зажиточности; 3) при расширеніи этихъ границъ въ обѣ стороны, т. е. въ сторону большей бедности или большей зажиточности общины, количество крестьянской вѣчности и число ея владѣльцевъ значительно понижается и при томъ гораздо сильнѣе въ первомъ случаѣ, чѣмъ во второмъ.

Такимъ образомъ наивыгоднѣйшими условіями покупки внѣнадѣльныхъ земель отдѣльными домохозяевами служатъ: средній размѣръ душеваго надѣла въ 15—18 дес. на каждую хозяйственную единицу и обусловливаемая этимъ надѣломъ средняя степень зажиточности общины; кромѣ того составъ членовъ ея, допускающій существованіе 75 — 35% домохозяевъ средней зажиточности, 10—20% несостоятельныхъ и 15—45% наиболѣе богатыхъ домохозяевъ, т. е. извѣстное распредѣленіе благосостоянія внутри самой общины. Нельзя не согласиться, что въ намѣченныхъ границахъ существуетъ наибольшая неравномѣрность въ распредѣленіи благосостоянія между членами общины, такъ какъ при другихъ условіяхъ распредѣленія домохозяевъ разной степени зажиточности, напримѣръ, при увеличеніи среднезажиточныхъ до 85%, процентъ безлошадныхъ и богатыхъ уменьшится; безлошадные не являются, конечно, покупщиками земель; покупаютъ только болѣе зажиточные, а при нашемъ предположеніи значеніе этой группы падаетъ и абсолютно и относительно; абсолютно въ смыслѣ уменьшенія ихъ численности; относительно въ смыслѣ ослабленія ихъ покупательной способности, такъ что въ такой абщинѣ вѣчность является рѣдкимъ исключеніемъ. Предоставленное такъ называемому естественному ходу вещей, дѣло пріобрѣтеніе вѣчности крестьянами можетъ развиться въ сколько нибудь замѣтномъ размѣрѣ только въ формѣ покупокъ отдѣльными домохозяевами или товариществами ихъ (общественныя покупки, какъ мы видѣли, играютъ самую незначительную роль); являясь исключительнымъ достояніемъ наиболѣе зажиточныхъ домохозяевъ, крестьянская вѣчность есть собственно результатъ неравномѣрнаго распредѣленія благосостоянія и зажиточности внутри самой общины, но разъ ея появленіе обезпечено этимъ условіемъ, крестьянская вѣчность еще болѣе увеличиваетъ пропасть между богатымъ и бѣднымъ общинникомъ. Крестьянинъ Ставропольскаго уѣзда, купившій въ вѣчность болѣе тысячи десятинъ, считаетъ своихъ односельчанъ уже «нищимъ» сословіемъ.

V.

Кредитъ крестьянскаго банка, увеличивая покупательную способность бѣднѣйшихъ членовъ общины и открывая кредитъ для общественныхъ покупокъ, можетъ, если не совсѣмъ уничтожить, то по крайней мѣрѣ въ значительной степени парализовать значеніе крестьянской вѣчности какъ фактора, обусловливающаго появленіе «нищихъ» и высшихъ сословій внутри крестьянской общины. Изъ отчета банка за 1886 г., видно, что въ этомъ году въ Самарское отдѣленіе заявлено сдѣлокъ обществами съ 640 домохозяевами на покупку 5,052 дес., а товариществами 252 домохозяевъ на 4,281 дес.; въ томъ же году банкомъ назначено къ выдачѣ обществамъ въ числѣ 763 домохозяевъ на 6,285 дес. и товариществу изъ 144 домохозяевъ на 1000 дес. Покупокъ земли отдѣльными домохозяевами не было. Раньше мы видѣли, что на каждаго общественнаго покупщика купчей земли приходится всего одна десятина, а въ Ставропольскомъ уѣздѣ и того меньше, тогда какъ черезъ крестьянскій банкъ каждый пріобрѣлъ слишкомъ по 8 дес. Изъ общаго количества 7,285 дес., купленныхъ черезъ крестьянскій банкъ, 5,818 или около 80% пріобрѣтено безземельными и имѣвшими надѣлъ менѣе $1^1/_2$ дес. на душу, тогда какъ купчая земля крестьянъ, имѣвшихъ надѣлъ менѣе 4 дес. на душу, составляла только 22% общаго количества крестьянской вѣчности. Крестьянскому банку остается пожелать только болѣе обширной дѣятельности именно въ Самарской губерніи, гдѣ до сихъ поръ пріобрѣтено 2,256 домохозяевами черезъ его посредство всего 21,590 десятинъ.

Д. Кир......

ПАРИЖСКІЙ УГОЛОВНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ 1889 ГОДА.

Съ 10 по 17 августа новаго стиля включительно въ Парижѣ происходили засѣданія 2-го уголовно-антропологическаго конгресса, который былъ прекрасно организованъ, имѣлъ весьма большой успѣхъ и отличался многолюдствомъ своихъ собраній. Почти всѣ образованныя страны прислали оффиціально или неоффиціально своихъ ученыхъ представителей. Преобладали, конечно, медики, но было много и юристовъ. Университетъ, магистратура и адвокатура были представлены на конгрессѣ. Особенно много юристовъ прислала Италія. Были также и представители другихъ профессій, напр., педагоги. Въ числѣ членовъ конгресса встрѣчалось не мало крупныхъ научныхъ именъ. Таково имя самого Ломброзо, Молешота, Бенедикта, Маньяна, Рише, Моте, Русселя, Бруарделя, Лакассаня и др.

Французы рѣшительно преобладали на конгрессѣ. Въ этомъ отношеніи 2-й уголовно-антропологическій конгрессъ значительно отличался отъ 1-го, на которомъ большинство всѣхъ членовъ принадлежало Италіи. А между тѣмъ, въ новѣйшее время уголовная антропологія развивалась преимущественно въ Италіи. Работамъ представителей италіанской школы, правда, предшествовалъ трудъ французскаго медика Проспера Депинъ, но онъ, несмотря на всѣ свои достоинства, оказалъ, сравнительно, мало вліянія и не послужилъ исходнымъ пунктомъ въ развитіи новаго направленія въ изученіи явленій человѣческой преступности. Такимъ исходнымъ пунктомъ, по справедливости, должно считать работы проф. Ломброзо и его италіанскихъ послѣдователей. Поэтому, было весьма важно, что не Италіи принадлежало преобладаніе въ числѣ членовъ конгресса. Италіанцы, какъ новаторы, можетъ быть, нѣсколько и склонны къ увлеченіямъ и преувеличенію, а главное, могутъ быть заподозрѣны въ нихъ. Между тѣмъ, французы, говоря конечно вообще, до сихъ поръ стояли болѣе вдали отъ движенія, а потому, какъ и представители другихъ націй, скорѣе были склонны къ строгой критикѣ, сомнѣніямъ и недовѣрію.

На конгрессѣ новая школа явилась съ значительнымъ научнымъ багажемъ. Это не было только еще возникающее научное направленіе, а направленіе, уже оказавшее, сравнительно, значительное вліяніе на общественные взгляды, направленіе много поработавшее, кое-что уже сдѣлавшее и имѣющее за собой свое научное прошлое и не только въ трудахъ отдѣльныхъ ученыхъ, но и въ соединенныхъ усиліяхъ цѣлаго международнаго конгресса—римскаго. Это научное прошлое школы и было признано какъ французскимъ министромъ юстиціи, открывавшимъ конгрессъ, такъ и почетнымъ президентомъ послѣдняго, деканомъ парижскаго медицинскаго факультета, проф. судебной медицины Бруардель, въ ихъ вступительныхъ рѣчахъ. «Уголовная антропологія оказала большія заслуги и углубила вопросъ о человѣческой отвѣтственности», сказалъ первый. «Труды италіанской школы хорошо приняты во Франціи», говорилъ второй. «Она оказала великія услуги и примѣнила къ изслѣдованію вполнѣ вѣрные методы. Читая ея прошлые труды, невольно изумляешься величинѣ уже сдѣланнаго въ сравнительно столь короткій срокъ».

Однимъ изъ важнѣйшихъ и какъ бы центральныхъ вопросовъ, обсуждавшихся на конгрессѣ, былъ вопросъ о существованіи особаго спеціальнаго «преступнаго типа», отмѣченнаго и особыми анатомическими признаками. Какъ извѣстно, еще знаменитый Галль пытался отыскать и потомъ думалъ, что нашелъ внѣшніе анатомическіе признаки преступности. Геніальныя основныя мысли научныхъ работъ Галля сохранились и послужили исходной точкой для дальнѣйшаго развитія науки; что же касается до судьбы его доктрины въ ея цѣломъ, то она достаточно извѣстна: его открытія не выдержали ударовъ критики и сошли со сцены. Полагаю, что я не ошибусь, если скажу, что одной изъ причинъ его ошибокъ было и то, что много разъ наблюдавшееся имъ сосуществованіе особенностей организма онъ принималъ за причинную связь между ними, не выяснивъ себѣ механизма ихъ возможнаго взаимодѣйствія.

Подобно Галлю, и проф. Ломброзо пытался и пытается найти и изучить внѣшніе анатомическіе признаки преступника. Съ самаго начала онъ сталъ изучать преступника вообще, какъ какую то особую разновидность человѣческаго рода и при этомъ, повидимому, подчинился вліянію классическаго сочиненія Паранъ-Дюшателе, «De la prostitution dans la ville de Paris», которымъ онъ широко пользовался. Названный авторъ изучалъ проститутокъ также вообще. Но при этомъ онъ имѣлъ передъ собою особую профессіональную группу, объединенную единствомъ промысла и при томъ промысла, исполняемаго при помощи одной изъ важнѣйшихъ органическихъ функцій, оказывающихъ самое рѣшительное вліяніе на всю психическую жизнь человѣка. Не то по отношенію къ преступникамъ, которые представляютъ значительныя различія. Воръ, убійца, фальсификаторъ, изнасилователь и проч.—это крайне различныя фигуры, представляющія собою различные психологическіе типы. А они то и были смѣшаны въ одно общее цѣлое подъ общимъ названіемъ «преступнаго

человѣка» въ первыхъ изданіяхъ сочиненія проф. Ломброзо, и наблюдавшіеся у нихъ различные признаки дали основаніе для построенія особаго «преступнаго типа», при установленіи котораго Ломброзо въ значительной мѣрѣ повторилъ указанную уже мною ошибку Галля.

Говоря все это, я далекъ отъ мысли хотя сколько нибудь умалять несомнѣнную и неумирающую заслугу проф. Ломброзо, который явился могучимъ иниціаторомъ. Отъ него, главнымъ образомъ, и ведетъ свое начало энергическое современное движеніе, направившееся на изученіе преступленія и преступника на почвѣ опыта и наблюденія. Чтобы оцѣнить его заслугу, достаточно вспомнить, чѣмъ была наука о преступленіи и преступникѣ до него и чѣмъ она становится теперь. Прежде это былъ сводъ произвольныхъ мнѣній различныхъ авторовъ, плодъ ихъ кабинетныхъ апріорныхъ измышленій, стоявшихъ вдали отъ дѣйствительности, обязательно изучавшихся только на юридическихъ факультетахъ и скоро забывавшихся. Теперь же это хотя еще и зарождающаяся, но полная жизни наука, обладающая точными методами и сосредоточенная на изученіи наиболѣе животрепещущихъ общественныхъ вопросовъ, наука, опирающаяся на множество другихъ точныхъ наукъ и составляющая съ ними хотя и сложное, но гармоническое цѣлое. И все это есть, главнымъ образомъ, результатъ толчка, даннаго Ломброзо и его многолѣтними упорными научными усиліями.

Ломброзо обвиняютъ въ томъ, будто онъ отрицаетъ значеніе всѣхъ другихъ факторовъ преступности и признаетъ лишь вліяніе одного—органическаго. Но такое обвиненіе—плодъ страннаго недоразумѣнія. Органическій факторъ въ вопросѣ о преступности былъ наименѣе изученъ и ему-то почти исключительно и посвятилъ свои силы проф. Ломброзо, вовсе не отрицая при этомъ важное и рѣшающее значеніе и всѣхъ другихъ факторовъ. Всякій, читавшій во второмъ изданіи его сочиненія отдѣлъ, озаглавленный «Терапія преступленія», хорошо знаетъ, конечно, что Ломброзо не отрицалъ и не могъ отрицать значенія соціальнаго фактора.

Конечно, проф. Ломброзо въ своемъ колосальномъ трудѣ допустилъ не мало промаховъ и ошибокъ. Но не ошибается и не увлекается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ и кто идетъ изъѣзженнымъ путемъ. Кто же ищетъ новые пути и обосновываетъ новыя вѣтви науки, тотъ, конечно, часто ошибается и дѣлаетъ иногда поспѣшные выводы. Самъ проф. Ломброзо на конгрессѣ откровенно признавалъ свои ошибки и соглашался, что онъ иногда кое-что и преувеличивалъ.

Однимъ изъ рѣшительныхъ противниковъ ученія о спеціальномъ «преступномъ типѣ» на конгрессѣ явился проф. Манувріе, который коснулся лишь анатомической стороны вопроса. Въ своемъ докладѣ онъ пояснилъ, что цѣль его — подвергнуть критикѣ существующія работы и вызвать новыя, въ которыхъ были бы избѣгнуты ошибки, совершенныя до сихъ поръ. Оговорившись въ самомъ началѣ своего доклада и рѣчи на конгрессѣ, что «тѣсное и неразрывное соотношеніе между физіологіей, вклю-

чая психологію, и анатоміею—внѣ всякаго спора, исключая, какъ со стороны невѣжественныхъ метафизиковъ», проф. Мануврiе подвергъ довольно рѣзкой критикѣ точность и достоинство работъ, сдѣланныхъ съ цѣлью установленія внѣшнихъ, анатомическихъ признаковъ «преступнаго типа». При этомъ онъ заявилъ въ своей рѣчи, что до сихъ поръ можно сказать лишь одно, что въ среднемъ у преступниковъ встрѣчается больше аномалій, нежели у такъ называемыхъ «честныхъ людей».

Докладъ и рѣчь Мануврiе распадались на двѣ части: одна была посвящена критикѣ уже сдѣланныхъ работъ, а другая заключала въ себѣ общія соображенія, которыя долженъ имѣть въ виду каждый изслѣдователь преступниковъ. Первая изъ нихъ представляла дѣйствительно очень мѣткія замѣчанія.

Найденъ ли какой-либо *анатомическій* признакъ, могущій характеризовать исключительно преступниковъ или ту или другую категорію ихъ? На этотъ вопросъ проф. Мануврiе отвѣчаетъ отрицательно. «Можно разсматривать», говоритъ онъ, «какъ болѣе или менѣе неблагопріятное въ отношеніи наклонности къ преступленію существованіе такого-то признака или такой-то совокупности ихъ, но не допуская при этомъ, что эти признаки суть специфическіе и спеціальные для преступниковъ». Онъ справедливо указываетъ, что уже по одному тому нельзя отыскать специфическихъ признаковъ для преступниковъ, что противоположная имъ столь смѣшанная группа такъ называемыхъ «честныхъ людей» включаетъ въ себя не мало эпилептиковъ, идіотовъ, слабоумныхъ, вырождающихся, людей грубыхъ и порочныхъ. «Многочисленны честные люди», говоритъ онъ, «способные стать преступниками или нравственно не лучшіе самыхъ худшихъ каторжниковъ». Онъ указалъ также на недостаточность числа наблюденій и на то, что измѣренія дѣлались различными изслѣдователями и притомъ различными способами и потому часто являются несоизмѣримыми, что, наконецъ, для образованія «преступнаго типа» брались и соединялись вмѣстѣ признаки, встрѣчаемые у различныхъ преступниковъ; но такимъ пріемомъ не устанавливается типъ, и Мануврiе думаетъ, что «одного» общаго типа преступника не существуетъ, такъ же, какъ не существуетъ и одного общаго типа уродливаго или патологическаго человѣка; существуютъ различные типы уродствъ.

Но если критическія замѣчанія проф. Мануврiе вызываютъ полное согласіе, то, къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о его общихъ руководящихъ соображеніяхъ. Впрочемъ, ихъ я касаться и разбирать не стану, потому что это завлекло бы меня слишкомъ далеко за предѣлы краткаго отчета.

Значительное большинство говорившихъ по вопросу, подобно проф. Мануврiе, возражая противъ существованія особаго анатомически отмѣченнаго «преступнаго типа» и въ особенности противъ возможности основывать на внѣшнихъ признакахъ какія либо предсказанія и сужденія о виновности, въ то же время признавали, что преступники принадлежатъ

къ низшимъ типамъ. Такъ, по словамъ проф. Бенедикта, выступившаго противъ ученія объ «особыхъ анатомическихъ признакахъ преступности», важнѣйшая заслуга уголовной антропологіи состоитъ въ томъ, что она изучаетъ преступника, какъ естественное явленіе, и видитъ въ немъ низшее существо, а въ его преступленіи результатъ дурной организаціи, а не его свободной воли. Подобно этому и Ал. Бертиліонъ, завѣдующій бюро антропометрическихъ измѣреній при префектурѣ полиціи и потому имѣющій случай видѣть и изслѣдовать ежегодно значительное число преступниковъ, замѣтилъ во время своей конференціи, что у преступниковъ наблюдаются внѣшніе признаки, но это не специфическіе признаки «преступнаго типа», а признаки вырожденія и низшаго развитія, которое препятствуетъ имъ успѣшно бороться въ установленныхъ формахъ, въ которыхъ борются другіе. Точно также и проф. Лакассань утверждалъ на конгрессѣ, что у преступниковъ чаще встрѣчаются признаки вырожденія и что они представляютъ собою низшія личности, большею частью выходящія изъ дурно обставленныхъ классовъ общества, которые, вслѣдствіе неблагопріятныхъ жизненныхъ условій, вырождаются и отмѣчаются неблагопріятными органическими особенностями.

Въ свою очередь я развилъ на конгрессѣ въ примѣненіи къ преступникамъ ученіе Мореля о несчастныхъ и порочныхъ организаціяхъ, сформировавшихся въ теченіе одного или нѣсколькихъ поколѣній подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условій, и, вслѣдствіе своихъ особенностей, болѣе или менѣе предрасположенныхъ къ преступленію вообще и къ различнымъ его видамъ въ частности. Эта органическая предрасположенность и есть одинъ изъ факторовъ, но не единственный. Необходимы еще и неблагопріятныя окружающія условія, наталкивающія предрасположенныя организаціи на преступленіе. Сверхъ того, я указалъ еще, что каждая организація не остается всегда сама себѣ равной величиной, а, напротивъ, претерпѣваетъ постоянныя колебанія и измѣненія. Временныя дурныя органическія состоянія, часто, какъ учитъ опытъ, совершенно преображающія человѣка, и могутъ играть роль устойчиво-порочныхъ организацій въ генезисѣ преступленія.

Резюмируя пренія по вопросу о существованіи особаго «преступнаго типа», проф. Ферри справедливо замѣтилъ, что одни изъ говорившихъ обращали вниманіе преимущественно на органическую сторону, другіе на соціальную и т. д., и при этомъ всѣ были отчасти правы, а отчасти неправы, потому что одну изъ сторонъ выдавали за цѣлое. Преступленіе есть явленіе сложное, обусловливаемое физическими, антропологическими и соціальными факторами, относительное значеніе которыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ измѣняется.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о «преступномъ типѣ» стоялъ и вопросъ, возбужденный докладомъ Гарофало объ опредѣленіи при помощи уголовной антропологіи того класса, къ которому принадлежитъ виновный. Въ немъ Гарофало, признавая значеніе антропологическихъ признаковъ,

отводитъ первое мѣсто психологіи преступника. «Анатомическіе признаки могутъ сами по себѣ давать лишь указанія», говоритъ онъ, «а потому ихъ необходимо дополнять нравственной фигурой преступника, которая знакомитъ насъ съ его психическими аномаліями». Исходя изъ этого положенія, онъ устанавливаетъ на общемъ основаніи признаковъ антропологическихъ, напр., физіогноміи, формы черепа и проч., и признаковъ психологическихъ различные психофизическіе классы преступниковъ, причемъ принимаетъ существованіе преступниковъ прирожденныхъ и неисправимыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рекомендуетъ и настаиваетъ на необходимости опредѣленія законодательнымъ путемъ особыхъ способовъ воздѣйствія для каждаго изъ устанавливаемыхъ имъ классовъ, и такимъ образомъ ставитъ наказаніе въ зависимость отъ напередъ производимой классификаціи преступниковъ по ихъ психофизическимъ особенностямъ.

Нельзя не признать, что психологическіе признаки дѣйствительно имѣютъ первостепенное значеніе, но устанавливаемые Гарофало на ихъ основаніи классы преступниковъ не могутъ и не должны служить, думается мнѣ, основаніемъ для закономъ устанавливаемаго различія въ наказаніяхъ. Психофизическіе типы преступнаго люда, основанные на тщательномъ изученіи явленій живой дѣйствительности, несомнѣнно будутъ имѣть важное значеніе для лицъ, соприкасающихся съ преступниками, но они никоимъ образомъ не должны служить какими то карательными категоріями и не должны давать основанія ни для какихъ предсказаній объ уголовной неисправимости виновнаго.

Докладъ Гарофало не подвергся подробному обсужденію, и конгрессъ, согласно предложенію его автора, только избралъ коммиссію для изученія классовъ преступниковъ.

Въ близкомъ соотношеніи съ вопросомъ о существованіи особаго «преступнаго типа» стоялъ и другой вопросъ, обсуждавшійся на конгрессѣ, докладчиками по которому были д-ръ Таверни и талантливый д-ръ Маньянъ. Это вопросъ о дѣтствѣ преступниковъ въ соотношеніи съ естественнымъ предрасположеніемъ къ преступленію. Дѣйствительно, если существуетъ особый «преступный типъ», то черты этого типа должны наблюдаться еще въ дѣтствѣ.

Первый докладчикъ, д-ръ Таверни, основываясь на многочисленныхъ и тщательно провѣренныхъ наблюденіяхъ, указалъ въ своемъ докладѣ, что у нѣкоторыхъ дѣтей существуетъ особаго рода недостатокъ способности къ воспитанію, даваемому какъ семьей, такъ и государствомъ, что и составляетъ въ дальнѣйшемъ сцѣпленіи причинъ и слѣдствій ихъ прирожденное предрасположеніе къ преступленію. Эти натуры, къ счастію, не особенно часто встрѣчающіяся въ народѣ, д-ръ Таверни разсматриваетъ, какъ натуры, находящіяся въ дисгармоніи съ нѣкоторыми требованіями современной цивилизаціи, вслѣдствіе ограниченности ихъ физической способности приспособляться къ нимъ. Наша современная культура, по мнѣнію д-ра Таверни, превосходитъ естественныя способности многихъ

индивидуумовъ, которые поэтому и оказываются неприспособленными къ ней. «Многія лица», говоритъ онъ, «которыя юридически разсматриваются у насъ какъ преступники, были бы разсматриваемы какъ честные люди, если бы они были предназначены жить среди условій, болѣе похожихъ на первичныя условія начальныхъ эпохъ цивилизаціи».

Другой докладчикъ, д-ръ Маньянъ, оттѣнилъ другую сторону вопроса. Свою конференцію въ госпиталѣ Св. Анны онъ началъ обращеніемъ къ проф. Ломброзо. «Съ тѣхъ поръ, какъ вы признали», сказалъ онъ, «что прирожденный преступникъ есть существо патологическое, вырождающееся—между нами существуетъ полное согласіе». Задавшись вопросомъ объ особенностяхъ дѣтства преступниковъ, онъ рѣшительно отвергъ атавизмъ и уподобленіе преступника дикарю, запоздало явившемуся среди цивилизованнаго общества. По его мнѣнію, нормальный человѣкъ отъ природы не предрасположенъ къ преступленію. Онъ становится случайнымъ или привычнымъ преступникомъ вслѣдствіе страсти или дурнаго воспитанія, вліяніе котораго очень замѣтно у дѣтей, принадлежащихъ къ категоріи дѣтей заброшенныхъ.

Наряду съ этой первой категоріей существуетъ, по мнѣнію д-ра Маньяна, и другая: это—категорія индивидуумовъ, которые, вслѣдствіе вліянія закона наслѣдственности, приносятъ въ самихъ себѣ не естественное предрасположеніе къ преступленію, а патологическую тару, органическое вырожденіе, которое вноситъ разстройство въ ихъ мозговыя функціи. При этомъ иногда направляющіе и задерживающіе центры оказываются неспособны сдерживать чрезмѣрно возбужденные аппетиты и инстинкты, иногда же сами эти центры становятся болѣе неспособными вносить должное равновѣсіе.

Вырождающіеся наслѣдственники уже родятся съ печатью ихъ происхожденія. Психическія клейма проявляются у нихъ съ началомъ ихъ психической жизни. Съ 4 или 5 лѣтъ эти субъекты уже представляютъ иногда одержанія и импульсивность, нравственныя и интеллектуальныя аномаліи и странности и извращенія инстинктовъ. Соотвѣтственно различіямъ въ локализаціи функціональныхъ разстройствъ, они представляютъ самые разнообразные типы, которые образуютъ рядъ неуловимыхъ переходовъ отъ различно одаренныхъ идіотовъ — существъ вполнѣ рефлекторныхъ и вегетативныхъ, до столь же различно одаренныхъ высшихъ вырождающихся, которые часто представляютъ выдающіеся таланты, а наряду съ ними и крайнюю неуравновѣшенность. И замѣчательно, что различныя нравственныя уродства отмѣчаются иногда только почти неуловимыми измѣненіями во внѣшнихъ формахъ тѣла, а иногда не наблюдается даже и вовсе никакихъ слѣдовъ физическихъ стигматъ. Для иллюстраціи, какъ въ своемъ докладѣ, такъ и на конференціи, д-ръ Маньянъ представилъ много клиническихъ случаевъ. Правда, что у всѣхъ демонстрированныхъ имъ были найдены нѣкоторые физическіе признаки вырожденія, но у многихъ столь незначительные, что они могли быть открыты только при очень тщательномъ осмотрѣ.

Изъ числа практическихъ вопросовъ, обсуждавшихся на конгрессѣ, однимъ изъ наиболѣе интересныхъ и важныхъ былъ вопросъ, затронутый вторымъ докладомъ проф. Мануврiе о мѣстѣ уголовной антропологiи. По его мнѣнiю, эта послѣдняя представляетъ собою одну изъ вѣтвей естественной исторiи человѣка. Она должна разрабатываться въ примѣненiи къ уголовному праву и должна служить ему свѣточемъ. Но преступный человѣкъ, замѣчаетъ докладъ, не болѣе интересенъ, нежели человѣкъ, не совершавшiй преступленiй, а потому, если существуетъ уголовная антропологiя, то тѣмъ болѣе должна существовать юридическая антропологiя вообще, одну изъ вѣтвей которой и составляетъ антропологiя уголовная. Сверхъ того, наряду съ юридической антропологiей должны разрабатываться и другiя отрасли прикладной антропологiи, какъ, напр., антропологiя нравственности, антропологiя воспитанiя, а впослѣдствiи и антропологiя политическая.

Таковы главныя положенiя доклада проф. Мануврiе. Нельзя не видѣть, что въ немъ проводится и развивается весьма важная и плодотворная мысль,—мысль о необходимости болѣе правильной разработки и преподаванiя наукъ общественныхъ вообще и юридическихъ въ частности. Всѣ эти науки имѣютъ своимъ объектомъ человѣка въ различныхъ проявленiяхъ его умственно - нравственной и физической дѣятельности. Возьмемъ для примѣра уголовное право, которое не представляетъ собою никакого исключенiя въ ряду другихъ юридическихъ наукъ. Какъ наука прикладная, оно изучаетъ наилучшiя средства для низведенiя числа преступленiй до возможнаго ихъ minimum'а. Но въ преступленiи и его генезисѣ весь человѣкъ со всѣми особенностями его духовной жизни. Очевидно, поэтому, что точное изученiе преступнаго человѣка въ примѣненiи къ задачамъ уголовнаго права и должно лежать въ основѣ этого послѣдняго, и притомъ изученiе дѣйствительнаго преступника во всемъ разнообразiи его разновидностей. Единственно только при такомъ условiи и могутъ получаться плодотворные результаты.

Тоже нужно сказать и о другихъ юридическихъ и общественныхъ наукахъ, въ основѣ которыхъ лежитъ все тотъ же человѣкъ, только изучаемый съ другихъ сторонъ своей дѣятельности или въ другихъ своихъ общественныхъ разновидностяхъ. Этимъ вполнѣ и оправдывается мысль проф. Мануврiе, что необходимо существованiе и преподаванiе различныхъ отдѣловъ антропологiи, какъ науки о человѣкѣ, и что необходима разработка ея въ примѣненiи къ различнымъ жизненнымъ цѣлямъ, иначе говоря, необходима разработка прикладныхъ отдѣловъ антропологiи или прикладныхъ антропологiй. А между тѣмъ, что мы видимъ въ дѣйствительности? Общественно-юридическiя науки разрабатываются и преподаются независимо отъ ихъ основы — науки о человѣкѣ. Послѣдняя признается какъ бы извѣстною всѣмъ, изучающимъ науки общественно-юридическiя. Но насколько основательно такое предположенiе? Что, на самомъ дѣлѣ, знаетъ хотя бы занимающiйся уголовнымъ правомъ въ его

классической формѣ о генезисѣ преступности и о дѣйствительныхъ преступникахъ? Что знаетъ онъ о тѣхъ болѣе или менѣе устойчивыхъ или преходящихъ особенностяхъ психофизической организаціи, которыя при данныхъ условіяхъ общественной жизни и создаваемыхъ ими жизненныхъ положеніяхъ, предрасполагаютъ къ преступленіямъ вообще и къ различнымъ ихъ видамъ въ частности? О нихъ изъ уголовнаго права, какъ оно разрабатывается и изучается теперь, онъ не узнаетъ ровно ничего. Онъ не знаетъ дѣйствительнаго преступника въ условіяхъ его постепенной подготовки и развитія. На основаніи его данныхъ, всѣ преступники представляются какими-то отвлеченными, всегда другъ другу и самимъ себѣ равными величинами, вполнѣ похожими и на всѣхъ прочихъ людей, о которыхъ поэтому можно судить по своему внутреннему опыту. А между тѣмъ объективный опытъ учитъ насъ, что дѣйствительные преступники представляютъ крайнее психическое разнообразіе и что многіе изъ нихъ въ своихъ психическихъ особенностяхъ рѣшительно отличаются отъ обыкновенныхъ среднихъ людей, и потому объ особенностяхъ большинства изъ нихъ вовсе нельзя судить на основаніи собственнаго внутренняго міра изслѣдователя.

Понятно поэтому, на сколько важно, чтобы въ основѣ общественныхъ наукъ вообще и юридическихъ въ частности, поскольку дѣло касается особенностей человѣка и вліянія послѣднихъ, лежало не самонаблюденіе и внутренній опытъ авторовъ, а изученіе дѣйствительнаго человѣка въ его многочисленныхъ разновидностяхъ и въ многоразличныхъ дѣйствительныхъ жизненныхъ условіяхъ его роста и развитія. Только при такомъ условіи и возможно изысканіе дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ преступленіемъ и изысканіе дѣйствительныхъ средствъ для достиженія различныхъ жизненныхъ цѣлей, дающихъ начало наукамъ прикладнымъ. А для этого необходимо, между прочимъ, и значительное измѣненіе въ преподаваніи на юридическихъ факультетахъ, которое, по почину доклада пр. Манувріе, и обсуждалось на конгрессѣ.

При этомъ проф. Лакассань совершенно справедливо указалъ, что юристы и медики, сходясь на однихъ и тѣхъ же вопросахъ, не понимаютъ другъ друга, потому что у нихъ привычные пріемы мышленія различны: одни исходятъ отъ опыта и наблюденія, а другіе отъ непровѣренныхъ общихъ положеній. У медиковъ есть аудиторіи, лабораторіи, клиники, аппараты и инструменты, тогда какъ у юристовъ только аудиторіи и библіотеки. Необходимо, чтобы и на юридическихъ факультетахъ было введено преподаваніе нѣкоторыхъ естественныхъ наукъ въ примѣненіи къ потребностямъ обществовѣдѣнія. Желательно, чтобы и студентовъ-юристовъ профессоръ могъ вести въ азили для душевно-больныхъ и въ тюрьмы и тамъ знакомить ихъ съ явленіями дѣйствительности и способами ихъ изслѣдованія.

Къ основнымъ мыслямъ проф. Манувріе и Лакассаня горячо присоединился проф. Молешотъ, а также и проф. Бруардель. По мнѣнію пер-

ваго, въ наше время, когда естествознаніе вообще и естествознаніе человѣка въ частности сдѣлало такіе успѣхи и когда ихъ точные методы, дающіе столь блестящіе результаты, такъ развились, антропологія должна стать основою всѣхъ общественныхъ наукъ. Теперь нельзя уже быть истинно образованнымъ человѣкомъ безъ обширныхъ знаній о человѣкѣ.

Замѣчательно, что мысль о необходимости измѣненія въ преподаваніи на юридическихъ факультетахъ и о введеніи въ него преподаванія антропологіи была настолько обща всѣмъ членамъ конгресса, что противъ нея не послѣдовало ни одного возраженія. Поэтому, конгрессъ безъ труда вотировалъ мнѣніе о необходимости преподаванія на юридическихъ факультетахъ судебной медицины, а также и антропологіи.

Вопросъ о допущеніи посѣщенія тюремъ и изученія тѣлъ умершихъ заключенныхъ былъ послѣ этого поставленъ директору французской тюремной администраціи, Эрбету. Отвѣчая на него, онъ пояснилъ, что посѣщенія мѣстъ заключенія всегда могутъ быть разрѣшены, но получающіе разрѣшенія должны быть подготовлены и должны остерегаться во время своихъ посѣщеній и изслѣдованій нарушать права и чувства заключенныхъ и возбуждать подозрѣніе въ простомъ любопытствѣ. Вскрытіе и изученіе тѣлъ умершихъ заключенныхъ также могутъ быть допущены, пока этихъ тѣлъ не требуютъ родственники умершаго, имѣющіе на нихъ право. Разъ же такое требованіе будетъ предъявлено — трупъ долженъ быть отданъ семьѣ. Что же касается до опытовъ оживленія казненныхъ, то такіе опыты, по мнѣнію Эрбета, не должны имѣть мѣста, потому что и предубѣжденія публики не могутъ быть вполнѣ игнорируемы.

Другой чрезвычайно важный практическій вопросъ, обсуждавшійся на конгрессѣ, былъ вопросъ, возбужденный крайне интереснымъ докладомъ д-ра Семаль, объ условномъ осужденіи и объ условномъ освобожденіи.

До сихъ поръ, по словамъ доклада, общество въ своей борьбѣ съ преступленіемъ руководилось преимущественно идеями отмщенія и устрашенія и имѣло въ виду только преступное дѣяніе, а личность самого преступника оставляло въ тѣни. Поэтому оно и удовлетворялось примѣненіемъ строго напередъ опредѣленныхъ постановленій уголовнаго кодекса. Но теперь совершается переворотъ—на первый планъ выступаетъ личность самого преступника и преступленіе изслѣдуется, какъ естественное явленіе, которое можно предупреждать, изучивъ его въ его соціальныхъ и индивидуальныхъ причинахъ. Отсюда вытекаютъ два положенія. 1) Если наказаніе не составляетъ главнаго объекта репрессивной системы, то для чего продолжать его, когда оно перестаетъ способствовать исправленію преступника. На этой мысли и основывается условное освобожденіе. 2) Съ другой стороны, если карательный режимъ направленъ къ тому, чтобы возбуждать въ сердцѣ преступника чувства, временно заглохшія, или порождать ихъ вновь, то зачѣмъ подвергать его этому режиму, когда нравственное вліяніе достигнуто однимъ фактомъ

осужденія? Эти два, на видъ весьма не важныя положенія, на самомъ дѣлѣ заключаютъ въ себѣ задатки радикальной реформы, которая стремится дать первенство суду личности надъ судомъ ея дѣйствій. Принципъ исправленія, какъ цѣли репрессивной системы, находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ опредѣленіемъ напередъ продолжительности наказаній. Можно предвидѣть ходъ развитія болѣзни, когда она изслѣдована, можно предвидѣть вліяніе лѣкарствъ, но нельзя опредѣлить часъ выздоровленія ранѣе того, какъ этотъ часъ насталъ. То же и по отношенію къ наказанію. На какихъ основаніяхъ, въ самомъ дѣлѣ, можно опредѣлить напередъ, что данный преступникъ долженъ быть наказанъ именно столькими-то, а не столькими-то годами заключенія? Наказаніе должно быть соразмѣряемо съ природою преступника, со степенью его развращенія, и должно быть всегда продолжаемо до его достаточнаго измѣненія или исправленія, для чего, очевидно, необходимо условное заключеніе, т. е. заключеніе, не опредѣляемое напередъ въ своей длительности. Только тогда и будетъ организовано дѣйствительно исправительное воспитаніе. Для вполнѣ неисправимыхъ же, неподдающихся никакимъ воздѣйствіямъ, и для преступниковъ инстинктивныхъ, представляющихъ въ сущности разновидность нравственнаго помѣшательства, должна существовать ссылка въ колоніи для однихъ и тюрьма-убѣжище для другихъ.

Заканчивая свой докладъ, д-ръ Семаль замѣтилъ, что плодотворное примѣненіе указанныхъ реформъ требуетъ распространенія соотвѣтствующаго образованія, котораго теперь недостаетъ, и при которомъ тюрьма, подъ эгидою науки, сдѣлается клиническимъ полемъ для адвокатуры и магистратуры.

Не безъинтересно отмѣтить, что во многомъ сходные взгляды высказаны и международнымъ союзомъ уголовнаго права какъ въ его статутѣ, такъ и на первомъ съѣздѣ, имѣвшемъ мѣсто въ августѣ настоящаго года въ Брюсселѣ.

При обсужденіи доклада д-ра Семаль, я съ своей стороны высказалъ мысль о желательности, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о тюремномъ заключеніи, передать опредѣленіе количественной и качественной стороны наказанія тюремной администраціи. Суду, который обстоятельно не изучаетъ и не можетъ изучать преступника въ подобныхъ случаяхъ, должно принадлежать лишь опредѣленіе того, совершено ли преступленіе, и долженъ ли обвиняемый подлежать наказанію. Все остальное должно зависѣть отъ повседневно наблюдающей и изучающей преступника тюремной администраціи. Какъ должна быть организована эта послѣдняя и какими гарантіями должна быть обставлена—вопросъ другой, котораго я не коснулся. Впрочемъ, я высказалъ эту мысль лишь вскользь и не придалъ ей формы предложенія, потому что хорошо понималъ, что для подобной реформы время не приспѣло еще и что традиціи слишкомъ скоро не измѣняются.

Таковы были главные, по моему мнѣнію, вопросы, затронутые париж-

скимъ международнымъ уголовно-антропологическимъ конгрессомъ. Были также и другіе, представлявшіе не малый интересъ, напр., докладъ Тарда о прежнихъ и новыхъ основаніяхъ нравственной отвѣтственности, докладъ фанъ-Хамеля о келейной системѣ тюремнаго заключенія съ точки зрѣнія біологіи и уголовной соціологіи, и нѣкоторые другіе, которыхъ, за недостаткомъ мѣста, я уже касаться не стану.

Конечно, парижскій конгрессъ не далъ, да и не могъ дать какихъ либо новыхъ неожиданныхъ рѣшеній. За то онъ ясно показалъ, что вопросъ о человѣческой преступности, тѣсно связанный съ болѣе общимъ вопросомъ о человѣческой обездоленности и вырожденіяхъ, изъ области метафизическихъ кабинетныхъ построеній, въ которой онъ такъ долго и безплодно пребывалъ, перешелъ уже въ область науки и сосредоточилъ на себѣ вниманіе многихъ ученыхъ. Уже одинъ этотъ фактъ имѣетъ величайшее значеніе. Онъ показываетъ, что вопросъ въ надежныхъ рукахъ и что судьба его обезпечена. Наука, занявшись изученіемъ явленій человѣческой преступности въ ихъ генезисѣ, не замедлитъ вскрыть предъ всѣми непреложное сцѣпленіе причинъ и слѣдствій. Она освѣтитъ яркимъ свѣтомъ темную область человѣческихъ страданій, заброшенности, часто вынужденнаго развращенія, горя и несчастія. При этомъ она укажетъ, конечно, гдѣ и въ чемъ кроются истинныя и глубокія причины человѣческой порочности и преступности и каковы дѣйствительныя средства для борьбы съ ними.

Дмитрій Дриль.

ПЕРВЫЙ СЪѢЗДЪ МЕЖДУНАРОДНАГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАГО СОЮЗА ВЪ БРЮССЕЛѢ.

7-го и 8-го августа нов. ст. происходило въ Брюсселѣ первое собраніе Международнаго Криминалистическаго Союза (Union Internationale de Droit Pénal), цѣль основанія и ближайшія задачи котораго уже извѣстны читателямъ Юридическаго Вѣстника [1]).

Изъ ряда вопросовъ, бѣгло намѣченныхъ въ программѣ Союза, было поставлено на очередь всего четыре, но эти 4 вопроса, дѣйствительно, касаются важнѣйшихъ проблемъ современной уголовной политики. По всѣмъ четыремъ вопросамъ были представлены членами Союза доклады, отпечатанные въ его органѣ—Bulletin de l'Union Internationale de Droit Pénal. Прежде всего собранію предстояло разсмотрѣніе пригодности бельгійскаго закона 31 мая 1888 г. объ условномъ присужденіи (condamnation conditionnelle) для введенія въ законодательства другихъ странъ. Докладчикомъ по этому вопросу выступилъ извѣстный бельгійскій криминалистъ Пренсъ. Въ своемъ талантливомъ докладѣ Пренсъ указываетъ на значительное увеличеніе маловажныхъ преступленій, наблюдаемое въ настоящее время во всѣхъ странахъ. Причины такого увеличенія кроются, по мнѣнію докладчика, съ одной стороны, въ возрастаніи городовъ, населеніе которыхъ образуется изъ весьма разношерстныхъ и плохо дисциплинированныхъ элементовъ, съ другой—въ бóльшей интенсивности полицейской дѣятельности, не только вслѣдствіе усовершенствованій въ организаціи полиціи, но и вслѣдствіе подчиненія различныхъ сторонъ общественной жизни подробной, подчасъ излишней и обременительной, правительственной регламентаціи.

Для борьбы съ маловажными преступленіями, уголовное право, въ виду трудной примѣнимости къ случаямъ этого рода денежныхъ штрафовъ, давало лишь одно средство: краткосрочное тюремное заключеніе. Но такая мѣра никогда не достигаетъ цѣли: она всегда будетъ или слишкомъ слаба, или слишкомъ сурова. Слишкомъ слаба она по отношенію къ рецидивистамъ, для которыхъ нѣсколько дней или даже недѣль пребыванія въ

---

1) 1889 г. Май.

тюрьмѣ не можетъ, конечно, считаться ни репрессивной, ни воспитательной мѣрой; слишкомъ сурова—по отношенію къ человѣку, впервые совершившему маловажный проступокъ, котораго она отрываетъ отъ его обычныхъ занятій, для того, чтобы черезъ болѣе или менѣе короткое время снова возвратить его въ прежнюю обстановку опозореннымъ въ глазахъ семьи и общества, неимѣющимъ порой возможности, благодаря тяжелому клейму, наложенному на него тюрьмой, заработать насущный кусокъ хлѣба. Въ подобныхъ случаяхъ тюрьма не только безполезна, она положительно вредна, неизбѣжно наталкивая человѣка на новыя преступленія.

Къ этимъ прямымъ и очевиднымъ послѣдствіямъ краткосрочнаго тюремнаго заключенія присоединяется одно весьма важное косвенное: возможность распространенія въ массѣ, живущей въ очень дурныхъ экономическихъ условіяхъ, убѣжденія, что кратковременное пребываніе въ тюрьмѣ, гдѣ и помѣщеніе, и пища, и многія другія условія гораздо лучше, чѣмъ дома, вовсе не составляетъ большаго несчастія. Таковы печальные результаты примѣненія тюремнаго заключенія къ лицамъ, обвиняющимся въ маловажныхъ правонарушеніяхъ. Очевидно, государства, затрачивая огромныя деньги на устройство тюремъ, требующихъ сложныхъ приспособленій и многочисленнаго персонала, отнюдь не имѣли въ виду этихъ кратковременныхъ тюремныхъ сидѣльцевъ. Вотъ почему возникаетъ сознаніе необходимости съузить область примѣненія тюрьмы, а отсюда уже недалеко и до мысли объ условномъ присужденіи. Мысль эта, по мнѣнію референта, не новая — онъ пытается найти ея зародышъ еще у Цицерона, но наиболѣе полное свое осуществленіе она получила въ бельгійскомъ законѣ 31 мая 1888 г. Законъ этотъ гласитъ: «суды, приговаривая кого-либо къ одному или нѣсколькимъ наказаніямъ, могутъ, въ случаяхъ, когда опредѣленное ими тюремное заключеніе, будетъ-ли оно назначено какъ главное наказаніе, или какъ субсидіарное, или какъ результатъ кумуляціи главныхъ и субсидіарныхъ наказаній, не превышаетъ 6 мѣсяцевъ, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ обвиненный не подвергался до того осужденію за преступленіе или проступокъ,—постановить въ мотивированномъ рѣшеніи, что приведеніе въ исполненіе приговора или ареста пріостанавливается на опредѣленный промежутокъ времени, длина котораго опредѣляется судами, считая со дня приговора, но который не можетъ превысить 5-ти лѣтъ». «Осужденіе считается не имѣвшимъ мѣста (comme non avenu), гласитъ далѣе законъ, если въ теченіе этого промежутка времени обвиненный не подвергнется новому осужденію за преступленіе или проступокъ. Въ противномъ случаѣ, оба наказанія, отсроченное и составляющее результатъ новаго преступнаго дѣянія, кумулируются».

Этотъ законъ, по мнѣнію референта, разуменъ и справедливъ. Будучи примѣненъ по поводу маловажныхъ проступковъ и нарушеній къ преступникамъ безъ судебнаго прошлаго (sans passé judiciaire), онъ вполнѣ достигаетъ цѣлей предостереженія и предупрежденія преступленій. Правда,

онъ заставляетъ судью принять на себя иниціативу въ дѣлѣ выбора тѣхъ лицъ, къ которымъ эта мѣра подходитъ, но онъ тѣмъ самымъ возводитъ соціальную миссію судьи на подобающую ей высоту. «Такимъ образомъ, говоритъ Пренсъ въ заключеніе своего доклада, наука можетъ рекомендовать эту законодательную реформу въ области мелкой преступности (petite criminalité), надѣяться на ея распространеніе и съ довѣріемъ ждать ея результатовъ». Въ пользу института условнаго присужденія высказывается также, хотя съ существенными ограниченіями, другой референтъ по этому вопросу—проф. Ламмашъ. По его мнѣнію, введеніе условнаго присужденія не должно имѣть мѣста въ тѣхъ странахъ, гдѣ угроза уголовнаго закона и безъ того слабо дѣйствуетъ, какъ средство общаго предостереженія, а также въ тѣхъ, гдѣ еще особенно сильно ощущается требованіе возмездія со стороны потерпѣвшаго. Тамъ, гдѣ этихъ специфическихъ условій нѣтъ, введеніе института условнаго присужденія будетъ цѣлесообразно. Наиболѣе широко эта мѣра должна примѣняться къ женщинамъ и юнымъ преступникамъ: судьѣ должно быть предоставлено право пользоваться ею по отношенію къ женщинамъ и лицамъ, не достигшимъ 18 лѣтъ, при всѣхъ проступкахъ и нарушеніяхъ (Vergehen и Uebertretungen трехчленнаго дѣленія), если, конечно, эта мѣра вызывается особенностями даннаго случая. Что касается взрослыхъ мужчинъ, то къ нимъ ея примѣненіе должно быть ограниченнѣе. Относительно этой категоріи референтъ находитъ ограниченіе бельгійскаго закона, распространяющагося лишь на преступленія, наказуемыя тюремнымъ заключеніемъ не свыше 6 мѣсяцевъ, недостаточнымъ. По принципіальнымъ основаніямъ, слѣдуетъ выдѣлить изъ подъ дѣйствія закона еще рядъ преступленій, хотя и обложенныхъ, вообще или въ отдѣльномъ конкретномъ случаѣ, тюрьмой не свыше 6 мѣсяцевъ. Таковы, между прочимъ, преступленія, при которыхъ особенно важна не столько строгость наказанія, сколько его неизбѣжность (напр., дуэль). Далѣе, Ламмашъ находитъ неправильнымъ постановленіе бельгійскаго закона о распространеніи этой мѣры и на преступниковъ, осужденныхъ къ шестимѣсячному заключенію въ тюрьму за нѣсколько самостоятельныхъ, конкуррирующихъ другъ съ другомъ преступленій. За всѣми этими ограниченіями, референтъ считаетъ введеніе института условнаго присужденія въ законодательство другихъ странъ мѣрой весьма желательной.

Второй изъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію собранія, былъ слѣдующимъ образомъ формулированъ: «какія мѣры могутъ быть рекомендованы законодателю для ограниченія области примѣненія наказанія краткосрочнымъ лишеніемъ свободы?» Въ такой формулировкѣ, вопросъ этотъ находится въ тѣснѣйшей связи съ предыдущимъ, на что справедливо указываетъ одинъ изъ референтовъ—проф. Листъ. «Я бы, въ сущности, вполнѣ выполнилъ свою задачу, замѣчаетъ онъ, если бы просто присоединился къ мнѣніямъ Пренса и Ламмаша по первому изъ обсуждаемыхъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, я не могу рекомендовать болѣе простой и

болѣе дѣйствительной мѣры для ограниченія области господства наказанія краткосрочнымъ лишеніемъ свободы, какъ свободное воспроизведеніе бельгійскаго закона 31 мая 1888 г. Этимъ путемъ была бы рѣшена въ существенныхъ чертахъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ современной уголовной политики». Но положеніе вопроса въ законодательствахъ и доктринѣ заставляетъ референта обратиться къ анализу и другихъ мѣръ, предлагавшихся взамѣнъ краткосрочнаго лишенія свободы. Видное мѣсто среди нихъ принадлежитъ денежнымъ штрафамъ. При надлежащей организаціи, въ основѣ которой должно лежать соотвѣтствіе имущественному положенію осужденнаго, денежные штрафы, по мнѣнію референта, могли бы не только съ успѣхомъ замѣнить краткосрочное лишеніе свободы при всѣхъ *нарушеніяхъ*, но также альтернативно примѣняться наряду съ тюрьмой при весьма многихъ *проступкахъ*. Въ случаяхъ невозможности примѣнять денежные штрафы, ихъ слѣдуетъ замѣнить принудительными работами, не соединенными съ заключеніемъ, которыя должны быть введены въ формѣ поденныхъ работъ и только для тѣхъ лицъ, для которыхъ поденная работа вообще составляетъ источникъ существованія. Всякая иная организація принудительныхъ работъ, а также примѣненіе ихъ къ инымъ категоріямъ лицъ, кромѣ живущихъ поденной работой, встрѣтили бы непреодолимыя затрудненія на практикѣ. Кромѣ денежныхъ штрафовъ и принудительныхъ работъ, не соединенныхъ съ заключеніемъ, предлагался также, какъ средство замѣны краткосрочнаго тюремнаго заключенія, домашній арестъ. Референтъ категорически высказывается противъ этой мѣры, находя это наказаніе слишкомъ незначительнымъ, неравномѣрнымъ и трудно приложимымъ на практикѣ. Наконецъ, референтъ останавливается на внушеніи, дѣлаемомъ судомъ, которое можетъ быть соединено или нѣтъ съ требованіемъ поручительства (Richterlicher Verweis mit oder ohne Friedensbürgschaft). Такая мѣра, принятая не только рядомъ прежнихъ законодательствъ, но и новѣйшимъ итальянскимъ уголовнымъ уложеніемъ, исходитъ изъ той же идеи, что и условное присужденіе, но стоитъ гораздо ниже его по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, являясь наказаніемъ неравномѣрнымъ и мало достигающимъ цѣлей исправленія. Условное присужденіе, обладая всѣми достоинствами этой мѣры, лишено ея недостатковъ. «Если судья, замѣчаетъ проф. Листъ, скажетъ виновному: «ты приговоренъ къ 3-мъ мѣсяцамъ тюрьмы, но наказаніе это не будетъ приведено въ исполненіе, если ты въ теченіе 5 лѣтъ не совершишь новаго наказуемаго дѣянія», то эти слова, именно вслѣдствіе своей простоты, ясности и дѣловой сухости, глубоко западутъ въ душу подсудимаго и долго еще будутъ ему памятны, послѣ того, какъ онъ покинетъ залу суда. Онъ знаетъ, что его судьба въ его собственныхъ рукахъ, и до послѣдняго дня назначеннаго судомъ срока въ немъ будетъ пробуждаться мысль о судебномъ вердиктѣ, всякій разъ, какъ подступитъ искушеніе. Это больше, гораздо больше того, что можетъ сдѣлать судебное внушеніе, соединенное или не соединенное съ представленіемъ поручительства».

Значительно большую роль денежнымъ штрафамъ, какъ средству замѣны наказанія краткосрочнымъ лишеніемъ свободы, придаетъ корреферентъ проф. Листа по данному вопросу—одинъ изъ извѣстнѣйшихъ представителей итальянской уголовно-антропологической школы, Гарофало. По его мнѣнію, тюрьма нужна государствамъ, уничтожившимъ смертную казнь и не имѣющимъ колоній, для изолированія неисправимыхъ преступниковъ, представляющихъ для общества серьезную опасность. Но въ такомъ случаѣ она должна быть назначена пожизненно или, по крайней мѣрѣ, на очень продолжительный срокъ, краткосрочное же тюремное заключеніе, примѣненное къ преступникамъ, удаленіе которыхъ изъ общества не является необходимостью, референтъ считаетъ мѣрой не раціональной, не достигающей цѣлей исправленія, неспособной удовлетворить сторону потерпѣвшую, а лишь развращающей преступника и способствующей рецидиву. Взамѣнъ тюрьмы, при цѣломъ рядѣ преступленій противъ личности и противъ имущества могутъ быть введены, въ качествѣ карательной мѣры, денежные штрафы, организація которыхъ должна быть кореннымъ образомъ измѣнена. Референтъ уже излагалъ на римскомъ пенитенціарномъ конгрессѣ 1885 г., въ чемъ должна состоять эта реформа. Въ основѣ ея лежитъ система двойныхъ штрафовъ: одного въ пользу государства, за нарушеніе закона, другаго въ пользу частнаго лица, для того, чтобы дать ему такимъ путемъ нѣкоторое удовлетвореніе (при преступленіяхъ противъ благъ личныхъ), или же для того, чтобы сдѣлать такія преступленія невыгодными для ихъ совершителя (при преступленіяхъ противъ благъ имущественныхъ). Въ послѣднемъ случаѣ, замѣчаетъ Гарофало, система значительныхъ штрафовъ, при которой имущественное преступленіе сдѣлаетъ преступника не богаче, а беднѣе, окажется гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ практикующееся нынѣ краткосрочное тюремное заключеніе, послѣ котораго преступникъ нерѣдко можетъ пользоваться плодами своего преступленія. Надлежащимъ образомъ организованные денежные штрафы могутъ быть примѣнены и къ малоимущимъ классамъ населенія. Въ случаѣ отказа виновнаго отъ уплаты штрафа, приходится прибѣгать къ принудительнымъ работамъ, не соединеннымъ съ тюрьмой, при устройствѣ которыхъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, чтобы трудъ преступниковъ не служилъ подрывомъ свободному труду. Поденная плата преступникамъ должна быть не ниже существующей въ мѣстности платы за поденный трудъ, но изъ нея слѣдуетъ выдавать преступнику лишь самое необходимое для существованія, остальное должно идти на выплату штрафовъ государству и потерпѣвшему. Такія мѣры, полагаетъ Горофало, достаточно гарантируютъ общественную безопасность при цѣломъ рядѣ преступленій противъ личности и противъ имущества. Назначеніе ихъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ слѣдуетъ предоставить судьѣ, такъ какъ въ законѣ невозможно предусмотрѣть всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ такая замѣна тюрьмы денежнымъ штрафомъ можетъ имѣть мѣсто.

Третьимъ обсуждался въ собраніи вопросъ: «каковы недостатки системы, принятой въ настоящее время большинствомъ законодательствъ для борьбы съ рецидивомъ?» Профессоръ Ванъ-Гаммель, въ обстоятельномъ докладѣ, посвященномъ этому вопросу, обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что, несмотря на большое разнообразіе въ постановкѣ вопроса о рецидивѣ въ различныхъ законодательствахъ, повсюду замѣчается одна и таже исходная точка: повсюду рецидивъ разсматривается, какъ отягчающее вину обстоятельство, влекущее за собою увеличеніе обыкновеннаго наказанія за данное преступленіе. Эта исходная точка, теоретически неправильная, замѣчаетъ Ванъ-Гаммель, ведетъ къ весьма нежелательнымъ практическимъ послѣдствіямъ, такъ какъ ею совершенно игнорируется коренное различіе, существующее между преступниками привычными и случайными. Склонность къ преступленіямъ (penchant criminel) можетъ съ достаточною очевидностью проявиться уже при первомъ преступленіи, особенно же въ случаѣ одновременнаго совершенія нѣсколькихъ конкуррирующихъ преступленій, а потому рѣзкое разграниченіе этихъ случаевъ отъ рецидива въ собственномъ смыслѣ теоретически не можетъ быть обосновано. Гораздо важнѣе невыгодныя *практическія* послѣдствія такой исходной точки. Существующая въ настоящее время въ законодательствахъ постановка вопроса о рецидивѣ цѣлесообразна только по отношенію къ небольшой группѣ исправимыхъ преступниковъ привычки, преступныя склонности которыхъ характеризуются господствомъ *преступной энергіи* (énergie criminelle). Таковы многіе преступники привычки, виновные въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ личности или имущества, въ преступленіяхъ государственныхъ или противъ порядка управленія и др. Но такая система совершенно непригодна, когда дѣло идетъ о неисправимыхъ преступникахъ привычки или о тѣхъ исправимыхъ преступникахъ привычки, специфическая особенность которыхъ можетъ быть названа *соціальной нейрастеніей* (neurasthénie sociale). Для этихъ двухъ, наиболѣе важныхъ категорій преступниковъ привычки, требуются спеціальныя карательныя мѣры. Въ общихъ чертахъ, эти мѣры были уже намѣчены референтомъ на римскомъ конгрессѣ. По отношенію къ преступникамъ *неисправимымъ* цѣль наказанія—сдѣлать ихъ безвредными для общества, что достигается путемъ пожизненныхъ карательныхъ мѣръ, могущихъ быть отмѣненными въ послѣдствіи только тогда, когда представятся исключительныя обстоятельства. Рѣшеніе вопроса о наличности неисправимости предоставляется судьѣ, который, однако, значительно ограниченъ въ этомъ отношеніи постановленіями закона, опредѣляющаго тѣ условія, безъ которыхъ назначеніе пожизненнаго лишенія свободы не должно имѣть мѣста. Сюда относятся: число и тяжесть предшествующихъ приговоровъ и промежутки, которые должны ихъ отдѣлять. Что касается преступниковъ привычки *исправимыхъ*, характерной чертой которыхъ является стремленіе добывать себѣ средства къ существованію не собственнымъ честнымъ трудомъ, а путемъ преступленій, то относительно этихъ *соціальныхъ*

нейрастениковъ, по выраженію Ванъ-Гаммеля, цѣлью наказанія является, конечно, исправленіе. Такая цѣль можетъ быть достигнута, однако, вовсе не увеличеніемъ обычнаго наказанія (aggravation de la peine ordinaire), а примѣненіемъ особой пенитенціарной системы, цѣлью которой должно быть возбужденіе и укрѣпленіе въ преступникѣ сознанія соціальной отвѣтственности, пріученіе его къ честному труду. Длина такой карательной мѣры должна быть установлена лишь въ относительно опредѣленной формѣ. Рѣшеніе вопроса о необходимости примѣненія этой мѣры къ опредѣленному конкретному случаю здѣсь, какъ и въ предыдущей категоріи, распредѣлено между законодателемъ и судьей. Въ виду крайней строгости мѣръ, рекомендуемыхъ уголовнымъ правомъ для борьбы съ рецидивомъ, государство должно, по мнѣнію референта, стараться предупредить рецидивъ всѣми иными средствами, находящимися въ его распоряженіи, сверхъ наказанія.

Рефератъ португальскаго криминалиста Люкаса касается отдѣльныхъ постановленій господствующей въ законодательствахъ системы для борьбы съ рецидивомъ. Исходя изъ той мысли, что главной цѣлью наказанія должно быть обезвреженіе преступника, Люкасъ считаетъ неправильнымъ говорить о рецидивѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда одно преступленіе совершено по неосторожности, другое же умышленно. Съ другой стороны, рецидивъ долженъ быть признаваемъ и тогда, когда совершенныя преступленія относятся къ различнымъ категоріямъ, потому что наказаніе должно препятствовать повторенію не только преступленія извѣстнаго рода, но и всякаго преступленія вообще, чего можно достигнуть, лишь уничтоживъ самый источникъ преступленія. Затѣмъ, референтъ считаетъ необходимымъ условіемъ для признанія наличности рецидива, чтобы второе преступленіе было совершено не позже опредѣленнаго срока послѣ перваго, но изъ этого правила дѣлаетъ исключеніе для тяжкихъ преступленій. Наконецъ, референтъ указываетъ на необходимость съузить область примѣненія тюремнаго заключенія, особенно краткосрочнаго, и требуетъ назначенія, въ наиболѣе упорныхъ случаяхъ рецидива, пожизненнаго лишенія свободы даже за сравнительно незначительные проступки.

Послѣднимъ былъ предложенъ обсужденію собранія вопросъ о карательныхъ мѣрахъ противъ малолѣтнихъ преступниковъ. Вопросъ этотъ былъ разбитъ на два слѣдующихъ отдѣльныхъ вопроса: a) «съ какого возраста можно преслѣдовать юныхъ преступниковъ?» и b) «слѣдуетъ ли ставить въ зависимость право государства дать ребенку принудительное воспитаніе отъ совершенія этимъ ребенкомъ наказуемаго дѣянія?» Докладчикъ по первому изъ этихъ вопросовъ, французскій ученый Гоклеръ весьма широко понялъ поставленную ему задачу: подъ преслѣдованіемъ (poursuite) юныхъ преступникокъ государствомъ онъ понимаетъ не только опредѣленіе наказанія въ собственномъ смыслѣ этого слова, но и всякаго рода принудительныхъ воспитательныхъ мѣръ. Становясь на такую

точку зрѣнія и придерживаясь предложеннаго Гарофало дѣленія преступленій на легальныя и естественныя (délits légaux et naturels), проф. Гоклеръ приходитъ къ заключенію, что юные преступники, виновные въ естественныхъ правонарушеніяхъ, всегда должны преслѣдоваться государствомъ, въ какомъ бы возрастѣ они ни находились, виновные же въ легальныхъ правонарушеніяхъ—*лишь* въ тѣхъ случаяхъ, когда они знали о запрещенности совершенныхъ ими дѣяній, такъ какъ лишь въ такихъ случаяхъ они представляютъ опасность для общества и нуждаются въ исправленіи. Всѣ «естественныя» преступленія должны быть указаны въ законѣ. Подъ юными преступниками (délinquants mineurs) референтъ разумѣетъ недостигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія.

Другой докладчикъ по данному вопросу, проф. Гетцъ, представилъ, вмѣсто реферата, соотвѣтственные §§ своего проекта общей части уголовнаго уложенія для Норвегіи вмѣстѣ съ ихъ мотивами. § 55 проекта постановляетъ, что лица моложе 15 лѣтъ не могутъ быть приговорены къ наказанію (понимаемому проектомъ въ техническо - юридическомъ смыслѣ), исключая случаевъ совершенія ими наиболѣе тяжкихъ преступленій, прямо перечисленныхъ законодателемъ, за которыя уголовная отвѣтственность начинается съ четырнадцатилѣтняго возраста. Лица моложе 16 лѣтъ могутъ, однако, согласно § 56, за преступленія, совершенныя ими, прежде чѣмъ имъ исполнилось полныхъ 15, или отдаваться родителямъ для наставленія, или поручаться попеченію надежныхъ людей, если бы оказалось, что родители дурно ихъ воспитываютъ, или, наконецъ, помѣщаться въ исправительныя заведенія. Такая высокая возрастная граница для уголовной отвѣтственности юныхъ преступниковъ встрѣчается, кромѣ проекта, лишь въ шведскомъ законодательствѣ 1864 г., въ новѣйшемъ проектѣ уголовнаго кодекса для Финляндіи и въ кодексѣ С.- Галленскаго кантона (здѣсь даже отвѣтственность за большинство преступленій начинается съ 16-лѣтняго возраста).

Широкая формулировка втораго изъ указанныхъ выше вопросовъ дала основаніе двумъ референтамъ, занявшимся его разработкой, изслѣдовать его съ двухъ совершенно различныхъ сторонъ. Нашъ русскій криминалистъ, г. Мольденгаверъ задался вопросомъ: можетъ ли государство, въ случаѣ совершенія ребенкомъ наказуемаго дѣянія, подчинить этого ребенка принудительному воспитанію? Этотъ вопросъ разрѣшается референтомъ въ утвердительномъ смыслѣ. Право государства давать въ такихъ случаяхъ ребенку принудительное воспитаніе юридически безспорно, какъ это выяснено на римскомъ пенитенціарномъ конгрессѣ, и примѣненіе его референтъ признаетъ вполнѣ справедливымъ и цѣлесообразнымъ. «Дѣтоубійство преслѣдуется закономъ, замѣчаетъ г. Мольденгаверъ, и никто противъ этого не возражаетъ; между тѣмъ родители, дающіе своимъ дѣтямъ дурное воспитаніе или вовсе не дающіе имъ воспитанія, развѣ не совершаютъ этимъ нравственнаго дѣтоубійства? Въ первомъ случаѣ общество теряетъ члена, который, *быть можетъ*, въ послѣдствіи сдѣ-

лается ему *полезенъ*, во второмъ — оно пріобрѣтаетъ члена, который *несомнѣнно* будетъ ему *вреденъ*» Законодатель, устанавливая право государства подчинять ребенка, въ случаѣ совершенія имъ наказуемаго дѣянія, принудительному воспитанію, долженъ ограничиться опредѣленіемъ лишь общихъ положеній относительно примѣненія этого закона. Судья изслѣдуетъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ, даетъ ли основаніе преступное дѣяніе ребенка, условія, при которыхъ оно совершено, число вообще совершенныхъ ребенкомъ преступныхъ дѣяній,—даетъ ли все это основаніе къ ограниченію или полной отмѣнѣ принадлежащаго родителямъ права воспитывать своихъ дѣтей.

Извѣстный германскій тюрьмовѣдъ фонъ-Ягеманъ, представившій докладъ по тому же вопросу, иначе понялъ поставленную ему задачу. Для него право государства подчинить ребенка, совершившаго преступное дѣяніе, принудительному воспитанію, является несомнѣннымъ. Онъ изслѣдуетъ въ своемъ рефератѣ лишь вопросъ, допустимо ли такое право государства исключительно при наличности совершеннаго ребенкомъ преступнаго дѣянія, или же его слѣдуетъ признать и въ другихъ случаяхъ? Референтъ, послѣ тщательнаго изученія богатаго законодательнаго матеріала, всецѣло склоняется въ пользу послѣдняго мнѣнія. Принудительное воспитаніе является необходимымъ повсюду, гдѣ обнаруживается отсутствіе необходимаго надзора (schwere Verwahrlosung) за ребенкомъ, причемъ безразлично, проявится ли это отсутствіе надзора въ совершеніи ребенкомъ преступленія, или какимъ-нибудь инымъ путемъ (непослушаніемъ ребенка по отношенію къ родителямъ, дурнымъ поведеніемъ родителей и т. п.). Вмѣшательство государства въ дѣло воспитанія ребенка обусловлено во всѣхъ такихъ случаяхъ опасностью, кроющейся въ отсутствіи надзора для самаго ребенка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для цѣлаго общества. Дѣломъ законодательной техники будетъ рѣшить. слѣдуетъ ли перечислить въ законѣ всѣ важнѣйшіе случаи отсутствія надзора, какъ это имѣетъ мѣсто во Франціи и въ Англіи, или же, придавъ отсутствію надзора значеніе основанія для принудительнаго воспитанія ребенка, предоставить рѣшеніе вопроса о наличности такого основанія судьѣ, противъ злоупотребленій котораго можно установить рядъ гарантій. Постановленіе о принудительномъ воспитаніи ребенка должно, конечно. лишь въ томъ случаѣ имѣть мѣсто, когда окажется, что родители ребенка или злоупотребляли принадлежащей имъ властью, или не могли, или не хотѣли дать ребенку надлежащаго воспитанія. «Власть родительская, замѣчаетъ фонъ-Ягеманъ, есть по существу власть охранительная, имѣющая цѣлью оберегать интересы дѣтей, а потому она должна дополняться или отмѣняться государствомъ, какъ верховнымъ охранителемъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это нужно для охраны ребенка или всего общества».

С. І.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВИЧА ГРАДОВСКАГО.

Читано въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 22 ноября 1889 г.

Московское Юридическое Общество понесло тяжелую утрату: скончался почетный членъ общества, профессоръ государственнаго права въ петербурскомъ университетѣ А. Д. Градовскій. Уже появилось много отзывовъ и воспоминаній объ Александрѣ Дмитріевичѣ. Ученики его въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ говорятъ о покойномъ наставникѣ. Я имѣю честь предложить вниманію Юридическаго Общества нѣсколько словъ, посвященныхъ памяти высокодаровитаго юриста, имѣвшаго благотворное вліяніе на развитіе у насъ историческаго изученія русскаго права и теоретической обработки многихъ важныхъ вопросовъ юриспруденціи.

Въ 1866 году появилась первая работа очень молодаго тогда ученаго (Александръ Дмитріевичъ родился въ 1841 году): *Высшая администрація Россіи XVIII столѣтія и генералъ-прокуроры*. Очень характеренъ эпиграфъ изъ Г. Г. Льюиса, избранный Градовскимъ для своего сочиненія: «Хорошое умствованіе есть идеальное сопоставленіе фактовъ и ихъ воспроизведеніе въ умѣ въ порядкѣ ихъ дѣйствительной послѣдовательности». Этотъ методъ, значенія и достоинства котораго нельзя отрицать, можетъ повести однако къ нѣсколько произвольнымъ построеніямъ, такъ что идеальная послѣдовательность фактовъ можетъ и не совпасть съ дѣйствительною.

Градовскій искалъ въ XVIII столѣтіи зародышъ современныхъ учрежденій. Онъ слѣдилъ вмѣстѣ съ тѣмъ за судьбою старо-русскихъ началъ, которыя часто прикрывались съ Петра Великаго иностраннымъ именемъ того или другаго учрежденія, но продолжали жить и развиваться. Нѣкоторыя нововведенія Петра Великаго, списанныя съ иноземнаго образца, крѣпко принялись на русской почвѣ, нѣкоторыя иныя погибли. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что въ первомъ случаѣ было дано удовлетвореніе дѣйствительнымъ потребностямъ нашей юридической жизни въ прошедшемъ столѣтіи.

Указывая на трудности своей задачи, Градовскій говорилъ, что они происходятъ отъ слабой еще разработки государственной науки въ нашемъ отечествѣ Поэтому автору приходилось нерѣдко выступать за предѣлы своего спеціальнаго изслѣдованія и касаться многихъ иныхъ вопросовъ, связанныхъ съ постановкою генералъ-прокурорской власти. Генералъ-прокурорамъ «пришлось дѣйствовать, говоритъ Градовскій, именно въ ту эпоху, когда правительство наше сознало превосходство коллегіальнаго начала предъ всѣми другими» (IX). Вслѣдствіе этого судьбы сената и должности генералъ-прокурора были тѣсно связаны между собою. Одинъ изъ тезисовъ въ диссертаціи Александра Дмитріевича былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: «Генералъ-прокуроръ не представляется началомъ бюрократическимъ, а необходимымъ элементомъ сената, какъ высшей государственной коллегіи, внѣ которой онъ не имѣетъ никакого значенія». Съ Екатерины II у насъ развивается областная администрація, возникаютъ новыя мѣстныя учрежденія самоуправленія, хотя и сословнаго. Сенатъ превращается въ высшее судебное мѣсто, генералъ-прокурорская власть видоизмѣняется въ соотвѣтствіи съ этимъ ходомъ развитія нашихъ учрежденій. При императорѣ Александрѣ I генералъ-прокуроръ становится министромъ юстиціи.

Въ концѣ XVII вѣка, въ администраціи нашей, говорилъ Градовскій, началось движеніе, которое могло привести къ самымъ благотворнымъ результатамъ. Выработка новыхъ началъ «требовала упорнаго, продолжительнаго труда, глубокаго уваженія народныхъ началъ, откровеннаго содѣйствія служащаго земства» (62). Готовыя шведскія учрежденія, прибавлялъ молодой ученый, требовали меньше заботъ—стоило только росписать служилое сословіе по многочисленнымъ коллегіямъ и канцеляріямъ.

Диссертація А. Д. Градовскаго была очень замѣтнымъ явленіемъ въ нашей историко-юридической литературѣ. Она вызвала большія ожиданія отъ автора ея, и ожиданія эти оправдались. Черезъ два года появился первый томъ *Исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи*, сочиненія, которое осталось, къ сожалѣнію, недоконченнымъ. Этотъ первый томъ былъ посвященъ *уѣзду московскаго государства*. Въ обширномъ введеніи, Градовскій подвергнулъ разсмотрѣнію одинъ изъ важнѣйшихъ,—и теоретически, и практически, — вопросовъ государственнаго права, — о государствѣ и провинціи.

Ученые публицисты, замѣчаетъ Градовскій, не остановились на простой возможности совмѣщенія государственнаго единства съ самостоятельностію мѣстностей. «Они и ихъ послѣдователи краснорѣчиво доказывали вредъ административной централизаціи, выставляли необходимость уменьшенія правительственной опеки и развитія личной и общественной иниціативы» (III). Многое оставалось однако неяснымъ и недостаточно доказательнымъ. Поэтому Градовскій счелъ необходимымъ разобраться въ теоретической сторонѣ вопроса прежде, чѣмъ приступить къ историче-

скому изслѣдованію о нашемъ мѣстномъ управленіи [1]). «Простое историческое изложеніе никогда не поведетъ къ разъясненію вопроса. Если опасно приступать къ фактамъ съ предвзятыми идеями, съ непремѣннымъ намѣреніемъ найти въ нихъ то или другое, то еще хуже, когда изслѣдователь ничего не ищетъ въ изслѣдуемыхъ фактахъ, когда нѣтъ у него вопросовъ, разрѣшенія которыхъ онъ бы ждалъ отъ нихъ. Дурно подсказывать отвѣты, но еще хуже не имѣть никакихъ вопросовъ для разрѣшенія. Работа, не имѣющая такой опредѣленной цѣли, можетъ остаться безплодною, хотя бы окончилась накопленіемъ громады матеріала».

Градовскій устанавливаетъ слѣдующее, вполнѣ вѣрное положеніе: «Если между недѣлимымъ, отдѣльно взятымъ, и государствомъ, во всей его совокупности, не будетъ никакихъ посредствующихъ группъ, свободному развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ недѣлимаго и даже его матеріальному благосостоянію грозитъ серьозная опасность. При отсутствіи такихъ союзовъ, государство является единственнымъ твердымъ учрежденіемъ среди разрозненной, а потому безсильной массы недѣлимыхъ, которые не замедлятъ стушеваться предъ этимъ колоссальнымъ могуществомъ» (XII).

Общественные элементы въ мѣстныхъ учрежденіяхъ должны находиться подъ надзоромъ и руководствомъ государственной власти, но элементамъ этимъ необходимо обезпечить извѣстную степень самостоятельности, безъ которой невозможна ихъ полезная въ мѣстныхъ условіяхъ дѣятельность. «Мы будемъ, писалъ Градовскій, искать разрѣшенія провинціальнаго вопроса въ органическомъ соединеніи и совокупномъ дѣйствіи правительственныхъ силъ и общественныхъ элементовъ». Мѣстное самоуправленіе необходимо и потому, что единственно оно можетъ воспитать въ народѣ гражданское чувство, которое не можетъ быть воспитано только обязанностію платить подати, поставлять рекрутъ, строить дороги, и т. д. (CVI): Мѣстное самоуправленіе устраняетъ вредное разобщеніе между правительствомъ и общественными классами и устанавливаетъ для этихъ послѣднихъ общія точки соприкосновенія. «Общественное единство—существенная опора единства политическаго. Оно важнѣе административнаго единства» (CX—CXI).

Этимъ духомъ проникнуто иcлѣдованіе А. Д. Градовскаго объ *уѣздѣ московскаго государства*. Оно начинается общею характеристикою развитія русскаго государства. «Послѣдующее единство Русской земли, говоритъ Градовскій, государственную и административную его централизацію нельзя объяснить однимъ развитіемъ правительственныхъ началъ. Безъ изслѣдованія общественнаго состава русскихъ волостей нельзя понять административнаго объединенія Россіи». Неосѣдлость княжескаго рода

[1]) Въ его пріемахъ изслѣдованія слышится еще замирающій отголосокъ гегеліанства. Онъ ссылается на Гегеля, утверждая, что идея должна быть разграничена въ понятіи и бытіи.

на первыхъ порахъ нашей государственной исторіи вела къ неосѣдлости княжеской дружины; русская область поэтому «съ самаго начала была лишена класса, существованіе котораго составляетъ одно изъ существенныхъ условій автономіи». Посвятивши обширную первую главу перваго раздѣла своего сочиненія классу землевладѣльцевъ въ Россіи XVI и XVII вѣковъ, вторую главу этого раздѣла Градовскій отводитъ *земской*, а третью — *сословной* общинѣ. Община была единственнымъ и необходимымъ организмомъ, на которомъ могло быть основано самоуправленіе въ древней Россіи. Раздробленность этого самоуправленіи, установленіе тягла, закрѣпощеніе крестьянъ повели къ крайнему развитію централизаціи, къ приказной, бюрократической системѣ управленія, изображенію которой отведенъ второй раздѣлъ книги Градовскаго.

Въ словѣ, посвященномъ памяти такъ много потрудившагося нашего почетнаго члена, нѣтъ ни возможности, ни надобности входить въ подробную характеристику, представлять разборъ сочиненій Александра Дмитріевича. Для насъ достаточно напомнить о тѣхъ общихъ результатахъ, къ которымъ приходилъ покойный въ своихъ работахъ, о тѣхъ пріемахъ, которыми онъ пользовался въ своихъ изслѣдованіяхъ. Въ Александрѣ Дмитріевичѣ Градовскомъ всегда было живо сознаніе неразрывной связи юридическаго мышленія и общественной жизни. И въ самомъ дѣлѣ, необходимо остановиться на одномъ изъ двухъ утвержденій: или юристъ-историкъ (какъ и юристъ-теоретикъ) долженъ безстрастно изучать всѣ факты, безъ разбора, не подходя къ нимъ, какъ говорилъ Градовскій, ни съ какими вопросами, —и тогда нечего говорить о принципахъ права, о справедливости и тому подобныхъ прекрасныхъ вещахъ; или въ душѣ юриста крѣпко и живо чувство справедливости, за судьбами которой онъ слѣдитъ въ былыя времена; и тогда онъ не можетъ относиться безучастно къ тому, множатся или гибнутъ вокругъ него общественныя условія торжества этой справедливости.

Въ концѣ своего изслѣдованія, Градовскій, съ глубокою вѣрою, съ радостнымъ упованіемъ говоритъ о судьбахъ нашего общественнаго развитія. «Свобода мѣстныхъ сословій и мѣстнаго самоуправленія, писалъ онъ, постепенно ведетъ у насъ къ уничтоженію сословныхъ различій, ибо главная основа этихъ различій заключалась въ тяглѣ, теперь снятомъ съ нихъ. Разнообразіе этихъ тяглъ постепенно замѣняется общими повинностями свободныхъ гражданъ въ пользу государства. Такъ мирно совершается подъ вліяніемъ свободы величайшая реформа, которая стоила Западу столько крови». Эти слова напечатаны Градовскимъ въ 1868 г. Пятнадцать лѣтъ спустя, въ третьемъ томѣ своего обширнаго труда: *Начала русскаго государственнаго права*, покойный профессоръ возвращается къ исторіи нашего мѣстнаго самоуправленія и къ оцѣнкѣ нашихъ дѣйствующихъ земскихъ учрежденій. Теоретическія соображенія въ пользу необходимости самоуправленія подкрѣпляются у Градовскаго новыми доказательными и новыми авторитетами въ области юридическихъ

наукъ. Такъ онъ цитируетъ слѣдующія слова Шульце: «Государство *механическое* осуществляетъ всѣ общественныя полномочія единственно чрезъ *свои* учрежденія и должностныя лица, которыя должны быть ничѣмъ инымъ, какъ послушными колесами великой государственной машины». Наоборотъ, государство *органическое* отвергаетъ исключительное управленіе бюрократическаго чиновничества. Оно исходитъ изъ той мысли, что всѣ предметы мѣстнаго значенія будутъ лучше завѣдываться въ небольшихъ округахъ, что самоуправленіе внесетъ въ дѣло и больше знанія, и больше усердія. Градовскій глубоко вникалъ въ общій ходъ и смыслъ государственной жизни и не могъ поэтому не признавать, что понятіе самоуправленія есть понятіе политическое. «Нѣтъ ничего безплоднѣе, говорилъ онъ, какъ искать для самоуправленія какую либо особую почву и стараться построить эту систему путемъ тщательнаго разграниченія интересовъ мѣстныхъ и государственныхъ» [2]).

Пытливая мысль Александра Дмитріевича искала отвѣтовъ на многіе вопросы въ исторіи и современной жизни западно-европейскихъ учрежденій; обширныя работы были посвѣщены покойнымъ профессоромъ Германской конституціи, общей исторіи европейскихъ государственныхъ учрежденій, національному вопросу въ исторіи и въ литературѣ, и т. д. Въ краткомъ сообщеніи, посвященномъ памяти такъ рано смертью оторваннаго отъ насъ ученаго, нѣтъ мѣста для объясненій того, что можно и должно считать недостатками и въ методѣ Александра Дмитріевича Градовскаго, и въ его міропониманіи. Приведенныхъ указаній достаточно, мнѣ кажется, для убѣдительности утвержденія, что покойный потрудился много и честно, что онъ выступалъ на защиту плодотворныхъ и здравыхъ юридическихъ идей. Но въ дѣятельности Градовскаго журнальныя и газетныя статьи занимали такое видное мѣсто, онѣ были посвящены такимъ важнымъ вопросамъ нашей правовой жизни, что нельзя не упомянуть о нихъ хоть въ нѣсколькихъ словахъ. Я остановлюсь только на двухъ публичныхъ лекціяхъ Градовскаго, прочитанныхъ въ октябрѣ 1876 года въ пользу славянъ Балканскаго полуострова [3]). Онѣ посвящены памяти Ю. Ѳ. Самарина и носятъ заглавіе: *Значеніе идеала въ общественной жизни*. «Представимъ себѣ, говорилъ Градовскій, юношу, слушающаго лекцію о Варѳоломеевской ночи или читающаго книгу о турецкомъ государственномъ устройствѣ, или повѣствованіе объ инквизиціи, или ученое изслѣдованіе объ отжившихъ формахъ процесса съ застѣнками и дыбами». Такому читателю мало будетъ *объясненія* инквизиціи или деспотизма изъ историческихъ причинъ. «Онъ потребуетъ отъ изслѣдователя, отъ преподавателя не только причинъ и слѣдствій, но и *сужденія* надъ лицами, учрежденіями и собы-

---

[2]) *Начала русскаго госуд. права*, III, 26.

[3]) Онѣ были напечатаны въ *Вѣстникѣ Европы*, 1877, I., потомъ въ сборникѣ очерковъ и опытовъ А. Д. Градовскаго: *Трудные годы*, 1880.

тіями», правдиваго и безпристрастнаго приговора. Въ жизни общественной мы имѣемъ дѣло не съ одними только законами развитія, но и съ вопросомъ: какъ должно идти это развитіе. Мы *вмѣняемъ* обществу его порядокъ, сознаемъ и свою долю личной отвѣтственности въ этомъ отношеніи. Намъ необходимы идеалы, которые согрѣвали бы нашу душу и руководили нашею практическою дѣятельностію.

Таковы идеи, которыми проникнуты были труды нашего высокодаровитаго сочлена. Много знанія и энергіи обнаружилъ покойный и благотворный слѣдъ оставляетъ эта честно и полезно проведенная жизнь въ русской юридической наукѣ и въ юридическомъ сознаніи русскаго общества.

В. Гольцевъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

D-r. Lorenz von Stein, *Handbuch der Verwaltungslehre.* Dritte, vollständig neu bearbeitete Auflage. 1889.

Новое изданіе *Руководства къ ученію объ управленіи* знаменитаго ученаго представляетъ почти новый трудъ. Нельзя не удивляться поразительной умственной энергіи Лоренца Штейна, на которую не дѣйствуетъ время, которая не слабѣетъ, не смотря на преклонный возрастъ Штейна.

Лоренцъ-Штейнъ горячо и вполнѣ основательно возстаетъ противъ разобщенности предметовъ преподаванія на юридическихъ факультетахъ, противъ преобладанія на нихъ римскаго права, которое выдается за неизмѣнную догму. До сихъ поръ господствуетъ заблужденіе, что кто изучилъ Пандекты — тотъ юристъ, не изучавшій Пандектовъ—не юристъ. Штейнъ указываетъ необходимость усвоенія такого понятія о правовой жизни, которое можно было бы назвать европейскимъ. Политическая экономія и государственныя науки должны составлять существенные предметы преподаванія на юридическихъ факультетахъ, и преподаваніе это слѣдуетъ связать общими идеями о государственной жизни, объ основаніяхъ права, что и придаетъ изложенію отдѣльныхъ правовыхъ дисциплинъ университетскій характеръ.

Студенческія испытанія должны быть организованы въ соотвѣтствіи съ такимъ взглядомъ на задачи высшаго юридическаго образованія.

Эти идеи Штейнъ давно уже проводитъ въ своихъ сочиненіяхъ. Онѣ встрѣчаютъ все большее и большее сочувствіе въ Германіи, тогда какъ у насъ, къ сожалѣнію, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ преобладаніе получило одностороннее и узкое пониманіе цѣлей университетскаго преподаванія на юридическихъ факультетахъ. Стѣсненіе преподаванія государственныхъ наукъ является большою теоретическою ошибкою и не можетъ не повести за собою вредныхъ практическихъ послѣдствій, общаго пониженія юридической мысли.

Штейнъ упоминаетъ въ предисловіи о трудѣ Іеллинека о законѣ и распоряженіи, и съ справедливою гордостью отмѣчаетъ, что строгаго юри-

дическаго ученія о различіи между этими юридическими понятіями не существовало до выхода въ свѣтъ перваго изданія книги Штейна объ исполнительной власти (1859). Въ новомъ изданіи своего *Руководства* Штейнъ повторяетъ формальное опредѣленіе распоряженія, по которому оно есть самостоятельная воля правительства, тогда какъ законъ есть выраженіе государственной воли. Существованіе распоряженія обусловливается тѣмъ, что законъ не въ состояніи выполнить всѣхъ функцій государственной воли, въ виду крайней сложности и измѣнчивости тѣхъ второстепенныхъ отношеній, которыя охватываются общими нормами закона. *Принципъ* права опредѣляетъ законъ, *цѣль*—распоряженіе. На низкой ступени юридическаго развитія они смѣшиваются. Приложеніе каждаго принципа, въ современномъ правильно организованномъ государствѣ, ведетъ за собою систему распоряженій. Совокупность этихъ распоряженій составляетъ *управленіе*, требующее строгаго подчиненія административной власти власти законодательной, въ основаніяхъ закона,—и достаточнаго простора принадлежащей отвѣтственности, въ примѣненіи закона къ отдѣльнымъ жизненнымъ явленіямъ, нерѣдко опережающимъ законодательныя нормы.

Для русскаго юриста особенный интересъ, по условіямъ настоящаго момента, имѣетъ ученіе знаменитаго германскаго ученаго о самоуправленіи. Истинное самоуправленіе, говоритъ онъ, немыслимо, покуда не существуетъ въ государствѣ строгаго разграниченія закона отъ распоряженія. Штейнъ утверждаетъ: «In der Epoche der absoluten Monarchie gibt es daher keine Selbstverwaltung, weil die absolute Aufhebung jeder Selbständigkeit in den Willen der persönlichen Staatsgewalt die der Verwaltung und ihrer Function überhaupt nicht zulässt» (*Handbuch der Verwaltungslehre*, I, 61). Сложныя задачи современнаго культурнаго государства не могутъ быть исполнены безъ участія органовъ мѣстнаго самоуправленія и строя союзовъ.

Третье изданіе знаменитаго *Руководства* вышло въ трехъ частяхъ. Оно представляетъ обширное сочиненіе (болѣе 1500 страницъ), полное глубокаго интереса для юриста. Сторонники инаго метода обработки юридическихъ вопросовъ найдутъ въ трудѣ Штейна много полезныхъ указаній, мѣткихъ наблюденій и вѣрныхъ юридическихъ и экономическихъ идей.

В. Гольцевъ.

Ernest Roguin. *La règle de droit.* Lausanne. 1889.

Вопросъ о томъ, что такое право,—въ чемъ заключается его характеристичный признакъ, отличающій его отъ морали, принадлежитъ къ числу старыхъ вопросовъ юриспруденціи. Въ нѣмецкой наукѣ онъ обыкновенно разрѣшается въ томъ смыслѣ, что области права соотвѣтствуетъ извѣстное *содержаніе* юридическихъ принциповъ,—что юридическіе принципы, по

самому содержанію своему, составляютъ нѣчто отличное отъ принциповъ морали. Съ другой стороны, въ литературѣ не нѣмецкой не было недостатка въ писателяхъ, которые искали границу права и морали на почвѣ исключительно формальной. По извѣстному замѣчанію знаменитаго англійскаго логика Бэна, «невѣрнымъ будетъ то опредѣленіе справедливости, которое не сведетъ ее въ концѣ концовъ на законъ, авторитетъ, или, по крайней мѣрѣ на мнѣніе людей, имѣющихъ власть повелѣвать, — опредѣленіе, которое всегда дурно встрѣчалось, потому что указывало, какъ на существенное свойство справедливости, на тотъ фактъ, что она создана закономъ и мнѣніемъ. Но, продолжаетъ Бэнъ, въ интересахъ истины, мы должны разстаться съ обычными предразсудками». Въ русской литературѣ, сочиненіе С. Муромцева: «Опредѣленіе права» стоитъ на той же почвѣ. По его опредѣленію, право есть отношеніе, защищаемое общественною властью организованнымъ способомъ. Близко къ этому стоитъ и опредѣленіе швейцарскаго ученаго, Эрнеста Рогена, книга котораго дала поводъ къ настоящей замѣткѣ. По мнѣнію его, юридическая санкція тѣмъ отличается отъ санкціи религіозной и моральной, что осуществляется посредствомъ *внѣшняго принужденія*. Право, по опредѣленію автора, есть такой порядокъ отношеній, въ силу котораго извѣстный соціальный фактъ слѣдуетъ принудительно за другимъ соціальнымъ фактомъ. Если извѣстной нормѣ не сопутствуетъ принудительная санкція, то такая норма не относится къ области права. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, существенныя свойства права надо искать въ его формальныхъ признакахъ, но не въ содержаніи. Право не регулируетъ какихъ либо отношеній, не извѣстныхъ другимъ областямъ; право обнимаетъ всевозможныя соціальныя отношенія и состоитъ въ томъ, что соединяетъ съ тѣми или другими отношеніями принудительную санкцію. Другими словами, право есть лишь своеобразная *форма* соціальныхъ отношеній. Точно также подраздѣленіе права на публичное и частное не обусловливается какимъ либо различіемъ по существу; отъ воли законодателя зависитъ объявить то или другое юридическое отношеніе публичныхъ или частныхъ. Каждое право есть отношеніе двухъ субъектовъ; и публичное право есть такое, въ которомъ одинъ изъ субъектовъ или оба они представляются государствомъ или какою-либо властью; напротивъ, въ гражданскомъ правѣ субъектами являются лицо или группы лицъ, лишенныя оффиціальнаго характера.

W.

А. Карабеговъ. *Реформа судебныхъ уставовъ въ связи съ современнымъ состояніемъ правосудія.* 1889.

Ко времени совершившагося двадцатипятилѣтія со дня утвержденія «Судебныхъ уставовъ» было бы весьма кстати появленіе такого труда, въ которомъ выяснялись бы недостатки существующихъ судебныхъ учреж-

деній и еще болѣе—дѣйствующихъ судебныхъ порядковъ. Два качества были бы особенно дороги въ такомъ трудѣ: возможная полнота фактическихъ указаній и спокойный тонъ работы. Этимъ требованіямъ не удовлетворяетъ работа г. Карабегова. Фактическій матеріалъ книги въ 212 страницъ довольно скуденъ, дѣлаемыя въ ней предложенія нѣсколько отрывочны, а изложеніе проникнуто чувствомъ раздраженія, которое ослабляетъ значеніе приводимыхъ фактовъ и убѣдительность предложеній. Авторъ указываетъ на установившійся въ кассаціонномъ сенатѣ порядокъ предварительнаго изготовленія опредѣленій до слушанія дѣлъ и негласнаго слушанія громаднаго большинства ихъ; онъ описываетъ подробно одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ Тифлисской судебной палатѣ, гдѣ членъ-докладчикъ единолично написалъ отъ имени палаты частное опредѣленіе съ отказомъ въ допросѣ свидѣтелей (по уголовному дѣлу); онъ обличаетъ далѣе ту же палату въ томъ, что въ засѣданіяхъ одного изъ ея департаментовъ присутствуютъ обыкновенно два брата: членъ палаты и товарищъ прокурора (случай, закономъ не запрещенный), что въ палатѣ установился обычай не вызывать никакихъ свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ, что обязанности защиты возлагаются на нѣкое служащее при Палатѣ лицо, совершенно негодное, будто бы, къ исполненію этой обязанности, что гражданскій департаментъ палаты, изъ чувства товарищества, старается возстановить рѣшенія, постановленныя уголовнымъ департаментомъ и кассированныя сенатомъ. Исходя изъ этихъ фактовъ, авторъ требуетъ уничтоженія того порядка, по которому кассированное сенатомъ дѣло передается для разрѣшенія въ другой департаментъ той же палаты; онъ рекомендуетъ установить публичное совѣщаніе судей, ограничить свободу судейскаго убѣжденія и возстановить, въ исправленномъ видѣ, теорію формальныхъ доказательствъ. Г. Карабеговъ думаетъ также, что слѣдуетъ отнять у судовъ право толкованія законовъ по аналогіи и по общему духу законовъ и въ существованіи кассаціонной инстанціи видитъ одну изъ ближайшихъ причинъ паденія авторитета закона и деморализаціи судовъ; при условіи гласнаго и публичнаго выраженія судьями своихъ мнѣній, ограниченіе числа инстанцій одною соотвѣтствуетъ, по мнѣнію автора, идеѣ гласнаго суда и единаго приговора. Въ заключеніе г. Карабеговъ высказывается за поднятіе образовательнаго ценза судей, за реформу школьнаго образованія въ смыслѣ замѣны классическихъ языковъ изученіемъ общественныхъ наукъ и за установленіе конкурсныхъ испытаній на должность судьи.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ вопросу объ алкоголизмѣ. Печальныя и распространяющіяся явленія алкоголизма, порождающія безнравственность, преступленія, бѣдность и вырожденіе, все болѣе и болѣе начинаютъ сосредоточивать на себѣ вниманіе во всѣхъ образованныхъ странахъ, а потому и журналы все чаще и чаще отмѣчаютъ слѣдствія или мѣры, проектируемыя и принимаемыя противъ алкоголизма. Въ № 53 «Archives de neurologie» мы находимъ нѣкоторыя не безъинтересныя свѣдѣнія по этому вопросу.

Журналъ указываетъ, что по статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ Forel, профессоромъ психіатріи въ Цюрихѣ, число душевно-больныхъ въ этомъ кантонѣ достигаетъ цифры 3,178 (1,391 муж. и 1,687 жен.) на населеніе въ 339,000, или 1 больной на 100 жит. Эта ужасающая пропорція въ значительной мѣрѣ должна быть отнесена, по мнѣнію журнала, на долю алкоголизма, который особенно развитъ въ нѣмецкой Швейцаріи. Прямые опыты хроническаго и остраго отравленія животныхъ алкоголемъ, какъ и наблюденія надъ человѣкомъ, повидимому, вполнѣ подтверждаютъ эту возможную роль алкоголизма въ значительномъ возрастаніи числа душевныхъ разстройствъ. Въ ноябрьской книжкѣ «Annales médico-psychologiques мы находимъ отчетъ о засѣданіи французской академіи наукъ, въ которомъ Meiret и Combemole дѣлали сообщенія о своихъ опытахъ отравленія животныхъ алкоголемъ. Изъ этихъ опытовъ оказывается, что само отравляемое животное представляетъ рѣзкія разстройства въ сферѣ нервной системы, галлюцинаціи всѣхъ органовъ чувствъ, паралитическія явленія, воспаленіе мозговыхъ оболочекъ, расширенія мозговыхъ кровеносныхъ сосудовъ, уменьшеніе числа кровяныхъ шариковъ, явленія послѣдующаго слабоумія и проч. Въ нисходящихъ поколѣніяхъ, происшедшихъ даже отъ слученія отравлявшихся и вполнѣ здоровыхъ животныхъ, алкоголизмъ родителей порождаетъ недостатокъ жизненности, трудности развитія, конвульсивныя явленія, туберкулезъ, значительныя различія въ вѣсѣ мозговыхъ полушарій, приращеніе мозговыхъ оболочекъ, различные пороки въ развитіи, прирожденное слабоуміе, жировое перерожденіе печени и проч.

Не мудрено поэтому, что повсюду замѣчаемыя пагубныя слѣдствія алкоголизма все болѣе начинают вызывать и строгія мѣры противъ него. Въ той же книжкѣ «Arch. de neurol.» мы находимъ свѣдѣнія, что въ штатѣ Коннектикутъ, гдѣ недавно приняты строгія мѣры противъ ранняго злоупотребленія табакомъ молодыми людьми, приняты также и мѣры, имѣющія въ виду вотированіе народомъ постановленій, которыя сдѣлали бы трезвость обязательной. Подобныя же постановленія недавно приняты и законодательствомъ штата Масачусетсъ. Въ Англіи по поводу Индіи два депутата внесли протестъ противъ злоупотребленій алкоголемъ и опіемъ со стороны туземцевъ, злоупотребленій, поощряемыхъ мѣстнымъ правительствомъ и правительствомъ метрополіи съ цѣлью увеличенія суммы получаемаго съ этихъ веществъ налога. Не смотря на противодѣйствіе членовъ правительства, палата вполнѣ присоединилась къ протесту своихъ членовъ и пригласило правительство принять соотвѣтствующія мѣры и устранить такое положеніе. Въ свою очередь, правительство новой Каледоніи недавно приняло рѣшеніе, воспрещающее продавать, давать и доставлять туземцамъ алкогольные напитки.

Нельзя горячо не сочувствовать всѣмъ этимъ мѣрамъ, направленнымъ противъ отравленія алкоголемъ народныхъ массъ. Если бы такія мѣры были приняты значительно ранѣе, то весьма вѣроятно, что мы избѣгли бы значительной части теперешняго зла. Что бы ни говорили противники стѣсненій, но примѣръ нѣкоторыхъ государствъ, вооружившихся противъ алкоголизма, говоритъ противное. Намъ русскимъ, при теперешнемъ развитіи у насъ алкоголизма, нельзя горячо не желать, чтобы и наше правительство, хотя бы цѣною большихъ жертвъ, нашло возможнымъ отказаться отъ значительнаго питейнаго дохода или, по крайней мѣрѣ, отъ большей части его и прибѣгнуть къ запретительнымъ мѣрамъ, а также и къ мѣрамъ предупрежденія противъ пьянства, незамѣтно, но вѣрно подтачивающаго силы народныя.

Дмитрій Дриль.

Къ вопросу объ источникахъ Уложенія (по поводу статьи г. Верховскаго). Любопытная статья г. Верховскаго, помѣщенная въ ноябрьской книгѣ «Юридическаго Вѣстника», вновь поднимаетъ вопросъ объ источникахъ Уложенія царя Алексѣя и при томъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ цѣлью уясненія характера и значенія этого юридическаго памятника. Г. Верховскій поднимаетъ также и вопросъ о наиболѣе пригодномъ методѣ для изученія Уложенія съ указанной цѣлью. Какъ издатель и посильный комментаторъ одного изъ любопытнѣйшихъ источниковъ Уложенія царя Алексѣя, пользуюсь случаемъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по затронутому г. Верховскимъ вопросу. Г. Верховскій говоритъ на стр. 370, что «есть полное основаніе говорить о существованіи еще неизданнаго матеріала, гдѣ масса статей Уложенія найдетъ свой источ-

никъ». Съ этимъ замѣчаніемъ нельзя до нѣкоторой степени не согласиться. Можно указать и на то, гдѣ именно слѣдуетъ искать этотъ матеріалъ. Такимъ матеріаломъ я считаю *столбцы* въ огромномъ количествѣ, хранящіеся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Приготовляя къ печати «указную книгу помѣстнаго приказа», я проглядывалъ столбцы помѣстнаго приказа. Довольно бѣглое изученіе этихъ столбцевъ, до сихъ поръ рѣшительно не эксплуатировавшихся, показало, что въ нихъ кроется масса указовъ, выписанныхъ сюда по правиламъ тогдашней канцелярской техники къ свѣдѣнію при рѣшеніи тѣхъ юридическихъ казусовъ, которые возникали по различнаго рода челобитьямъ служилыхъ людей. Эти столбцы помѣстнаго приказа необыкновенно любопытный матеріалъ, чтеніе котораго требуетъ, впрочемъ, огромнаго самопожертвованія со стороны изслѣдователя. Прочитать два, три столбца — нѣтъ смысла; нужно проштудировать съ извѣстной цѣлью и по извѣстному плану сотни этихъ столбцевъ, чтобъ получить рядъ самыхъ занимательныхъ свѣдѣній. Это изученіе познакомитъ читателя со всѣми тонкостями приказнаго дѣлопроизводства, которое у насъ вообще мало извѣстно. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о важности знать кацелярскую технику XVII вѣка, укажу на то, что по столбцамъ помѣстнаго приказа мы прежде всего знакомимся съ *практическимъ примѣненіемъ закона*, знакомимся съ тѣми затрудненіями, какія встрѣчало иногда на практикѣ примѣненіе закона, знакомимся съ способами приноровленія закона къ отдѣльнымъ юридическимъ казусамъ, съ ошибками въ этомъ приноровленіи закона и съ отступленіями отъ закона, какія иногда случались на практикѣ. Пріобрѣтенныя въ этомъ направленіи изъ столбцевъ помѣстнаго приказа знанія даютъ возможность судить, насколько юридическія нормы облекались нашими дьяками въ соотвѣтствующій практическимъ цѣлямъ костюмъ, подъ какими вліяніями складывались эти нормы и вслѣдствіе какихъ условій они должны были или сами измѣняться или только мѣнять свой костюмъ. А зная все это и имѣя передъ глазами Уложеніе вмѣстѣ съ указной книгой помѣстнаго приказа, получаемъ возможность проникнуть въ тайну отношеній составителей Уложенія къ своимъ источникамъ. Далѣе. Въ этихъ столбцахъ мы встрѣчаемъ постоянно копіи подлинныхъ текстовъ указовъ, которые выписывались къ каждому дѣлу, разрѣшавшемуся въ приказѣ и заносившемуся въ столбецъ. Значитъ, мы рискуемъ ежеминутно напасть на указъ, либо совершенно неизвѣстный Уложенію, либо встрѣчаемый въ немъ съ поправкою въ костюмѣ, либо цѣликомъ, безъ перемѣнъ, внесенный въ Уложеніе. Наконецъ, въ тѣхъ же столбцахъ мы постоянно встрѣчаемся съ массою челобитныхъ. Быть можетъ эти челобитныя укажутъ намъ 1) на наиболѣе часто повторяющіяся нужды, требующія законодательнаго разрѣшенія, и 2) на необходимость тѣхъ измѣненій въ костюмѣ или сущности юридическихъ нормъ, измѣненій, какія предприняло Уложеніе. И это можетъ бросить свѣтъ на отношенія Уложенія къ своимъ источникамъ, а съ другой стороны

показать, что коммиссія, составлявшая Уложеніе, вносила новыя статьи не на основаніи только челобитныхъ выборныхъ, прибывшихъ на соборъ 1648 г., но и вслѣдствіе челобитныхъ, поступавшихъ въ Москву еще задолго до появленія мысли о составленіи Уложенія и отчасти даже обусловившихъ собою возникновеніе мысли о пересмотрѣ всего накопившагося законодательства, разсѣяннаго по разнымъ учрежденіямъ, и о дополненіи его въ виду ряда новыхъ нуждъ, требованій, запросовъ, надоѣвшихъ правительству въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, предшествовавшихъ составленію Уложенія.

Въ дополненіе къ литературѣ предмета, перечисленной г. Верховскимъ, прибавлю еще замѣтку А. Н. Зерцалова [1]) «Новыя данныя о земскомъ соборѣ 1648—49 годовъ», пропущенную въ перечисленіи. Объ объемѣ и способахъ пользованія Уложенія указной книгою помѣстнаго приказа не говорю, такъ какъ пока не могу прибавить ничего новаго, сравнительно съ тѣмъ, что мною было сказано въ «указной книгѣ помѣстнаго приказа» [2]).

Нельзя не замѣтить еще, что Уложеніе, также какъ и судебники, по какой то странной особенности древне-русской кодификаціи, игнорировало нѣкоторые извѣстные въ его время юридическіе вопросы (ср. мою «указ. книгу помѣстнаго приказа», стр. 16, 17). Такъ ни Уложеніе, ни его Новоуказныя статьи ничего не говорятъ объ однодворцахъ, а между тѣмъ *однодворцы*, какъ особый какой то разрядъ среди массы провинціальнаго дворянства, становятся извѣстными по неизданнымъ документамъ еще въ первой четверти XVII вѣка. Такъ какъ вопросъ объ однодворцахъ довольно смутенъ въ нашей историко юридической литературѣ и, сколько мнѣ помнится, въ печати не встрѣчалось указаній на существованіе этого термина еще въ началѣ XVII в., то пользуюсь случаемъ указать на раннія упоминанія этого термина въ неизданныхъ источникахъ. Терминъ «*однодворецъ*» встрѣтился въ двухъ изъ ста изученныхъ мною книгъ *десятенъ* [3]), именно въ десятнѣ дѣтей боярскихъ и казаковъ города Ельца 1622 г. и десятнѣ дѣтей боярскихъ и казаковъ г. Бѣлгорода 1639 г. Для однодворцевъ обѣ десятни не знаютъ особыхъ рубрикъ; они являются перемѣшанными среди дѣтей боярскихъ и казаковъ, такъ что мы узнаемъ о нихъ лишь только въ случаѣ прибавки самаго термина обыкновенно въ такомъ видѣ: «помѣстья за нимъ въ дачахъ (столько-то), крестьянъ и бобылей нѣтъ, *однодворецъ*». Изъ 291 человѣкъ городовыхъ дѣтей боярскихъ — 96 однодворцевъ; изъ 128 новиковъ — 40 однодворцевъ; кромѣ того, изъ 208 дѣтей боярскихъ, разсѣянныхъ по особымъ отмѣткамъ въ разныхъ рубрикахъ—45 однодворцевъ. Такъ въ Елецкой раз-

1) Чтеніе М. О. И. и Д. Р. 1887, кн. III.

2) Въ VI т. опис. док. и бум. московъ. архива юстиц., а также отдѣльнымъ изданіемъ, Москва, 1889.

3) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи. Кн. дес., № нов. 1, ст. 4 и № нов. 87, ст. 291 а.

борной десятнѣ. Въ Бѣлгородской же раздаточной десятнѣ на 300 человѣкъ дѣтей боярскихъ приходится 150 однодворцевъ. Такимъ образомъ, терминъ «однодворецъ», неизвѣстный ни Уложенію, ни Новоуказнымъ статьямъ XVII в., еще въ началѣ XVII в. прилагался къ нѣкоторымъ провинціальнымъ дворянамъ и казакамъ, не имѣвшимъ въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ ни крестьянъ, ни бобылей, и имѣлъ, несомнѣнно, какое-то практическое значеніе. Любопытно, что въ двухъ случаяхъ однодворцамъ учинена придача къ помѣстному и денежному окладамъ «за бѣлогородскую службу и *за убитые мужики*» (№ 1 л. л. 52 и 52 об.). Не указывая подробностей, что мнѣ придется сдѣлать въ другомъ мѣстѣ и притомъ послѣ изученія всего наличнаго состава десятенъ въ архивѣ юстиціи, замѣчу, что въ XVII в. однодворцы принадлежали къ дворянству и казачеству и записывались въ документъ, который служилъ доказательствомъ принадлежности къ дворянскому сословію. Встрѣчаются однодворцы и въ неизданныхъ писцовыхъ книгахъ. Такъ въ одной дозорной книгѣ (М. Арх. Мин. Юст. № 390, л. 647, 648 и 651) 1677 г. упоминается (въ мѣстности нынѣшней Тульской губерніи) деревня Мокѣева, «а живутъ въ той деревнѣ дѣти боярскіе однодворцы»; о деревнѣ Дьяковой сказано, что она «тулянъ дѣтей боярскихъ однодворцевъ», то же—и о деревнѣ Татариновой. Такимъ образомъ, часть вопроса объ однодворцахъ, благодаря приведеннымъ выдержкамъ, рѣшается окончательно: въ XVII в. они были дворянами. Правительство впослѣдствіи совершенно забыло объ однодворцахъ. Долгое время не знала ихъ и администрація Разряднаго Архива [4]). Въ 1805 г. Разрядный Архивъ на запросъ правительства отвѣчалъ, что «о происхожденіи однодворцевъ свѣдѣній (въ архивѣ) не оказалось, а писаны въ книгахъ дворяне и дѣти боярскіе, также казаки..., но чтобы они именовались однодворцами, того не видно». Изъ приведенныхъ выше выдержекъ замѣтна ошибка этого отвѣта. Остается выяснить, былъ ли терминъ однодворецъ въ XVII вѣкѣ юридическимъ или экономическимъ, и прослѣдить юридическое видоизмѣненіе въ положеніи однодворцевъ, происшедшее при Петрѣ I.

В. Н. Сторожевъ.

---

[4]) Срв. мою рецензію на книгу г. Чечулина, Русское провинц. общ. во второй полов. XVIII г., въ журналѣ „Книжный Вѣстникъ". 1889 г., № 9.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

Юридическій Вѣстникъ въ 1889 году.

I.

Географическое распредѣленіе журнала.

Акмолинская область.

Петропавловскъ	1
Омскъ	3
	4

Архангельская губернія.

Онега	1
Пинега	1
Холмогоры	1
Шенкурскъ	2
	5

Астраханская губернія.

Астрахань	2
Царевъ	1
	3

Бакинская губернія.

Баку	3
Куба	1
Шемаха	1
	5

Бессарабская губернія.

Кишиневъ	5
Аккерманъ	1
Оргѣевъ	1
	7

Варшавская губернія.

Варшава	12
	12

Виленская губернія.

Вильно	6
	6

Витебская губернія.

Витебскъ	3
	3

Владимірская губернія.

Владиміръ	1
Вязники	2
Переяславль	1
Судогда	1
	5

Вологодская губернія.

Вельскъ	1
Никольскъ	1
Усть-Сысольскъ	1
	3

Волынская губернія.

Житоміръ	3
Дубно	1
Красиловъ. мѣстечко	1
Луцкъ	2
Овручъ	1
	8

Воронежская губернія.

Воронежъ	7
Бобровъ	1
Богучаръ	1
Горѣлка станція	1
Землянскъ	1
Коротоякъ	2
Новохоперскъ	1
Острогожскъ	2
Павловскъ	1
Тишанская станція	1
	18

Вятская губернія.

Вятка	2
Воткинскій заводъ	1
Нолинскъ	2
Сарапуль	4
Уржумъ	1
	10

Гродненская губернія.

Гродно	1
Бѣлостокъ	1
Кобринъ	1
Слонимъ	1
	4

Донскаго войска область.

Новочеркасскъ	3
Урюпинская станица	1
Усть-Медвѣдицкая станица	2
	6

Екатеринославская губернія.

Екатеринославъ	2
Александровскъ	1
Маріуполь	1
Ростовъ	2
Таганрогъ	6
Юзовка мѣстечко	1
	13

Елисаветопольская губернія.

Елисаветополь	1
	1

Енисейская губернія.

Красноярскъ	2
Ачинскъ	1
	3

Забайкальская область.

Кабанская станція	1
Средняя Кара станція	1
Чита	1
	3

Зарявшанскій округъ.

Самаркандъ	1
	1

Иркутская губернія.

Иркутскъ	4
Балаганскъ	1
	5

Казанская губернія.

Казань	15
Свіяжскъ	2
Тетюши	1
Ядринъ	1
	19

Калишская губернія.

Калишъ	2
	2

Калужская губернія.

Калуга	5
	5

Кіевская губернія.

Кіевъ	26
Бѣлая церковь	1
Васильковъ	1
Звенигородка	1
Каменка мѣстечко	1
Липовецъ	1
Сквира	1
Черкасы	1
	33

Ковенская губернія.

Ковно	2
Тельши	1
Шавли	1
	4

Костромская губернія.

Кострома	2
Ветлуга	1
Галичъ	2
Макарьевъ	1
	6

Кубанская область.

Екатеринодаръ	3
Армавиръ	1
Ейскъ	1
Майкопъ	1
Темрюкъ	1
	7

Курляндская губернія.

Митава	1
Якобштадтъ	1
	2

Курская губернія.

Курскъ	2
Бѣлгородъ	1
Льговъ	2
	5

Кѣлецкая губернія.

Кѣльцы	2
	2

Лифляндская губернія.

Дерптъ	3
	3

Ломжинская губернія.

Ломжа	1
	1

Люблинская губернія.

Люблинъ	2
Грубешовъ	1
Новая Александрія	1
	4

Минская губернія.

Минскъ	5
Лоевъ мѣстечко	1
Несвижъ	1
Слуцкъ	1
	8

Могилевская губернія.

Могилевъ	2
Горки	1
	3

Московская губернія.

Москва	339
Богородскъ	1
Завидово станція	1
Подольскъ	1
Подсолнечная станція	1
Серпуховъ	1
	344

Нижегородская губернія.

Нижній-Новгородъ	5
Лысково село	1
	6

Новгородская губернія.

Новгородъ	1
Боровичи	1
Любань станція	1
Сомино станція	1
Череповецъ	2
Чудово станція	1
	7

Олонецкая губернія.

Каргополь	1
	1

Оренбургская губернія.

Оренбургъ	3
Бѣлорѣцкій заводъ	1
Верхнеуральскъ	1
Троицкъ	1
Челябинскъ	2
	8

Орловская губернія.

Орелъ	6
Елецъ	5
Сѣвскъ	1
	12

Пензенская губернія.

Пенза	3
	3

Пермская губернія.

Пермь	5
Екатеринбургъ	4
Камышловъ	1
Касли станція	1
Красноуфимскъ	2
Соликамскъ	1
Шадринскъ	1
	15

С.-Петербургская губернія.

С.-Петербургъ	88
Павловскъ	1
Царское село	1
	90

Петроковская губернія.

Петроковъ	2
Ченстоховъ	1
	3

Плоцкая губернія.

Плоцкъ	4
Плонскъ	1
Рыпинъ	1
	6

Подольская губернія.

Каменецъ-Подольскъ	1
Винница	1
Гайсинъ	1
Летичевъ	1
Новая-Ушица	1
Ольгополь	1
Сатановъ мѣстечко	1
Терновка мѣстечко	1
Ярышевская станція	1
	9

Полтавская губернія.

Полтава	4
Борисполь мѣстечко	1
Золотоноша	1
Константиноградъ	1
Кременчугъ	3
Лохвица	1
Лубны	1
Переяславль	1
Пирятинъ	1
Ромны	1
	15

Приморская область.

Владивостокъ	1
	1

Псковская губернія.

Псковъ	3
Великіе-Луки	2
Порховъ	1
Торопецъ	1
	7

Радомская губернія.

Радомъ	1
Сандоміръ	1
	2

Рязанская губернія.

Рязань	2
Касимовъ	1
Раненбургъ	1
Скопинъ	1
Спасскъ	1
	6

Самарская губернія.

Самара	5
Бузулукъ	1
	6

Саратовская губернія.

Саратовъ	6
Вольскъ	1
Петровскъ	1
Хвалынскъ	1
Царицынъ	1
	10

Семипалатинская область.

Семипалатинскъ	1
	1

Семирѣченская область.

Вѣрный	2
Копалъ	1
	3

Симбирская губернія.

Симбирскъ	4
Алатырь	1
Болховская станція	1
	6

Смоленская губернія.

Смоленскъ	3
Бѣлый	1
Вязьма	1
Гжатскъ	1
Знаменская станція	1
Дорогобужъ	1
Духовщина	1
Красный	1
Юхновъ	1
	11

Ставропольская губернія.

Ставрополь	3
Медвѣжья станція	2
	5

Сувалкская губернія.

Сувалки	3
	3

Сѣдлецкая губернія.

Сѣдлецъ	2
Бѣла	1
Влодава	1
Радинъ	1
	5

Сыръ-Дарьинская область.

Ташкентъ	2
	2

Таврическая губернія.

Симферополь	4
Алешки	1
Бердянскъ	3
Керчь	1
Мелитополь	1
Ногайскъ	1
Севастополь	1
Шуютъ-Джеретъ станція	1
Ялта	1
Ѳеодосія	1
	15

Тамбовская губернія.

Тамбовъ	3
Борисоглѣбскъ	1
Ермиша станція	1
Кирсановъ	2
Лебедянь	1
Моршанскъ	2
	10

Тверская губернія.

Тверь	5
Кашинъ	1
	6

Терская область.

Владикавказъ	3
Хасавъ-Юртъ слобода	1
	4

Тифлисская губернія.

Тифлисъ	11
Гори	1
Телавъ	1
	13

Тобольская губернія.

Тобольскъ	2
Ишимъ	1
Курганъ	1
Тюмень	1
Ялуторовскъ	1
	6

Томская губернія.

Томскъ	2
Барнаулъ	1
Каинскъ	1
	4

Тульская губернія.

Тула	2
Доробино станція	1
	3

Уральская область.

Уральскъ	2
	2

Уфимская губернія.

Аскинъ станція	1
Златоустъ	1
	2

Ферганская область.

Андижанъ	1
Новый-Маргеланъ	1
	2

Харьковская губернія.

Харьковъ	18
Купянскъ	1
Сумы	2
	21

Херсонская губернія.

Херсонъ	7
Ананьевъ	1
Долинская станція	1
Елисаветградъ	2
Николаевъ	2
Одесса	49
Севериновка мѣстечко	2
Тирасполь	1
	65

Черниговская губернія.

Городня	1
Стародубъ	1
	2

Черноморскій округъ.

Новороссійскъ	1
	1

Эриванская область.

Эривань	3
Вагаршапатъ	1
Новый Баязетъ	1
	5

Якутская область.

Якутскъ	3
	3

Ярославская губернія.

Ярославль	17
Любимъ	1
Ростовъ	1
Рыбинскъ	1
	20

За-границу.

Берлинъ	1
Бернъ	1
Бѣлградъ	1
Варна	1
Вашингтонъ	1
Вѣна	1
Геттингенъ	1
Львовъ	1
Парижъ	5
Прага	3
Римъ	1
Рущукъ	1
Софія	3
Туринъ	1
Тырновъ	1
Филиппополь	2
Ямболъ	1
	26

Общій сводъ по губерніямъ и областямъ.

1.	Московская	344
2.	Петербургская	90
3.	Херсонская	65
4.	Кіевская	33
5.	Харьковская	21
6.	Ярославская	20
7.	Казанская	19
8.	Воронежская	18
9.	Пермская	15
10.	Таврическая	15
11.	Полтавская	15
12.	Екатеринославская	13
13.	Тифлисская	13
14.	Варшавская	12
15.	Орловская	12
16.	Смоленская	11
17.	Саратовская	10
18.	Тамбовская	10
19.	Вятская	10
20.	Подольская	9
21.	Волынская	8
22.	Минская	8
23.	Оренбургская	8
24.	Бессарабская	7
25.	Кубанская	7
26.	Новгородская	7
27.	Псковская	7
28.	Виленская	6
29.	Донскаго войска область	6
30.	Костромская	6
31.	Нижегородская	6
32.	Плоцкая	6
33.	Рязанская	6
34.	Самарская	6
35.	Симбирская	6
36.	Тверская	6
37.	Тобольская	6
38.	Архангельская	5
39.	Бакинская	5
40.	Владимірская	5
41.	Иркутская	5
42.	Калужская	5
43	Курская	5
44.	Ставропольская	5
45.	Сѣдлецкая	5
46.	Эриванская	5
47.	Акмолинская	4
48.	Гродненская	4
49.	Ковенская	4
50.	Люблинская	4
51.	Терская	4
52.	Томская	4
53.	Астраханская	3
54.	Витебская	3
55.	Вологодская	3
56.	Енисейская	3
57.	Забайкальская	3
58.	Лифляндская	3
59.	Могилевская	3
60.	Пензенская	3
61.	Петроковская	3
62.	Семирѣченская	3
63.	Сувалкская	3
64.	Тульская	3
65.	Якутская	3
66.	Калишская	2
67.	Курляндская	2
68.	Кѣлецкая	2
69.	Радомская	2
70.	Сыръ-Дарьинская	2
71.	Уральская	2
72.	Уфимская	2

73. Ферганская	2
74. Черниговская.	2
75. Елисаветопольская	1
76. Зарявшанскій окр.	1
77. Ломжинская	1
78. Олонецкая.	1
79. Приморская	1
80. Семипалатинская.	1
81. Черноморскій округъ.	1
Итого	1000
За-границу	26
Всего.	1026

II.

Распредѣленіе журнала по положенію получающихъ.

Высшія централ. учрежд.	2
Администрат. мѣста и лица.	15
Сенаторы и служ. при Сенатѣ.	15
Судебныя палаты.	4
Предсѣдатели судебн. палатъ	3
Члены судебныхъ палатъ	8
Прокуроры судебныхъ палатъ.	10
Окружные Суды и палаты гражд. и уголовн. судовъ	32
Предсѣдатели ихъ	6
Товарищи предсѣдателей	5
Члены судовъ.	17
Прокуроры окружныхъ судовъ и губернскіе прокуроры.	28
Товарищи прокуроровъ	17
Судебные слѣдователи	42
Съѣзды мировыхъ судей	28
Мировые судьи.	40
Совѣты и консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ.	10
Присяжные повѣренные	192
Нотаріусы	20
Коммерческіе суды и служ. при нихъ.	5
Военные суды.	2
Военные прокур. и помощн. ихъ.	3
Конторы банковъ.	4
Университетскія библіотеки.	8
Библіот. друг. учебн. заведен. и ученыхъ обществъ.	18
Професcоры.	37
Студенты.	161
Библіотеки и клубы	39
Редакціи газетъ	31
Губернск. управы и статистич. отдѣл. ихъ.	3
Городскія управы и статистическ. отдѣленія ихъ.	11
Уѣздныя управы	5
Врачи	7
Прочія лица и учрежденія.	199
Итого.	1026

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ.

(третьяго за 1889 г.).

Некрологъ.

Стр.

По политической экономіи и статистикѣ:

По исторіи права, учрежденій и нравовъ:

По теоріи права:

По международному праву:

По гражданскому праву:

По уголовному праву:

По судоустройству и судопроизводству:

Хроника:

Библіографія:

Разныя извѣстія и замѣтки:

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ".

Съ 1-го января 1890 года будетъ издаваться, подъ редакціей ординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета **Н. Д. Сергѣевскаго** и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ **Н. Ѳ. Дерюжинскаго, А. А. Исаева** и **Н. М. Коркунова**, ежемѣсячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ". Задачею журнала поставляется, во-первыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни; во-вторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ" будетъ заключать въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя) научныя статьи по вопросамъ право- и государствовѣдѣнія.

II. Хроники: законодательную, судебную и научную.

III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ" выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца, книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждыя шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе.

Подписная цѣна **5 РУБЛЕЙ** въ годъ, съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ *С.-Петербургѣ*, въ книжныхъ магазинахъ: *Анисимова*, Большая Садовая, № 12; *Цинзерлинга*, Невскій проспектъ, № 46; *Мартынова*, Большая Морская, № 30.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ", *С.-Петербургъ*, Васильевскій островъ, по 3 линіи, д. № 26.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1890 ГОДУ

ЖУРНАЛА ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . .	8 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ	8 р. 50 к.
съ пересылкой въ другіе города . . .	9 р.
за-границей	12 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, рѣшенія кассаціонныхъ **департаментовъ сената**, платятъ за журналъ и за рѣшенія:
съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города. 13 р. 50 к.

Рѣшенія кас. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 р., съ касс. рѣш. 8 р., и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. **Гг. дѣйствительные члены Спб. юридическаго общества** *пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну, т. е. 4 р. 50 к., а съ касс. рѣш. 9 р. 50 к. То же право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.*

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права", С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ Москвѣ: у *Анисимова*, на Никольской улицѣ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1886, 1887 и 1888 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала по 2 р. съ пересылкою.

Редакторъ **В. Володиміровъ.**

(По отдѣлу гражд. права) **А Х. Гольмстенъ.**

Содержаніе восьмой книги:

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ"
НА 1890 ГОДЪ.

«Судебная Газета» будетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, давать на своихъ страницахъ критическое обсужденіе законовъ, какъ дѣйствующихъ уже, такъ и вновь публикуемыхъ, при чемъ для болѣе яркаго освѣщенія достоинствъ и недостатковъ отечественнаго права—матеріальнаго и процессуальнаго—будетъ держаться сравнительнаго метода изложенія, приводя постановленія передовыхъ иностранныхъ законодательствъ. Памятуя ближайшія задачи спеціальнаго органа, газета наша будетъ охотно отводить у себя мѣсто разнымъ юридическимъ замѣткамъ и вопросамъ, имѣющимъ цѣлью выясненіе темныхъ сторонъ права, чѣмъ значительно облегчится положеніе провинціальныхъ практиковъ, которые, какъ можно судить изъ поступающихъ къ намъ заявленій, особенно часто нуждаются въ совѣтѣ и обмѣнѣ мыслей.

(Просимъ обратить особенное вниманіе на слѣдующее):

Въ каждомъ № «Судебной Газеты» подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всемъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными, то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія «Судебной Газеты».

Сообщеніе справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ и другихъ Департаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, при томъ не болѣе 3—4 въ годъ.

Подписчикамъ въ разсрочку и на сроки справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

Желающіе получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода № газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

Юридическая консультація: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ «Отвѣты редакціи» или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ 7 руб.; на 6 мѣсяцевъ **4** руб. **50** коп.; на 3 мѣсяца **3** руб. и на 1 мѣсяцъ **1** руб. За границу **10** руб. въ годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ТРУДЫ И. В. Э. ОБЩЕСТВА,

ЖУРНАЛЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКІЙ.

Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества въ 1890 г., какъ и въ прошломъ, будутъ издаваться подъ редакціею Секретаря Общества, заслуженнаго профессора А. Бекетова, выходя шесть разъ въ годъ.

Въ составъ ихъ войдутъ исключительно свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Общества и доклады, читанные въ средѣ его собраній.

Въ «Трудахъ» будутъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Журналы (протоколы) общихъ собраній, со включеніемъ отчета Секретаря.

II. Сельское Хозяйство. Журналы засѣданій I Отдѣленія Общества и доклады, касающіеся предмета занятій этого Отдѣленія.

III. Техническія сельскохозяйственныя производства. Журналы засѣданій II-го Отдѣленія и доклады по части техническихъ сельскохозяйственныхъ производствъ.

IV. Сельскохозяйственная статистика и политическая экономія. Журналы засѣданій III-го Отдѣленія и доклады по статистикѣ и политической экономіи.

Обзоры сельскохозяйственной литературы, дѣятельности сельскохозяйственныхъ Обществъ и вообще сельскохозяйственной жизни страны будутъ служить предметомъ докладовъ въ средѣ Общества и, смотря по содержанію, будутъ помѣщаться въ томъ или другомъ изъ названныхъ отдѣловъ.

Кромѣ того, въ Трудахъ помѣщаются свѣдѣнія о дѣятельности Комитета Грамотности, состоящаго при И. В. Э. Обществѣ, и доклады сдѣланные въ средѣ Комитета.

V. Корреспонденція Общества. Вопросы и отвѣты лицамъ, обращающимся въ Общество.

Подписная цѣна 3 руб. въ годъ, съ пересылкою и доставкою; полугодовой подписки и на отдѣльныя книжки не принимается.

Всѣмъ подписчикамъ при 1-мъ выпускѣ будетъ разосланъ, въ видѣ приложенія, Указатель статей, помѣщенныхъ въ Трудахъ В. Э. Общества за 1876—88 гг., составленный членомъ А. В. Бѣлевичемъ.

Подписчики «Трудовъ», желающіе получать «Пчеловодный Листокъ», доплачиваютъ 1 р. 50 коп. (вмѣсто 2 руб.), платимыхъ отдѣльными подписчиками «Пчеловоднаго Листка».

Подписку слѣдуетъ адресовать: С.-Петербургъ, 4 рота Измайловскаго полка д., № 1/13 (Общества). Въ редакцію «Трудовъ».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ
РУССКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Въ 1890 году журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ, которая, какъ и въ 1889 году, будетъ выполняться во всѣхъ ея частяхъ въ каждомъ нумерѣ журнала, обнимая вопросы по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

Преслѣдуя живой обмѣнъ сельскохозяйственныхъ знаній между нашими сельскими хозяевами и тѣмъ самымъ служа возможно большему распространенію этихъ знаній въ ихъ средѣ, Редакція заручилась сочувствіемъ многихъ русскихъ сельскихъ хозяевъ-практиковъ, которые въ 1890 году, на ряду съ прежними сотрудниками, примутъ участіе въ «Вѣстникѣ Русскаго Сельскаго Хозяйства».

Въ 1890 году Редакція, въ видѣ безплатныхъ приложеній, будетъ разсылать въ теченіе года всѣмъ своимъ подписчикамъ сѣмена нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ растеній, почему либо обращающихъ на себя вниманіе-

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.—II. Сельскохозяйственная корреспонденція.—III. Хроника.—IV. Обозрѣніе сельскохозяйственной литературы.—V. Вопросы и отвѣты.—VI. Торговыя извѣстія.—VII Объявленія.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ 1-го и 15-го ЧИСЛА КАЖДАГО МѢСЯЦА

КНИЖКАМИ, КАЖДАЯ НЕ МЕНѢЕ 4 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ.

Подписная цѣна: на годъ, съ 1-го января, безъ пересылки 4 руб. и съ пересылкою 5 руб. На полгода (съ 1-го января, или съ 1-го іюля) съ пересылкою 3 руб. На годъ, съ доставкою за-границу, 6 руб

Подписка на 1889 годъ продолжается.

Новые подписчики получаютъ журналъ съ перваго номера.

Подписка и объявленія принимаются въ редакціи жунала «Вѣстникъ Русскаго Сельскаго Хозяйства:» Москва, Леонтьевскій пер. домъ № 2, а также и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель И. П. Петровъ.

5 р. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ **5 р.**

на политическую, литературную и художественную

„ГАЗЕТУ А. ГАТЦУКА“.

«ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА» иллюстрируется изящными рисунками извѣстныхъ художниковъ и выходитъ въ объемѣ 2—3 листовъ въ недѣлю. Въ важныхъ случаяхъ «Газета» выходитъ два раза въ недѣлю.

Въ 1890 г. „Газета“ будетъ значительно расширена и улучшена. Редакція ея обновлена новыми силами и уже заручилась содѣйствіемъ многихъ извѣстныхъ литераторовъ и художниковъ.

Въ учено-литературномъ отдѣлѣ «Газеты» примутъ участіе: профес. В. Б. Антоновичъ, Ѳ. П. Буслаевъ, Л. П. Бѣльскій, А. Н. Веселовскій, И. Я. Гротъ, И. И. Иванюковъ, М. К. Іогель, профес. Ѳ. Е. Коршъ, П. А. Лавриченко, Н. С. Лѣсковъ, Д. Л. Мордовцевъ, Н. И. Стороженко, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и др.

Редакція «ГАЗЕТЫ А. ГАТЦУКА» задалась цѣлью соединить въ одно цѣлое политическую и общественную газету и художественный учено-литературный журналъ. Такимъ образомъ, для провинціальныхъ читателей ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА можетъ вполнѣ замѣнить ежедневную газету, такъ какъ она сообщаетъ всѣ политическія и общественныя новости, распоряженія правительства, провинціальныя извѣстія, новости торговыя, биржевыя и техническія, свѣдѣнія о новыхъ открытіяхъ въ области наукъ, искусствъ, ремеслъ и проч.

Въ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ «Газеты» печатаются романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, популярныя историческія и естественноисторическія статьи, путешествія и проч. Многія статьи иллюстрируются рисунками. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ «Газеты» посвящается, главнымъ образомъ, текущимъ замѣчательнымъ событіямъ современной жизни. Каждое выдающееся событіе немедленно иллюстрируется на страницахъ «Газеты». Кромѣ того, въ «Газетѣ» помѣщаются портреты всѣхъ выдающихся политическихъ и общественныхъ дѣятелей, государственныхъ людей, писателей и проч., а также копіи картинъ извѣстныхъ художниковъ.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА „ГАЗЕТА“ ДАСТЪ СЛѢДУЮЩІЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ И ПРЕМІИ:

1) ШЕСТЬ КНИГЪ избранныхъ романовъ и повѣстей, оригинальныхъ и переводныхъ. Каждая книга заключаетъ въ себѣ отъ 6 до 10 печатн. листовъ,
2) МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ, выходящій шесть разъ въ годъ отдѣльными выпусками со множествомъ рисунковъ и политипажей, съ образцами работъ, выкройками и проч. Кромѣ послѣднихъ модъ, дается множество свѣдѣній по домашнему хозяйству.
3) ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ДРАМЫ ШЕКСПИРА. Большой томъ, съ изящными англійскими иллюстраціями.
4) КРЕСТНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1890 годъ, отпечатанный на веленевой бумагѣ, иллюстрированный множествомъ рисунковъ, и при немъ стѣнной календарь. Календарь высылается при первомъ № «Газеты».

Кромѣ перечисленныхъ приложеній и премій, редакція, въ виду значительно увеличившагося распространенія «Газеты», дастъ своимъ подписчикамъ

ГЛАВНУЮ ПРЕМІЮ:

БОЛЬШУЮ ОЛЕОГРАФИЧЕСКУЮ КАРТИНУ.

Главная премія „ГАЗЕТЫ А. ГАТЦУКА“ представляетъ собою дѣйствительно превосходное художественное произведеніе. Она рѣзко отличается отъ премій другихъ газетъ и журналовъ и можетъ занять мѣсто въ каждой гостинной, какъ прекрасное украшеніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на «Газету» со всѣми приложеніями и главной преміей, съ пересылкой и доставкой:

на годъ 5 р. | на $^1/_2$ года 3 р. | на $^1/_4$ года 1 р. 75 к.

ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ выдается только годовымъ подписчикамъ. Подписчики, желающіе получить эту премію, прилагаютъ за пересылку и доставку ея 1 рубль. Разсылка преміи начнется немедленно, по порядку полученія подписныхъ денегъ, такъ что лица, подпис. заблаговременно, могутъ получить ее въ текущ. 1889 году.

Требованія адресуются: въ Редакцію «Газеты А. Гатцука», Москва, Никитскій бульваръ, собствен. домъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ

на общественную, литературную и политическую газету

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

выходящую въ Казани ежедневно, не исключая и понедѣльниковъ, за исключеніемъ дней, слѣдующихъ за большими праздниками.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

СЪ НОЯБРЯ 1889 ГОДА ГАЗЕТА НАЧНЕТЪ ВЫХОДИТЬ

ВЪ ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕННОМЪ ФОРМАТѢ,

вслѣдствіе чего будутъ введены, нѣкоторые новые отдѣлы и будутъ расширены существующіе.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Передовыя статьи по различнымъ общественнымъ вопросамъ.—Обзоръ текущей прессы и журналистики.—Ежедневныя политическія и два раза въ недѣлю торговыя телеграммы.—Собственныя корреспонденціи изъ С.-Петербурга и Москвы. — Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Камскаго и Приволжскаго края. — Казанская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п.—Судебная хроника.—Библіографія.—Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концерты, музыкальные вечера и проч.—Обзоръ иностранныхъ театровъ.—Политическое обозрѣніе текущей международной жизни, въ видѣ самостоятельныхъ статей, помѣщаемыхъ четыре раза въ недѣлю.—Сельское хозяйство и промышленность. — Педагогика и народное образованіе. — Торговый отдѣлъ. — Фельетоны и беллетристика. На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и общедоступныя статьи научнаго направленія, составляемыя спеціалистами.— Тиражи выигрышей, справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

Подписная цѣна для иногороднихъ, съ пересылкою: на годъ—9 р., на полгода—5 р., на 3 мѣсяца—2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—1 р. Допускается слѣдующая разсрочка платы: при подпискѣ вносится 5 р., къ 1 мая — 4 руб.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, гг. новымъ подписчикамъ, подписавшимся на будущій годъ и внесшимъ полную годовую плату,—газета, со дня подписки и до 1 января 1890 года, будетъ, по заявленію ими желанія, высылаться и доставляться безплатно.

Требованія на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція «Волжскаго Вѣстника».

Редакторъ-Издатель, профессоръ Н. Загоскинъ.

Изданія редакціи журнала „Юридическій Вѣстникъ“:

Институціи римскаго права. *Рудольфа Зома*, профессора въ Лейпцигѣ. Переводъ *В. М. Нечаева* съ третьяго нѣмецкаго изданія. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Малолѣтніе преступники. Этюдъ по вопросу о человѣческой преступности, ея факторахъ и средствахъ борьбы съ ней. Вып. II-ой: Психологія преступности (первая половина). *Д. Дриля.* Ц. 1 р. 75 к.

Первобытное право. I. и II вып. *М. Ковалевскаго.* Ц. 2 р. 65 к. за два вып.

Обзоръ современной литературы по международному праву. Графа *Л. Камаровскаго*, проф. Московскаго университета. Ц. 2 р. 50 к

Судебные уставы Императора Александра втораго съ толкованіями, извлеченными изъ всей отечественной юридической литературы. I. Учрежденіе судебныхъ установленій. II. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Составилъ *А. Тимановскій.* тов. предс. Варш. окруж. суда. Цѣна 4 р.

Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ по уставу военно-судебному. Полковника *Македонскаго.* Москва. Цѣна 1 р.

Древнѣйшая жизнь евреевъ. Соціологическій этюдъ. *Джона Фентона.* Цѣна 1 р.

Объ основаніи защиты владѣнія по римскому праву. *Рудольфа фонъ Іеринга*, переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р. 50 к.

Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. *Рудольфа-фонъ Іеринга*, переводъ съ нѣмецкаго *В. Огнева*, подъ редакціей проф. *С. А Муромцева.* Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

Первый съѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ въ 1875 году. Издано подъ редакціей *С. И. Баршева, Н. В. Калачова, С. А. Муромцева и А. М. Фальковскаго.* М. 1882. Ц. 2 р.

Юриспруденція обыденной жизни. Собраніе юридическихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ событій обыденной жизни. Для пользованія въ университетахъ. Составилъ *Д-ръ Рудольфъ фонъ Іерингъ.* Пер. съ 4 нѣм. изданія *Николая Дерюжинскаго.* Цѣна 75 коп.

Гражданское право древняго Рима. Лекціи *Сергѣя Муромцева*, профессора Московскаго Университета. Ц. 5 р.

Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Изслѣдованіе *Сергѣя Муромцева.* профессора Московскаго университета. Ц. 2 р. (печатается 2-е изданіе).

Рецепція римскаго права на Западѣ. *Сергѣя Муромцева.* Москва. Цѣна 2 р.

Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи. *Сергѣя Муромцева.* Изд. 2-ое, испр. и доп. Москва. Цѣна 1 р.

Логика общественныхъ наукъ. Переводъ VII и VIII главъ пятой книги Логики Бэна съ приложен.: „Доказательство въ историческихъ наукахъ“. Цѣна 50 к.

Древніе русскіе смѣсные или вобчіе суды. Составилъ *Николай Ланге.* Ц. 2 р.

Проэкты желѣзнодорожнаго законодательства, составленные и обсужденные въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ въ 1879—80 г. Ц. 1 р.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги:

О преступленіяхъ въ особенности. Профессора *Будзинскаго.* Цѣна 3 руб.

Объ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи преступленій по судебнымъ уставамъ 1864 года. *А. Квачевскаго.* Часть I, цѣна 1 р. 85 к.— Часть III, вып. 1, цѣна 2 р. Часть III, вып. 2, цѣна 2 р.

Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Т. I. Очерки исторіи славянъ. *О. О. Первольфа*, проф. Варшав. унив. Ц. 2 р.

Законъ 18 мая 1882 г. о кражѣ. Съ комментаріемъ. *С. Будзинскаго.* Ц. 80 к.

Опыты по исторіи англійской конституціи (Фриманъ и Стебсъ). Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *М. Ковалевскаго.* Цѣна 2 р., для студентовъ 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Земскіе вопросы. *В. Ю. Скалона.* Цѣна 1 р. 50 к.

ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ,

помѣщаемыя въ журналѣ «Юридическій Вѣстникъ», взимается:

	За 1 разъ:	За каждый слѣдующій:
1. За цѣлую полосу (страницу) . . .	8 р. с.	6 р. с.
2. За 1/2 полосы (страницы)	5 р. с.	4 р. с.
3. За 1/4 полосы (страницы)	3 р. с.	3 р. с.

Въ полосѣ 50 строкъ петита, около 70 буквъ въ каждой. За приложеніе отдѣльныхъ объявленій въ количествѣ до 1400 экземпляровъ—десять рублей.

000190089
ЮФ СПБГУ

